
БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КАРА-ТЕПЕ
В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
РЕСТАВРАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МАТЕРИАЛЫ СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРА-ТЕПЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Б. Я. Ставиского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ
1974—1977 гг.

МОСКВА 1982

902.6
Б90

Сборник является пятым по счету выпуском (предыдущие четыре были изданы в 1964, 1969, 1972 и 1975 гг.) материалов археологической экспедиции по исследованию уникального историко-культурного памятника кушанской эпохи — буддийского культового центра в Термезе.

Б $\frac{0507000000\text{-}060}{013(02)\text{-}82}$ 224-81

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Светлой памяти академика
Бободжана Гафуровича
Гафурова

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник, пятый в серии Материалов экспедиции на Кара-тепе[1], посвящен итогам полевых исследований 1974—1977 гг. и камеральной обработке материалов, добытых как в эти, так и в предыдущие годы раскопок Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Термезе, на берегу Амударьи.

Как и предыдущие публикации Материалов экспедиции, этот сборник открывается отчетом начальника экспедиции о ходе раскопочных работ и основных итогах исследований Кара-тепе за последние годы. Отчет содержит описание раскапывавшихся в 1974—1977 гг. помещений и важнейших находок, информацию о тех выводах, к которым пришел автор и другие исследователи Кара-тепе в результате его изучения в последние годы.

К этому отчету примыкает статья А. Ф. Бердникова, руководившего группой Государственного музея искусства народов Востока, которая в 1974—1977 гг. вела раскопки одного из участков Кара-тепе — комплекса В. В статье подробно описаны раскапывавшиеся помещения этого комплекса (в отчете начальника экспедиции соответственно о раскопках комплекса В приведены лишь общие сведения).

Первую часть сборника завершает статья Л. И. Альбаума. Этот известный ташкентский археолог недавно закончил раскопки загородного буддийского монастыря Фаяз-тепе, относящегося к тому же (кушанскому) периоду, что и Кара-тепе, и лежавшего менее чем в 1 км от последнего. Л. И. Альбаум сопоставляет четкий трехчленный план (храмовая, собственно монастырская и трапезно-хозяйственная части) Фаяз-тепе с планировкой Кара-тепе. Он справедливо отмечает сходство в устройстве храмовых дворов Фаяз-тепе и каратепинских комплексов А и Б; от последнего к северу к тому же, как и на Фаяз-тепе, располагалась ступа. Исходя из этого и оставляя без внимания многие различия между Кара-тепе и Фаяз-тепе, Л. И. Альбаум предполагает, что лежащие западнее храмовых дворов комплексов А и Б пещерные храмы П-I и П-II — по аналогии с монастырской частью Фаяз-тепе, лежавшей к западу от храмовой,— следует считать не культовыми, а жилыми помещениями. Но ведь эти пещеры, не имеющие ничего общего с монастырскими помещениями Фаяз-тепе, никак не были приспособлены для жилья! Спорно и предложение Л. И. Альбаума трактовать кельи монахов-служителей в комплексах А и Б, снабженные суфами, не как жилые комнаты, а как кладовые. И совсем легковесно объяснение комплекса В как женского буддийского мо-

[1] Предыдущие сборники: (I) Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964; (II) Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969; (III) Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972; (IV) Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

настыря. Однако ценные сведения, сообщаемые Л. И. Альбаумом о Фаяз-тепе, и оригинальные суждения могут привлечь внимание всех тех, кто интересуется буддийскими памятниками Средней Азии вообще.

Группа статей посвящена публикации и специальному анализу надписей и монет, найденных в ходе раскопок Кара-тепе. В двух статьях московского индолога, сотрудника Института востоковедения АН СССР В. В. Вертоградовой исследуются надписи на керамике из Кара-тепе. В одной из них публикуются индийские надписи на керамике, найденные на Кара-тепе в 1970—1977 гг., и дается их разносторонний глубокий анализ, позволивший автору определить название буддийского культового центра на Кара-тепе — «Кхадевакавихара» (т. е. «Вихара Государя») и осветить некоторые важные вопросы религиозных представлений, распространенных в буддийской общине кушанского Термеза. В другой статье речь идет о находке в 1972 г. трех фрагментов стенки сосуда с частью надписи так называемым неизвестным письмом, выявленным недавно нашим французским коллегой Ж. Фюсманом. В. В. Вертоградова вновь рассматривает все известные сейчас надписи этой загадочной письменностью и приводит сводную, с учетом надписи из Кара-тепе, таблицу, включающую теперь 12 знаков неизвестного письма, засвидетельствованных в Средней Азии.

Статья Б. И. Вайнберг (Хорезмская экспедиция Института этнографии АН СССР) и искусствоведа Т. А. Раевской (Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации) продолжает начатую в предыдущих сборниках Материалов экспедиции публикацию нумизматических материалов из Кара-тепе и района Термеза в целом. Помимо кушанских, посткушанских и эфталитской монет из Кара-тепе в ней анализируются монеты из найденного к востоку от Термеза большого клада серебряных эфталитских монет с интересными надчеканами.

Археолог Н. С. Сычева (Государственный музей искусства народов Востока) и востоковед В. Л. Сычев (Институт Дальнего Востока АН СССР) в своей работе рассматривают вопросы семантики изобразительных и орнаментальных мотивов, отмеченных в стенных росписях, на каменных рельефах и керамике Кара-тепе.

В сборник включены статьи и заметки, посвященные исследованиям материалов Кара-тепе методами естественных наук. Авторы этих работ — химики, физики, биофизики из Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (Э. Н. Агеева, В. Я. Бирштейн, З. М. Желнинская, И. Г. Равич, М. С. Шемаханская), петрограф из Всесоюзного научно-исследовательского геолого-разведочного нефтяного института Г. Е. Белозерова и сотрудники Института элементоорганических соединений АН СССР С. В. Витт, М. Б. Сапоровская, Е. А. Пасконова приводят интересные данные исследований камня, керамики, материалов живописи; доказывают возможности изучения археологического металла до его очистки; дискутируют вопросы методики анализа связующего в стенных росписях. В целом эти статьи и заметки наглядно демонстрируют те успехи, которые достигнуты сейчас в результате включения в состав исследователей Кара-тепе и других археологических памятников Средней Азии специалистов естественных наук.

сентябрь 1978 г. *Б. Я. Ставиский*

Б. Я. Ставиский

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАРА-ТЕПЕ В 1974—1977 гг.

Регулярное исследование Кара-тепе, начатое в 1961 г. и нашедшее отражение вплоть до работ 1973 г. в четырех предыдущих сборниках Материалов экспедиции, продолжалось и в 1974—1977 гг. В 1974—1976 гг. экспедиция на Кара-тепе, как и ранее, была организована Всесоюзной центральной научно-исследовательской лабораторией по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР; с 1979 г.— Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации) Министерства культуры СССР, Государственным Эрмитажем и Государственным музеем искусства народов Востока (ГМИНВ). В 1977 г. к этим учреждениям — организаторам экспедиции присоединился Государственный музей истории религии и атеизма (ГМИР, ранее — МИР), где хранятся материалы из раскопок Е. Г. Пчелиной, которая в 1937 г. начинала работы на Кара-тепе [1].

Как и в предыдущие годы, работы совместной экспедиции на Кара-тепе проходили в тесном контакте с Институтом востоковедения АН СССР и Институтом археологии АН УзССР. Раскопки Кара-тепе в рассматриваемый четырехлетний период велись ежегодно, в осенние полевые сезоны [2]. Все эти годы про-

[1] См.: Е. Г. Пчелина. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе.— «Кара-тепе I», с. 85—99.

[2] В работах на Кара-тепе в 1974 г. участвовали начальник экспедиции, зав. отделом ВЦНИЛКР Б. Я. Ставиский; руководитель раскопочной группы ГМИНВ А. Ф. Бердников; сотрудники ВЦНИЛКР — биохимик В. Я. Бирштейн, химик Л. В. Кузнецова, художники-реставраторы высшей квалификации В. Л. Трофимов и И. А. Хазанова; сотрудники ГМИНВ, археологи В. Е. Войтов и В. И. Шляхова; архитекторы В. Б. Кузнецов (Ленинград) и И. П. Лунькова (Москва); сотрудник ИВ АН СССР, индолог В. В. Вертоградова; ст. научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, искусствовед Н. В. Розанова; В. А. Буков, Ю. А. Зубарев и Н. Н. Николаева (Москва), Т. Б. Кузнецова (Ленинград), Р. Е. Побережная и Б. А. Соболь (Вильнюс). В 1975 г. на Кара-тепе работали Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, Л. В. Кузнецова, В. Л. Трофимов; сотрудники ВЦНИЛКР — химик Э. Н. Агеева, техник А. А. Гаямов, лаборант-химик Л. Г. Федотова; сотрудник ГМИНВ, искусствовед М. Г. Талалян; лаборанты-археологи Н. М. Асавина и Н. А. Мальцева (Москва), архитектор Н. А. Мачерет (Ленинград); А. Ф. Зазовский, Н. Е. Лабадзе и М. К. Сайдумарова (Москва); в 1976 г.— Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, Э. Н. Агеева, Л. Г. Федотова, А. Ф. Зазовский, М. К. Сайдумарова; сотрудник отдела Востока Эрмитажа, искусство-

должались также камеральная обработка, реставрация, историко-культурные и химико-технологические исследования материалов, добытых в ходе раскопок Кара-тепе[3].

I. РАСКОПОЧНЫЕ РАБОТЫ

Раскопочные работы на Кара-тепе в 1974—1977 гг. велись на южной вершине этого трехглавого холма — на восточном и северном ее склонах (рис. 1). На восточном склоне продолжались раскопки в комплексе Б, на северном — в комплексе В; здесь же, к западу от комплекса В, в 1975 г. начаты широкие работы в новом комплексе — Г, пещерный храм которого (П-V) был обнаружен еще в 1964 г.[4]

1. Раскопки в комплексе Б

Раскопки комплекса Б, входящего в «первую группу помещений», были начаты еще Е. Г. Пчелиной и велись нашей экспедицией в течение всех тринадцати предыдущих полевых сезонов[5]. За это время комплекс Б в основном был раскопан.

вед К. Ф. Самосюк; сотрудники ВЦНИЛКР — искусствовед В. В. Длугач и инженер В. А. Зайцев; сотрудник ГМИНВ, художник Г. С. Пиггот; сотрудник ИВ АН СССР, археолог С. А. Узянов; В. В. Еремичев, Г. Н. Жукова, В. Н. Ребриков, Б. Ф. Суриков, А. Я. Хавкин и В. Б. Янковский (Москва); в 1977 г.— Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, Э. Н. Агеева, В. В. Длугач, В. А. Зайцев, Л. В. Кузнецова, Л. Г. Федотова, Г. С. Пиггот, С. А. Узянов, И. П. Лунькова, Г. Н. Жукова, М. К. Сайдумарова; сотрудник ВЦНИЛКР, техник В. Л. Беер; сотрудник ИВ АН СССР, востоковед С. А. Колесов; сотрудник ГМИР (Ленинград), археолог В. Н. Мазурина; архитектор О. А. Туманова (Ленинград); В. А. Бакст, А. В. Гусев, Т. Н. Зайцева, С. В. Клоков и М. Г. Межибовский (Москва), В. И. Салтыков (Вильнюс).

[3] Краткую информацию о раскопках Кара-тепе в 1974—1977 гг. см.: Б. Я. Ставиский. Полевые исследования в Старом Термезе.— РИХМХЦ. 1974, вып. 6, с. 24—25; он же. Археолого-реставрационная экспедиция на Кара-тепе в Старом Термезе (Южный Узбекистан).— РИХМХЦ. 1976, вып. 1, с. 45—46; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, В. В. Вертоградова, Л. К. Сергеева. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе.— АО-74, 1975, с. 512—513; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, Н. М. Асавина, С. А. Узянов. Исследование буддийского культового центра II—IV вв. н. э. на холме Кара-тепе.— АО-75, 1976, с. 535—536; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра Термеза II—IV вв.— АО-76, 1977, с. 543—544; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, В. Н. Мазурина. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе.— АО-77, 1978, с. 538—539. Об итогах камеральных и иных работ см. ниже.

[4] См.: Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.— «Кара-тепе II», с. 15—17.

[5] См.: Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 87, 94—96; Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— «Кара-тепе I», с. 9—20; он же. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 10—15; он же. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.— «Кара-тепе III», с. 16—30; он же. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.— Там же, с. 69—88; Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 11—29.

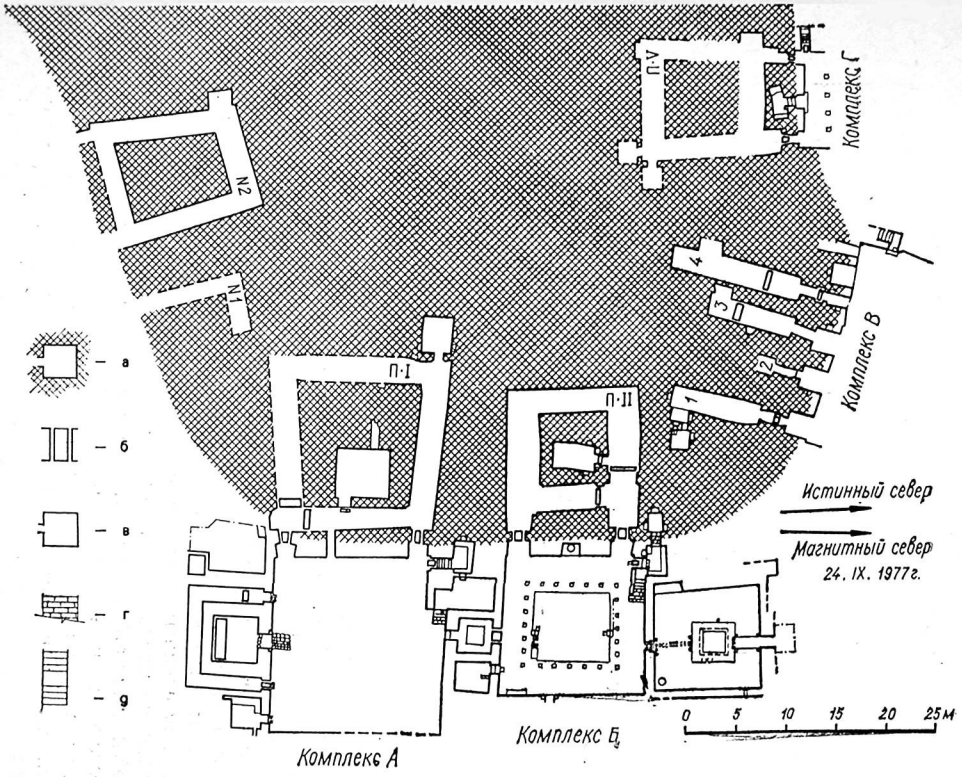

N2
N1
I-П
II-П
III-П
1
2
3
4
Комплекс А
Комплекс Б
Комплекс В
Комплекс Г
Истинный север
Магнитный север
24. IX. 1977г.
0 5 10 15 20 25м
а
б
в
г
д

Рис. 1

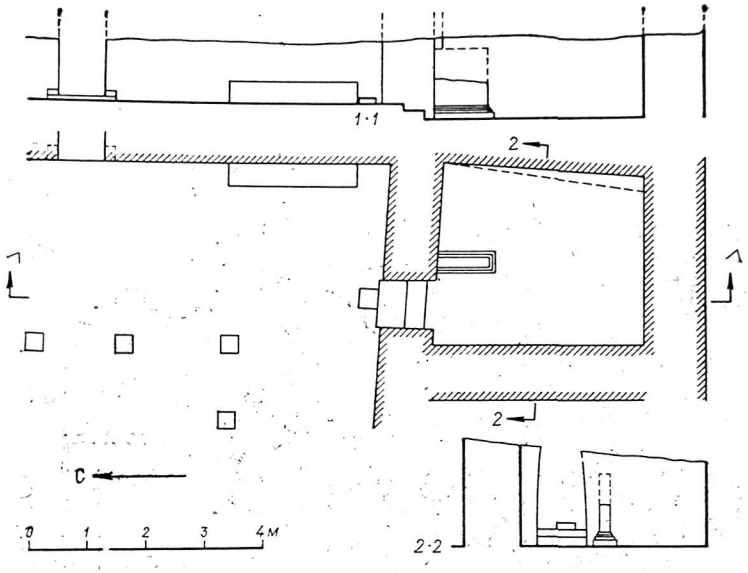

Рис. 2

Здесь полностью расчищен пещерный храм П-II с большим храмовым двором, окруженным по периметру четырьмя айванами («средний двор») и двухкамерной пещерной кельей монаха-служителя (у северного входа в храм). К северу от храмового двора раскопан сообщающийся с ним «северный двор» с остатками ступы в центре. К югу от «среднего двора», между ним и храмовым двором комплекса А, открыто наземное святилище с вымощенным белыми известняковыми плитами полом и остатками платформы (скорее всего, основанием вотивной ступы), облицованной известняком, в центре. Восточнее святилища, в юго-восточном углу комплекса Б, в 1973 г. было оконтурено еще одно наземное помещение, а над пещерным храмом П-II, близ вершины холма, в 1972—1973 гг. велись раскопки обнаруженной здесь постройки: были полностью зачищены остатки двух помещений, получивших обозначение Х-1 и Х-2, и начато оконтуривание еще двух помещений — Х-3 и Х-4.

В полевой сезон 1974 г. раскопки в комплексе Б велись на двух участках — в наземном помещении в юго-восточном углу этого комплекса и в наземной постройке близ вершины Каратепе.

а) Помещение в юго-восточном углу комплекса (рис. 2)

Хотя это помещение в 1973 г. было уже оконтурено и отчасти раскопано[6], зачистку его тогда завершить не удалось, и она была осуществлена в полевой сезон 1974 г. Это наземное помещение со стенами, сложенными из крупного квадратного кирпича-сырца (размером 32×32×10 см и 34—35×34—35×14—15 см), площадью более 9 кв. м было соединено с храмовым двором комплекса Б входным проемом, располагавшимся в северной стене помещения, около его северо-западного угла. Как показали раскопки 1973 г., после того как помещение было заброшено, в нем, подобно ряду других помещений Кара-тепе, поверх слоя запустения было совершено захоронение. При раскопках этого помещения возле входа в него, снабженного двумя аккуратными ступеньками, впервые на Кара-тепе было открыто специальное сооружение — глинобитная, обмазанная ганчем, ширма, защищавшая внутреннюю часть (точнее, северо-восточный угол) помещения от посторонних взглядов. На стенах помещения выявлены следы двух слоев монументальной росписи по глиняной штукатурке, поверх тонкой ганчевой подгрунтовки. Нижняя роспись, во всяком случае в нижней части, представляла собой сплошную раскраску стены в черный цвет, причем в этот же цвет была как будто бы выкрашена и поверхность глиняной обмазки пола. Более поздняя — верхняя роспись имела характер красной панели с белой каймой по низу и геометрической, составленной из квадратиков, орнаментальной полосой по верху. Следы красной краски на полу прослежены в отличие от черной раскраски лишь близ стен и, скорее всего, связаны не с раскраской пола в красный цвет, а с размыванием росписи стен.

На поверхности глиняной обмазки пола помещения, нанесенной поверх материкового песчаникового слоя, судя по следам обжига и копоти, время от времени разводили огонь.

б) Постройка близ вершины, над храмом П-II

Раскопки этой постройки, начатые в полевые сезоны 1972—1973 гг.[7], были в основном завершены в 1974 г., однако отдельные детали ее были окончательно выявлены годом позже, в полевой сезон 1975 г., когда здесь велись дополнительные зачистки, а также раскопки участка к северу от помещения X-1.

[6] См.: Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг., с. 18—21.

[7] См. там же, с. 22—29.

В результате работ 1972—1975 гг. постройка близ южной вершины Кара-тепе, над пещерным храмом П-II комплекса Б, раскопана полностью. Для ее сооружения на склоне холма, над храмом П-II, была удалена песчаниковая порода и вырыт прямоугольный котлован, вытянутый с юга на север на 13,5—14 м, а с востока на запад примерно на 10 м. Дно и стенки котлована были выровнены. Там, где это требовалось (в основном в восточной части, где склон холма был ниже), для создания горизонтальной поверхности на песчаниковую основу были дополнительно уложены сырцовые кирпичи. Песчаниковые же вертикальные стенки котлована были надстроены сырцовыми кладками (рис. 3). Поверхности полов и боковые поверхности стен покрывали глиняные обмазки. Судя по характеру завалов в помещениях этой постройки (здесь встречено относительно мало сырцовых кирпичей, а основной массив заполнения составлял надувной песок и глинистые натеки), их перекрытия были плоскими деревянными.

Постройка над храмом П-II включала, вероятно, шесть комнат и одно помещение айванного типа — портик или веранду с рядом деревянных колонн и деревянной кровлей — вдоль восточного края, обращенного в сторону храмового двора комплекса Б (большая часть этого помещения не сохранилась) (рис. 4—5).

Вход в постройку находился в северо-западной ее части: он вел со склона холма, близ вершины, в помещение Х-1, служившее вестибюлем здания. Вход шел по ступенчатой лестнице снаружи, со склона, вниз — внутрь помещения. От лестницы сохранились четыре ступеньки, высеченные в песчанике и первоначально сверху выложенные жженными плитками (ил. 1). Ширина лестницы достигала 87 см, сохранилась она на высоту 90 см.

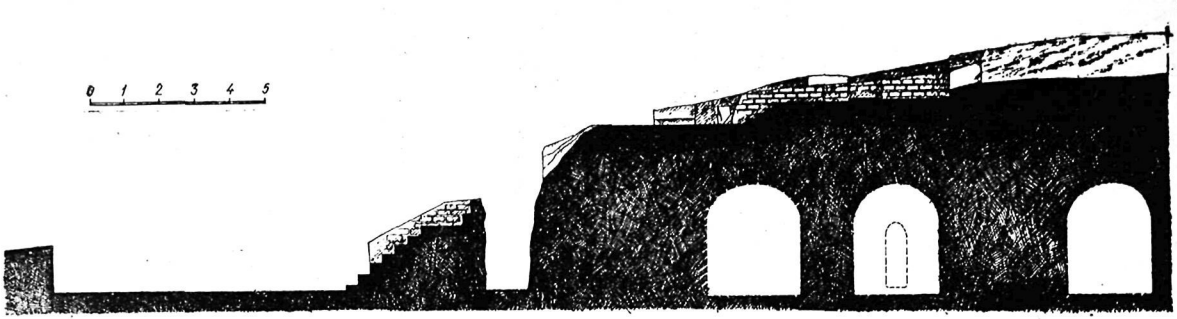
Помещение Х-1 представляло собой небольшую комнату шириной всего 1,6 м при длине с запада на восток, вероятно — 3,2—3,3 м. Восточный край помещения не сохранился (он был полностью смыт или сполз по склону холма), что затрудняет решение вопроса о восточной части этой комнаты: скорее всего, здесь помимо несомненного прохода в помещение Х-4 в южной стене находился еще проход в айван, от которого вестибюль отделяла, вероятно, восточная сырцовая перегородка.

Близ входной лестницы в помещение Х-1, правее (южнее) ее, под пол был закопан большой хум, венчик которого лишь слегка возвышался над уровнем пола. Неподалеку, возле северной стены помещения Х-1, в 1 м от основания лестницы, восточнее ее, в пол была утоплена жженая кирпичная плитка (размером 30×30 см) с множеством сквозных вертикальных отверстий (ил. 1, 3а) [8].

[8] Более детальное описание помещения Х-1 см. там же, с. 25—26.

РАЗРЕЗ I-I

РАЗРЕЗ II-II

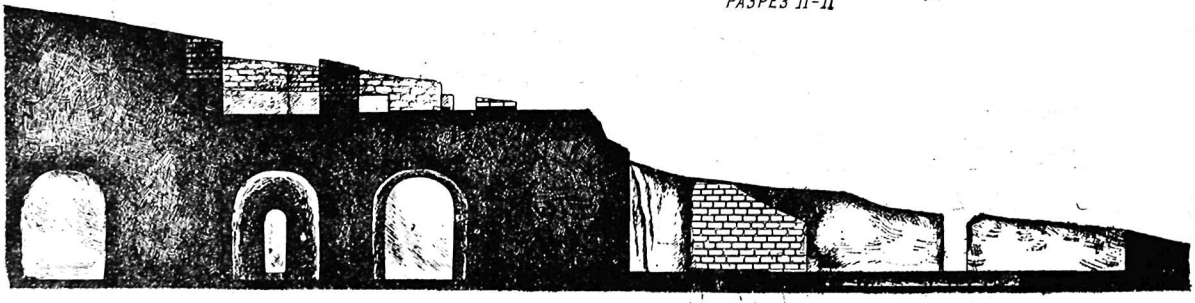

Рис. 3

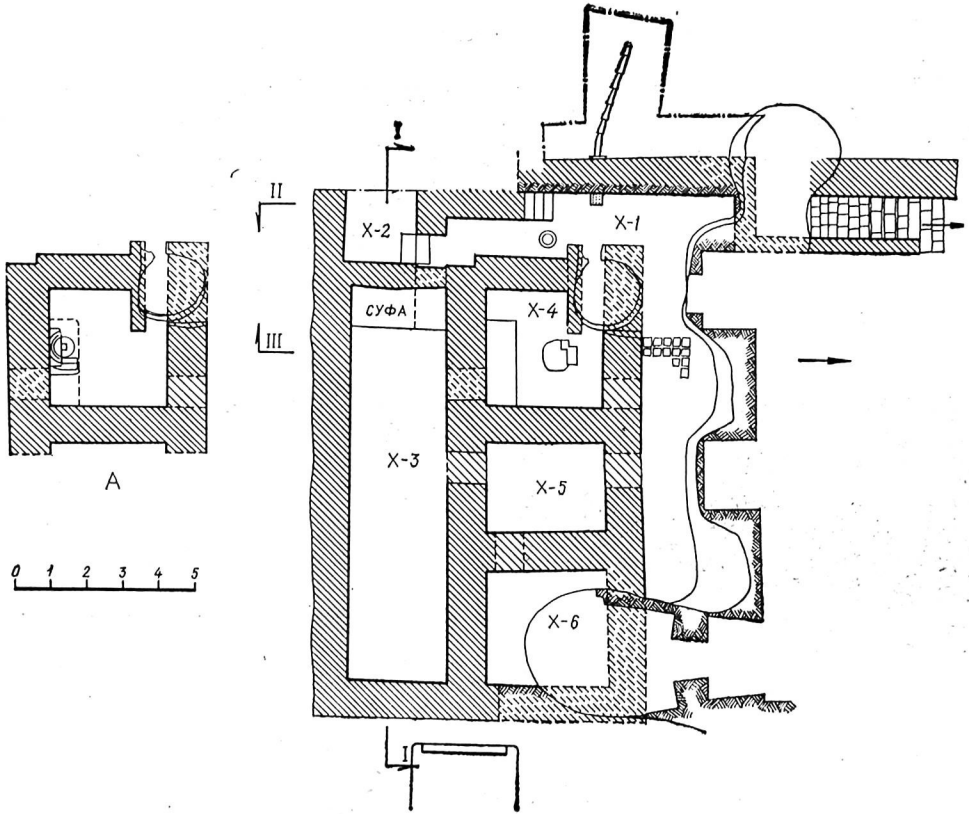

Рис. 4

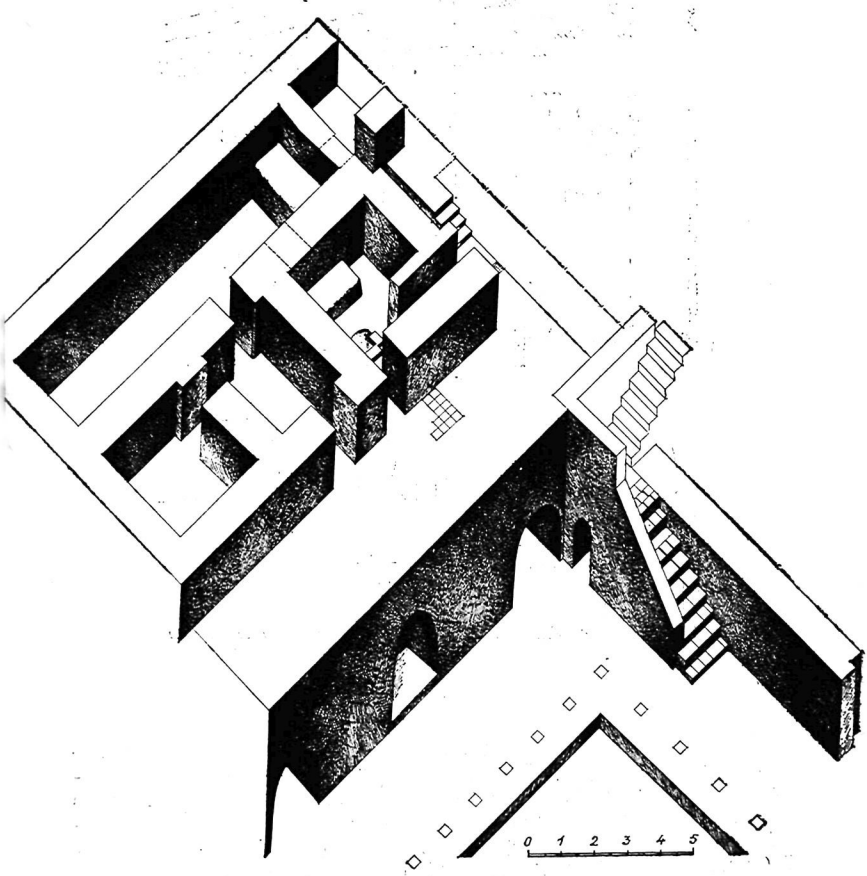

Рис. 5

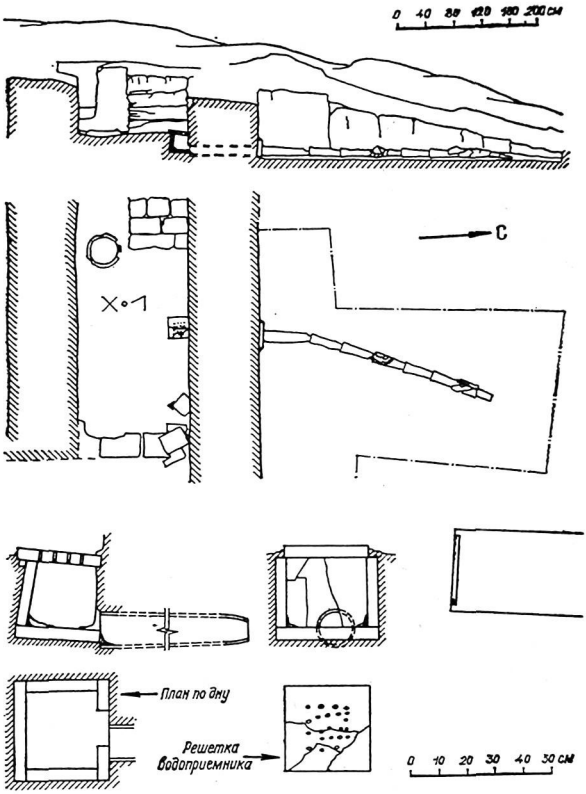

Рис. 6

Предположение, что под плиткой с отверстиями размещалось водосливное устройство, выводящее от этого «умывальника» воду наружу, за пределы постройки[9], подтвердилось: в 1975 г. здесь в ходе дополнительной расчистки раскопан небольшой прямоугольный резервуар, длиной (с запада на восток) 27 см, шириной 21 см и глубиной (от пола) 24 см. Резервуар с востока, юга и запада по краям выложен жженными плитками, стоящими вертикально и скрепленными на стыках ганчевым раствором. Северный же его край образовывали две треугольные жженые плитки, установленные вверх основаниями; между ними находилось отверстие, ведущее в керамическую трубу — кубур, помещенный в основание сырцовой кладки северной сте-

[9] Там же.

ны помещения и выходящий наружу, за пределы постройки, где этот кубур соединялся с линией из семи кубуров, уложенных на естественную песчаниковую поверхность северного склона холма (ил. 3б). Водоотводная система состояла, таким образом, из сборного резервуара и восьми кубуров (рис. 6). Кубуры были нестандартными. Их длина колебалась от 46 до 49 см, а первый, прилегающий к северной стене кубур достигал длины 73,5 см. Диаметры же кубуров были примерно равны: больший — до 12 см, меньший — 7—8 см. Все кубуры в момент их вскрытия оказались заполненными чистым песком. Поверх кубуров почти повсеместно прослеживались остатки очень плотной глиняной обмазки. Кроме того, на месте стыка первого и второго кубуров поверх них лежал сырец. Сырец лежал и поверх последнего (седьмого, если не считать кубура, встроенного в северную стену помещения Х-1) кубура, севернее которого зачищена канавка — не то для открытого стока воды, не то для еще одного, несохранившегося кубура. В целом линия кубуров, открытая к северу от помещения Х-1, отводила воду примерно на 3,5 м от внешней стены наземной постройки и, что, очевидно, еще важнее, более чем на 4 м от расположенного ниже этой постройки пещерного храма П-II.

К западу от помещения Х-1, рядом с входной лестницей, как бы продолжая вестибюль, шел проход в *помещение Х-2* [10]. В южной стене прохода первоначально находился входной проем (шириной 0,9 м), который вел в помещение Х-3; позднее он был заложен аккуратными сырцовыми кладками и с обеих сторон покрыт глиняной штукатуркой.

Раскопки *помещения Х-3* были начаты в 1973 г.[11] и завершены в основном в 1974 г. Это самая большая комната постройки над храмом П-II: она тянется с юга на север более чем на 11 м при ширине около 2,7 м. Первоначально помещение имело три входных проема: один, в северной стене, соединял его с помещениями Х-1 и Х-2; другие (шириной 90 см каждый), в восточной стене,— с помещениями Х-4 (северный) и Х-5 (южный) [12]. В ранний период использования помещения Х-3 в его северо-западном углу находилась высокая, но небольшая по площади суфа, которую позднее (после того, как проем в северной стене помещения был замурован) удлинили на восток, в результате чего суфа протянулась вдоль всей северной стены комнаты [13]. Эта суфа, высокая (до 70 см) и широкая (до 1,1 м), покрытая ровной глиняной штукатуркой и ган-

[10] Описание остатков помещения Х-2 и прохода между ним и помещением Х-1 см. там же, с. 26—27.

[11] Там же, с. 28.

[12] Наметившийся, как казалось в 1973 г., проход из помещения Х-3 на запад, к вершине холма (см. там же), оказался промоиной в верхней части западной стены. Никакого прохода здесь не было.

[13] Ее полное обследование было проведено в 1975 г.

чевой обмазкой, заметно украшала длинное и узкое помещение (ил. 2). Западная (первоначальная) часть суфы была целиком сырцовой. Восточная (поздняя) часть имела с юга внешнюю стенку толщиной в кирпич-сырец (размером 30×30×10 см), сложенную из целых сырцовых кирпичей и их половинок, и была заполнена чистым песком; только ближе к полу характер заполнения менялся: здесь в песке попадались угольки, найдены два невыразительных черепка и непосредственно на полу — слой с кусками сырца.

Южная стена помещения X-3 почти на всю сохранившуюся высоту выдолблена в песчанике и лишь выше надстроена кирпичом-сырцом (размером 31—34×31—34×12—14 см); в юго-западном углу сейчас видны три, а в юго-восточном — пять нижних рядов сырцовой кладки. Западная стена в юго-западном углу сохранила вверху, над песчаниковой стеной, четыре ряда сырца, уложенного в перевязку с кладками южной стены; севернее песчаниковая часть этой стены понижается и число рядов сырца увеличивается. Южная стена сохранилась на высоту от 1,6 (в юго-восточном углу) до 2,15 м (в юго-западном углу), западная — до 2,3 м. На обеих этих стенах по низу сохранилась толстая (до 7 см) глиняная штукатурка со следами глиняной и белой ганчевой обмазки и на южной стене красных наклонных полосок. Восточная стена, сохранившаяся на высоту до 1,8 м (в северо-западном углу), почти полностью сложена из кирпича-сырца и по низу имеет остатки такой же глиняной штукатурки с ганчевой обмазкой. На северной стене такая же штукатурка с ганчевой обмазкой поднимается до верха сохранившихся кладок (до 1,8 м в северо-западном углу).

Пол помещения — плотный, ровный, со следами обмазки ганчем. Его неоднократно подновляли: при раскопках здесь обнаружено много глиняных обмазок общей толщиной до 3,5 см. На первоначальном полу найдены две медные скифатные монеты (?) и мелкие фрагменты сосуда с красным ангобом хорошего качества и черной росписью. Мелкие обломки керамических сосудов встречались и на позднейшей поверхности пола.

В отличие от проходов, ведущих из помещения X-3 в помещения X-1, X-2 и X-4, проем в помещение X-5 функционировал до конца существования наземной постройки и был заложен небрежными рядами кирпича-сырца (без последующей штукатурки) лишь с высоты 25—30 см выше уровня пола, когда последний был уже перекрыт слоем завала и глинисто-песчаных натеков. Этот слой, связанный с запустением постройки, возле суфы достигал высоты 0,7 м над уровнем пола, а в южной части помещения — 0,5 м. Он покато спускался к центральной части комнаты и был повсеместно перекрыт плотной поверхностью натечной глины. Поверх ее в помещении X-3 были зачищены следы плохо сохранившихся и перемешанных групповых захоронений. Каково было число захороненных здесь людей, опреде-

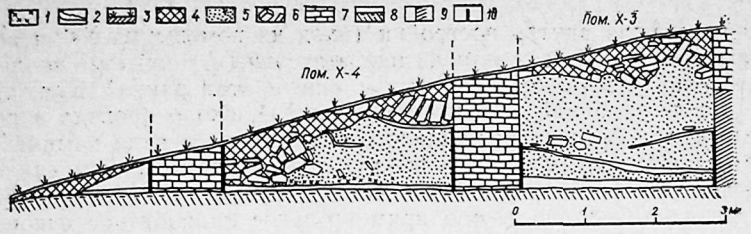

Рис. 7

лить не удалось, но, судя по находкам остатков черепов (в 0,6 м от западной и 3,5 м от южной стен; в 0,2 м от западной и 6,25 м от южной стен; в 0,75 м от западной стены и 3,3 м южнее суфы; в 1,5 м от западной стены и 1,5 м южнее суфы), их было более четырех. В слое захоронений встречены были и остатки сопровождавшего погребения инвентаря: фрагментированный двуручный керамический сосуд и медная монета (?) — в 3,3 м южнее суфы и 0,75 м от западной стены; одноручный кувшинчик — в 4,5 м от южной и 0,2 м от западной стен; обломки бронзового браслета и железного ножа (?) — в 1,5 м южнее суфы и 1,5 м от западной стены; куски бронзового зеркала и часть горла керамического кувшина — на участке в 3,5—5,5 м от юго-западного угла помещения. В юго-восточной части помещения в этом же слое найден череп животного (волка?). Над натеком в 1,5 м от южной и 1 м от восточной стен были найдены также два черепка с частью индийской надписи.

Завал выше натека с захоронениями состоял в основном из массива песка с отдельными включениями кусков сырца, блоков сырцовых кладок, фрагментов хумов и, реже, кусков жженых кирпичных плиток (рис. 7).

Помещение Х-4, расположенное южнее помещения Х-1 и восточнее помещения Х-3, впервые было затронуто раскопками в 1973 г.[14] и зачищено в основном в 1974 г. Это — почти квадратная в плане комната площадью около 11 кв. м (3,4×3,3 м) с сырцовыми стенами. Северо-восточная часть помещения не сохранилась, она рухнула вниз, в пролом, образовавшийся в сводчатом потолке северо-восточной части пещерного храма П-II. В разные периоды существования постройки над пещерным храмом эта комната использовалась по-разному.

В ранний период помещение Х-4 имело три входных проема: в западной стене, ведущий в помещение Х-3; в восточной — в айван и в северной — в вестибюльное помещение Х-1[15]. В это время, скорее всего через помещение Х-4, шел основной проход

[14] См. там же, с. 28—29.

[15] Остатки этого проема зачищены возле провала в северо-восточной части помещения Х-4, так что местонахождение его не вызывает сомнений.

из вестибюля внутрь постройки (вход из помещения Х-1 в помещение Х-3 был, видимо, дополнительным, причем, вполне вероятно, что он был замурован еще в этот ранний период).

Возле западной стены помещения Х-4, около прохода в помещение Х-3, тогда размещалось сооружение в виде камина [16]. Это сооружение функционировало долгое время, о чем свидетельствуют следы его многочисленных ремонтов и переделок. Первоначально оно имело прямоугольное глинобитное основание, облицованное поставленными на ребро жженными кирпичными плитками. Посредине платформы в круглом углублении горел огонь, а у стены располагалась небольшая приставная ниша с выемкой-раковиной (ил. 6а). Затем «камин» многократно обновляли, то обмазывая его глиной с золой, то глиной с ганчем (всего зафиксировано 18 таких обмазок); тогда же платформа-основание была расширена на восток, а ниша внизу украшена жгутовидным узором. Еще позднее сооружение было снабжено ширмой-экраном (отделявшим «камин» от прохода в помещение Х-3) со ступенькой с внутренней стороны, а возле углубления для огня в результате неоднократных подновлений и обмазок появилось высокое заполнение (ил. 6б).

С ранним периодом функционирования помещения Х-4 связан первоначальный глиняный пол и нижняя глиняная штукатурка стен со следами сплошной красной раскраски.

Второй, поздний период отмечен вторичным глиняным полом, уровень которого на 3 см выше первоначального, и верхним слоем глиняной штукатурки, выкрашенной, так же как и более ранняя, в красный цвет. В этот период помещение Х-4 подверглось существенной перестройке. Проход в помещение Х-3 был заложен аккуратными сырцовыми кладками и оштукатурен с обеих сторон, «камин» ликвидирован и замурован внутрь возведенной вдоль западной стены суфы, а возле прохода в помещение Х-1 была сооружена сырцовая ширма-стенка.

Суфа в юго-западной части помещения Х-4 была сооружена одновременно на всем ее протяжении (ил. 4). Ее внешний, восточный край был отмечен стенкой толщиной в один сырцовый кирпич, возведенной из кирпичей размером 34×34×12 см и их половинок. Внутреннее же пространство суфы в юго-западном углу, возле замурованного прохода в помещение Х-3, было заполнено чистым песком, а севернее включило «камин» и куски от его верхушки, засыпанные обломками сырца и чистым песком. Сверху и сбоку, как с востока, так и с севера, суфа была покрыта толстой глиняной штукатуркой с ганчевой обмазкой, причем у западной стены помещения эта штукатурка лежала непосредственно поверх разрушенного «камина», и при зачистке поверхности суфы в местах, где штукатурка была повреждена, четко проступили следы обожженной глины.

[16] Исследование этого сооружения было завершено в полевой сезон 1975 г.

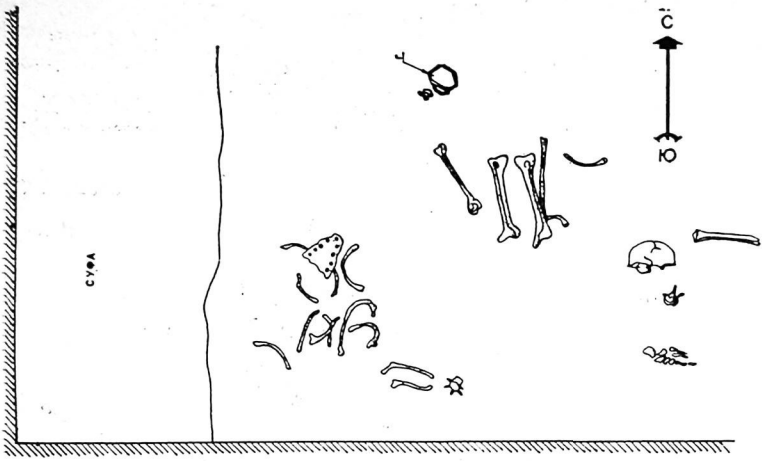

Рис. 8

Из-за плохой сохранности восточной части помещения Х-4 осталось неясным, функционировал ли во второй период входной проем в восточной стене этого помещения (ширина его 90 см), ведущий в айван. Возможно, что он был заложен, так же как проход на запад, в помещение Х-3, или же его снабдили высоким сырцовым порогом.

В любом случае можно, однако, считать, что функции помещения Х-4 во второй период его существования изменились и оно было превращено в жилую комнату с суфой и стенкой-ширмой, ограждавшей суфу и всю его западную часть от любопытных взоров посетителей вестибюльного помещения Х-1. К этому же периоду относится очажное пятно на вторичном полу, в центре помещения Х-4; вряд ли случайно его дуговидная западная часть как бы повторяет в плане очертание ниши-раковины раннего «камина».

Как и в помещении Х-3, в помещении Х-4 поверх слоя запустения с песком и кусками сырцовых кладок стен (здесь их было относительно больше, чем в помещении Х-3) лежали покатые натеки, спускавшиеся в направлении с юго-востока на северо-запад; толщина слоя запустения и соответственно уровень поверхности натеков колебались здесь от 25—30 до 50—60 см относительно уровня вторичного пола. Натеки представляли собой слоистую песчано-глинистую массу: в северной части помещения Х-4 при зачистке удалось выявить 12—15 слоев натеков. Поверхность каждого слоя была плотной и гладкой.

Над слоем натеков в помещении Х-4 в ходе раскопок были зачищены остатки групповых захоронений, которые располага-

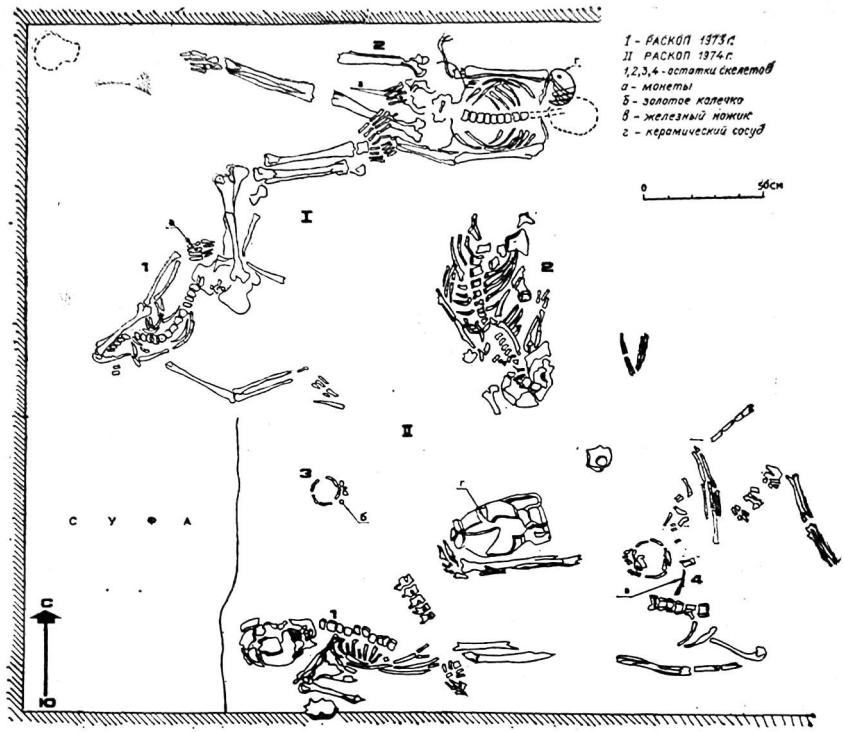

Рис. 9

лись в два яруса, один над другим, и насчитывали не менее десятка погребенных (рис. 8—9). Два из них, наиболее хорошо сохранившиеся, были расчищены в 1973 г.: оба они сопровождались монетами, найденными среди фаланг пальцев, и фрагментированными керамическими сосудами[17]. В слое захоронений в 1974 г. были найдены еще два двуручных сосуда, красноангобированная тарелочка с полосчатым сложным лощением, железный ножичек и маленькое золотое колечко.

Помимо находок, связанных с захоронениями, в ходе раскопок помещения Х-4 были обнаружены плошка-светильник (непосредственно над полом в юго-восточном углу) и черепок с процарапанной надписью индийским письмом брахми (в завале).

Помещение Х-5, расположенное к югу от помещения Х-4 и восточнее помещения Х-3, также было невелико: его длина с

[17] См.: «Кара-тепе IV», с. 28, рис. 9 и ил. 8—9.

запада на восток около 3,5 м, ширина 2,7 м. Входной проем (шириной 90 см) в западной стене соединял его с помещением Х-3, проход (шириной 70 см) в восточной стене — с айваном. Помимо этих входных проемов в южной стене помещения Х-5 первоначально был еще проход (шириной 85 см) в помещение Х-6, затем, однако, заложенный и оштукатуренный с обеих сторон.

Основанием южной стены помещения Х-5 служит срезанный естественный песчаник. Выше эта стена сложена из кирпича-сырца. Все остальные стены помещения — сырцовые. Сохранились они на высоту от 0,5 (в юго-восточном) до 1,55 м (в северо-западном углу).

Стены помещения Х-5 покрывала толстая глиняная штукатурка. На северной стене толщина ее достигала 5 см. Эта стена была выкрашена в красный цвет. Остатки красной раскраски прослежены и на других стенах (в углах помещения). На западной стене, возле прохода в помещение Х-3, обнаружены два слоя штукатурки.

Пол помещения Х-5 имел три глиняные обмазки, каждая из которых была поверх черной краски (или копоти) покрыта тонким слоем ганча, выкрашенного сверху в красный цвет.

Как и помещения Х-3 и Х-4, помещение Х-5 какое-то время находилось в запустении; затем его использовали как место для захоронений и наконец изолировали: проходы из него в помещение Х-3 и в айван поверх слоя запустения были заложены небрежными сырцовыми кладками.

Слой запустения в помещении Х-5 достигал 20—30 см и был перекрыт натеками, поверх которых почти повсеместно встречались перемешанные кости от захоронений. Черепов здесь было встречено четыре: возле северной стены — в 1,2 м от северо-западного угла и в 2,4 м от того же угла; в 2,3 м от западной и 0,9 м от северной стен и в 0,2 м юго-западнее этого черепа. Остатки погребений отмечены и возле восточной и южной стен, так что погребенных в помещении Х-5 было, вероятно, не менее 6—7.

В том же слое, где и остатки захоронений, были найдены керамические сосуды (два одноручных и один двуручный кувшины, две фрагментированные красноангобированные тарелочки и одна чаша), а также мелкая медная монета и распавшаяся зеленоватая пастовая бусина.

Поверх захоронений лежал плотный слой рухнувших сырцовых кладок и отдельных сырцовых кирпичей. Над ним — массив чистого песка и еще выше, непосредственно под дерном, еще один плотный слой с включением упавших сырцовых кладок.

Помещение, располагавшееся вдоль восточного края постройки, скорее всего, представляло собой *айван*, обращенный в сторону храмового двора комплекса Б, который лежал на 4 м ниже. Помещение сохранилось плохо, так как большая часть его рухнула, вероятно, вниз, во двор. В ходе раскопок

1974 г. удалось зачистить лишь часть западной стены айвана, смежной с помещениями Х-4 и Х-6, и отдельные участки пола вблизи западной стены.

На западной стене айвана четко прослежены четыре слоя глиняной штукатурки: два поздних — с красной раскраской по ганчевой обмазке и два более ранних — без следов раскраски поверх ганчевой побелки. Самая ранняя, пятая по счету, глиняная обмазка либо была самостоятельной штукатуркой, либо подкладкой под раннюю штукатурку с ганчевой побелкой.

От пола помещения сохранились лишь незначительные участки с горизонтальной или наклоненной к востоку глиняной поверхностью. Обмазок здесь было много, но только на одном участке сохранилось два последовательных слоя; в других местах слои обмазок лежат на разных уровнях, но не находят один на другой. Один раз под поздней глиняной обмазкой пола были зачищены две жженые кирпичные плитки (размером 32×32×4 см).

Помещение Х-6 длиной с запада на восток 3,5 м при ширине 3,3 м находилось к югу от помещения Х-5, между южными концами помещения Х-3 и айвана. Южная стена помещения высечена в естественном песчанике и покрыта глиняной штукатуркой. Вероятно, по верху она была дополнена сырцовыми кладками, которые, однако, до нас не дошли. Песчаниковым было также основание северной стены, сложенной в основной своей части из кирпича-сырца. Из сырцовых кирпичей сложены были и восточная (сохранилась плохо) и западная стены. Вся юго-восточная часть помещения рухнула в провал, ведущий в юго-восточную часть пещерного храма П-II.

В северной стене помещения Х-6 первоначально находился проход в помещение Х-5. После того как этот проход был замурован и оштукатурен, доступ в помещение Х-6 мог быть лишь из айвана. Вероятно, входной проем, соединявший айван и помещение Х-6, располагался в юго-восточной части последнего, рухнувшей вниз, в южный коридор храма П-II.

Над полом помещения, обмазанным толстым слоем глины, при раскопках выявлен слой запустения с кусками упавшей штукатурки, обломками сырца и песком. Поверх этого слоя (толщина его равнялась 5—10 см) открыты остатки двух захоронений: одного — у западной стены, второго — у северной. Первое сохранилось плохо. Второе — детское (на его черепе не срослись швы) удалось проследить: погребенный лежал здесь вдоль северной стены, головой на восток, ногами на запад.

Завал в помещении Х-6 включал много обломков сырцовых кладок и сырцовых кирпичей, фрагменты хумов, куски штукатурки, в том числе от ступенчатых глиняных карнизов.

2. Раскопки комплекса В

Этот комплекс располагался на северном склоне южной вершины Кара-тепе. Здесь еще в 1962 г. в ходе рекогносцировочных раскопок нашей экспедиции В. Г. Луконин и А. П. Кусургашева (Погожева) обнаружили пещерное помещение, получившее обозначение «пещера П-III»[18]. Систематические работы на северном склоне начались почти десятилетием позднее — в 1971 г., когда после завершения оконтуривания комплекса Б основной раскоп на Кара-тепе был расширен на северо-запад и В. Л. Сычев выявил здесь юго-восточный угол прямоугольного двора. Уже тогда было ясно, что этот двор, отделенный от «северного двора» первой группы помещений незастроенным участком северного склона, относится к новому комплексу В, включавшему и пещерные помещения, располагавшиеся к югу от двора[19].

В 1972—1973 гг. раскопки комплекса В были продолжены. В результате установлено, что двор комплекса В тянулся с востока на запад более чем на 20 м. По южному краю его обнаружены четыре сводчатые входные ниши, оформлявшие входы в пещеры, самая восточная из которых (пещера 1) была раскопана полностью, а три другие — лишь непосредственно у их входов. При этом оказалось, что планировка пещеры 1 отличается от той, которая была характерна для пещерных храмов П-I и П-II в комплексах А и Б: пещера 1 комплекса В представляла собой длинное коридорообразное помещение с боковой нишей близ ее южного края и небольшой, скорее всего потайной, камерой в глубине ее.

Судя по относительно близкому одна от другой размещению входных ниш с проходами в пещеры 2, 3 и 4, можно было предполагать, что и эти пещеры имели сходную планировку. Таким образом, оказывался своеобразным и весь комплекс В, явно отличающийся от раскапывавшихся ранее на восточном склоне комплексов А и Б[20].

Раскопки комплекса В продолжались и в 1974—1977 гг. В этот период исследование комплекса В вела раскопочная группа ГМИНВ во главе с А. Ф. Бердниковым. В 1974 г. к западу от открытых ранее четырех входных ниш были раскопаны еще две ниши, одна из которых (самая западная — шестая), как и четыре первых, оказалась внешним вестибюлем пещерного помещения, арочный вход в которое располагался

---

[18] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 20—22. См. также: Б. Я. Ставиский. В стране Роксаны и Тимура. М., 1970, с. 57.

[19] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 67, 89—90.

[20] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 30—37.

в южной стене ниши. Пятая же (если считать с востока) ниша в отличие от всех остальных была не оформлением прохода в пещеру, а самостоятельным помещением, лишенным северной стены и открывающимся во двор (ил. 5). Особо следует отметить находки в завале, заполнявшем это наружное помещение, специальных сырцовых трапециевидных кирпичей, изготовленных, очевидно, для арочных перекрытий этой и других ниш двора комплекса В.

Продолжалась в 1974 г. и зачистка пещеры 3, оказавшейся той самой, которая была обнаружена в 1962 г. через древний пролом, заполненный обвалившейся песчаниковой породой и надувным песком, и обозначена тогда как «пещера П-III». В 1975 г. пещера была раскопана полностью. Это было длинное коридорообразное помещение с большой боковой нишей у южного края. В отличие от пещеры 1 ниша находилась здесь не в восточной, а в западной стене (и не имела, как это было в пещере 1, дополнительной камеры).

В 1975—1977 гг. были продолжены также раскопки пещеры 4. Эта пещера еще полностью не раскопана. Расчищена лишь восточная ее часть — длинный коридор, идущий с севера на юг и заканчивающийся на конце большой нишей, и начало другого (южного) коридора, подходящего к первому под прямым углом. Вполне вероятно, что южный коридор пещеры 4 на западе соединится с еще одним (западным) коридором, выходящим в шестую, самую западную нишу двора. Если это предположение подтвердится, то в отличие от пещер 1, 3 (и, по-видимому, не раскопанной еще пещеры 2) пещера 4 окажется П-образной в плане, охватывающей с трех сторон то небольшое наружное помещение, которое представляла собой пятая ниша двора комплекса В.

В 1976 и 1977 гг. велись раскопки и во дворе комплекса В, в ходе которых в западной его стене был обнаружен и полностью зачищен лестничный проход из юго-западной части двора вверх, на склон южной вершины Кара-тепе[21].

3. Раскопки комплекса Г

Комплекс Г располагался западнее комплекса В, на том же северном склоне южной вершины холма Кара-тепе. Как уже отмечалось, здесь в 1964 г. была обнаружена пещера П-V[22]. Ее открыли случайно во время обследования пещеры П-IV.

[21] Подробнее о раскопках комплекса В в 1974—1977 гг. см. в настоящем сборнике ниже, с. 50—55.

[22] См. выше, с. 8 и примеч. 4. Следует отметить, что в мою статью в сб. «Кара-тепе II» вкралась ошибка в определении местонахождения пещеры П-V: на с. 8 и 15 неверно указано, что она находится севернее пещеры П-III, а на с. 15 значится также, что она размещалась «на восточном склоне южной вершины холма Кара-тепе».

Эта пещера была найдена на месте западины, аналогичной той, при раскопках которой в 1962 г. был выявлен пролом в сводчатом потолке «пещеры П-III». Через аналогичный пролом мы проникли в пещеру П-IV, представлявшую собой коридор, вытянутый с севера на юг и заканчивавшийся двумя боковыми нишами[23]. Восточная стена пещеры П-IV недалеко от пролома оказалась просевшей; в ней была трещина, через которую уже в ходе зачистки пещеры П-IV просматривалось полузасыпанное помещение соседней пещеры — П-V. Отвалив часть осевшей песчаниковой стены, мы тогда же, в 1964 г., вползли в пещеру П-V и обследовали ее южную (глубинную) часть.

Северная (входная) часть пещеры П-V была засыпана песком и обвалившейся песчаниковой породой. Заполнение довольно круто спускалось на юг, открывая сводчатый потолок и стены пещеры, включавшей три коридора, располагавшихся в виде буквы П. Западный коридор, протянувшийся по соседству с пещерой П-IV, прослеживался примерно на 5 м от юго-западного угла пещеры П-V. На юге он соединялся с южным коридором, засыпанным лишь на небольшую высоту над полом (вероятно, не более чем на 0,5—0,7 м). Длина южного коридора равнялась примерно 12,75 м (замер осуществлен не по полу, а по завалу, так что возможны некоторые неточности). На востоке в южный коридор выходил восточный, который прослежен на 9,5 м, т. е. почти вдвое дальше на север, чем западный. Все три коридора сводчатые. На их потолках и стенах местами сохранились участки черной раскраски (или копоти) по белой ганчевой штукатурке; на ней были открыты арабские надписи и рисунки-граффити, скорее всего — XI—XII вв. Ширина всех трех коридоров равна примерно 2,5 м, высота — 2,5—3,0 м. В юго-восточном углу пещеры П-V помещались две ниши или каморки, как бы продолжающие южный и восточный коридоры и оформленные неширокими (от 25 до 50 см) выступами-пилястрами[24].

По аналогии с пещерными храмами П-I и П-II можно было предполагать, что пещера П-V состояла из четырех обходных коридоров, окружавших центральное помещение-святилище, и входила в состав комплекса, напоминавшего комплексы А и Б[25]. Входная, северная часть пещеры П-V должна была, судя по предварительным расчетам, помещаться на северном склоне южной вершины Кара-тепе, западнее комплекса В. В 1975 г. здесь был заложен раскоп, выявивший остатки двух наземных помещений, возведенных на склоне, близ вершины Кара-тепе, скорее всего над пещерой П-V. Северо-западнее и ниже их по склону тогда же удалось обнаружить небольшой участок юго-

[23] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 15—16.
[24] Там же, с. 16—17.
[25] Там же, с. 29.

западной части двора и входную часть какого-то пещерного помещения (как выяснилось в 1976 г.— пещеры П-V). Как остатки наземных помещений, так и двор и пещерное помещение, выявленные в 1975 г., явно должны были увязаться с пещерой П-V в один комплекс, который тогда же получил обозначение комплекса Г[26].

Раскопки 1976 и 1977 гг. подтвердили взаимосвязанность открытых здесь помещений и привели к выяснению характера южной части комплекса Г, хотя соединить основной раскоп с внутренней (южной) частью пещеры П-V пока не удалось из-за большого количества завалов и сложности работы в просевших, а то и обрушившихся сводчатых коридорах северной (входной) части этой пещеры.

В результате раскопочных работ 1975—1977 гг. расчищена южная часть двора комплекса Г с южным айваном, в южной стене которого находились два входа в пещеру П-V — западный (выявленный в 1975 г.) и восточный (обнаруженный годом позже),— большая ниша между ними, а также недостроенная и замурованная пещерная келья, вход в которую размещался в юго-западном углу двора, в западной его стене. Частично расчищен также северный коридор пещеры П-V, проходивший под наземными помещениями, остатки которых были раскопаны в 1975 г.

а) Двор

Двор комплекса Г раскопан почти наполовину (если считать, что он был квадратным в плане). Его протяженность с востока на запад примерно 10 м. Ширина раскопа (с юга на север) — 4,5 м. Раскоп 1975—1977 гг. охватил весь южный айван двора, часть восточного и западного айванов (?) и центрального участка, поверхность которого на 30 см ниже пола южного и, вероятно, других айванов.

Южный айван двора комплекса Г достигал глубины (с севера на юг) 2,7—3,0 м. В его восточной части, в 1,7 м от восточной стены двора и 2,3 м от южной стены айвана, найдена каменная (из белого известняка) база от колонны аттического типа высотой 18 см с квадратным основанием (32×32 см) (ил. 7). Западнее этой базы на расстоянии 1,4 м от нее на полу айвана зачищен отпечаток от второй базы (основание 30×30 см); а далее, в 1,4 м на запад, найдена еще одна каменная база от колонны, однотипная с первой (основание 26×26 см, высота 20 см). И, наконец, в 1,5 м западнее этой базы и в 2,4 м восточнее западной стены двора раскопана верхняя часть еще

[26] См.: Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников и др. Исследование буддийского культового центра II—IV вв. н. э. на холме Кара-тепе, с. 535—536.

одной базы, представляющая собой круглую профилированную подставку под ствол колонны, отколотую от нижней части каменной базы. Расположение всех этих баз или их остатков на одной линии на расстоянии 1,4—1,5 м друг от друга не оставляет сомнения в том, что здесь, занимая южный край двора комплекса Г, в древности находился именно айван с колоннадой, насчитывавшей четыре колонны (а возможно, пять, если предположить, что в западной части, на расстоянии примерно 1—1,2 м от западной стены двора, стояла еще одна, пятая колонна).

Поверхность пола айвана многократно покрывалась глиняными обмазками. Четко прослежены три такие обмазки. Нижняя сохранила следы черной раскраски. Над ней местами сохранилась следующая плотная и ровная поверхность, на которой возле стен прослеживается побелка ганчем и следы красной краски (возможно, размыв стенной росписи). Верхняя, также плотная и ровная, глиняная обмазка пола иногда переходила на стену; на этой поверхности местами лежали куски стенной штукатурки.

Завал в южном айване двора был различным. В восточной части раскопа, особенно в его северо-восточном углу, это был сплошной плотный массив рухнувших и слежавшихся сырцовых кладок. Участок такого же завала лежал и у южной стены айвана, возле восточного края западной входной ниши пещеры П-V. На остальной площади айвана завал носил характер песчаного массива с включением кусков сырцовых кладок, отдельных сырцовых кирпичей или их частей. В северо-восточном углу раскопа в завале часто попадались куски глиняной штукатурки с красной раскраской, иногда в два слоя. Куски глиняной штукатурки красного и черного цвета встречались и вдоль южной стены айвана, а на участке между западной входной нишей в пещеру П-V и центральной нишей в южной стене айвана найдено большое число кусков стенной росписи с остатками красной, черной, желтой и белой краски, в том числе фрагменты с белыми розетками по черному фону. Выше всего этого основного завала по всей площади раскопа тянулся поверхностный слой почвы с примесью камней.

В надпольном слое в центральной части айвана (в 4,5 м от восточного края западной входной ниши пещеры П-V) найдена половина резной известняковой капители декоративного пилястра. В этом же слое на полу и в завале попадались фрагменты керамических сосудов, жженые плитки и кирпичи. Здесь, в частности, найдены черепки с остатками индийских надписей, выполненных черной тушью, а также светильники обычного для Кара-тепе типа, в виде небольших плошек с вмятиной-носиком.

Примерно посредине южной стены айвана располагалась большая парадная ниша (ил. 10); ее восточный край находился

в 4 м от восточной стены двора, западный — в 4,4 м от западной стены; ширина ниши 1,4 м, она приподнята над поверхностью айвана примерно на 0,6 м, ее предполагаемая высота — более 1,25 м. Дно ниши представляло собой платформу, сооруженную из кирпича-сырца и глины и пристроенную к выступающему уступу естественного песчаника. Сверху платформа была обмазана ганчем и выкрашена в красный и близ края черный цвет. Боковую же (северную) поверхность покрывала лишь глиняная штукатурка. К ее совершенно гладкой поверхности была поверх выкрашенного в черный цвет первоначального пола южного айвана пристроена приступка — ступенька шириной 24 см, которая заходила за края ниши на 20 см с каждой стороны. Боковые поверхности ступеньки были покрыты ганчем и черной раскраской. Черная и красная раскраска по белому ганчу покрывала также заднюю стенку ниши. Верх ступеньки не сохранился; скорее всего, здесь находились ганчевые рельефы с растительным узором, куски которых были найдены на полу и в надпольном слое на айване возле ниши (возможно, что рельефы украшали и стены ниши).

В нише, вероятно, размещалась статуя, однако до нас она дошла уже лишенной своего убранства. В ходе раскопок выяснилось, что верхняя часть задней стенки ниши была уже в древности проломана (или разобрана) и затем небрежно заложена сырцовыми кладками. Когда эта поздняя закладка была разобрана, за задней стенкой ниши обнаружилось помещение *тайника*, вход в которое замаскировывала некогда парадная ниша.

Все помещение тайника и проход в него были выдолблены в материковом песчанике. Проход включал две ступеньки шириной 38 и высотой 31 см каждая. Перед первой (верхней) из них на выступе (или небольшой ступеньке) высотой 25 см как раз и была сооружена закрывшая проход задняя стенка парадной ниши (сложена из сырца; толщина 21 см, сохранившаяся высота 68 см). Изнутри, со стороны тайника, эта стенка не имела ни обмазки, ни штукатурки. Помещение тайника было прямоугольным в плане, вытянутым с востока на запад (размеры 3,1—3,2×1,1 м). Вдоль торцовых восточной и западной стен были оставлены песчаниковые выступы (восточный шириной 65 и высотой 38 см, западный шириной 72 и высотой 42 см), служившие, вероятно, для размещения первоначально хранившихся здесь предметов. Песчаниковые стены и пол тайника были аккуратно обмазаны глиняной штукатуркой. Помещение имело сводчатый потолок, поверхность которого не сохранилась (она, видно, осыпалась в древности), хотя дуга свода местами прослеживается достаточно ясно.

Во время (или после) гибели буддийских святынь Кара-тепе тайник был опустошен и, вероятно, стоял полуоткрытым: на его полу скопился слой песка и натеков толщиной до 20 см. Затем помещение тайника было использовано как склеп для за-

хоронений. Поверх слоя запустения здесь были уложены два захоронения, а лаз в верхней части задней стенки парадной ниши был небрежно заложен сырцовыми кирпичами. Лучше сохранилось погребение у южной стены. Погребенный лежал на спине, головой на запад поверх плотного глинистого натека, под голову ему был подложен кусок кирпича-сырца. Ноги погребенного были вытянуты, правая рука лежала вдоль тела, в кисти находилась мелкая медная монетка, возле руки — большой разложившийся железный предмет. Левая рука лежала на животе, голова — лицом вниз. Возле левого бедра найдена еще одна медная мелкая монета, относящаяся, возможно, не к этому, а ко второму захоронению, кости которого оказались смещены (и плохо сохранились). Этот погребенный был уложен у северной стены помещения и, как и первый, головой на запад. В выбросе земли из слоя захоронений была обнаружена сердоликовая бусина. Никакого другого погребального инвентаря, в частности керамики, найдено не было.

Заполнение помещения тайника в основном состояло из массива песка с включением отдельных упавших с потолка кусков песчаника. В верхней же части его имелись, вероятно, провалившиеся сквозь просевший песчаниковый потолок участки завала с поверхности северного склона холма. В этом слое попадались фрагменты керамики: невыразительные стенки глиняных сосудов, куски жженых кирпичей и плиток (в том числе один кирпич размером 27 × более 20×7 см и клинчатый кирпич размером более 20×14—17×8 см), а также половинка шаровидной голубой пастовой бусины.

По краям южной стены айвана, как уже упоминалось выше, находились входы в пещеру П-V, оформленные в виде арочных ниш.

Восточная входная ниша достигала ширины 1,7 м и глубины более 70 см. В глубине ее находился входной проем (шириной 86 см), ведущий в глубь холма в пещеру П-V. Входной проем в древности был снабжен деревянной дверью, от которой сохранился паз деревянного порога (ширина 14 см, высота 10 см), заходящий за края прохода более чем на 20 см в глубь стены. На глубине 70 см проход оказался заложенным сырцовыми кирпичами (ил. 8). Закладка эта покоилась не на полу, а на слое запустения и, таким образом, сооружена, очевидно, после того, как пещера П-V была использована как место для захоронений. Заполнение входной ниши восточного прохода в пещеру П-V состояло из массива слежавшегося кирпича-сырца, песчаника и глины; плотность заполнения уменьшалась лишь возле стен. В завале встречались куски жженых кирпичей и плиток, а также фрагменты керамических сосудов. Здесь же найден небольшой глиняный одноручный кувшинчик.

Западная входная ниша шириной 1,3 м в глубину достигала 1,45 м. В отличие от восточной эта ниша сохранилась значи-

тельно хуже: верхние части ее стен обрушились и даже от сырцовой закладки входа до нас дошли лишь два нижних ряда кладки. При раскопках здесь, однако, также был выявлен паз от деревянного порога (шириной 16 см, при высоте 6 см) и установлено, что закладка также велась не с поверхности пола, а поверх слоя завала. Заполнение здесь было сходно с заполнением восточной входной ниши, но кусков сырцовых кладок, сырцовых кирпичей и штукатурки было больше. Среди последних особо следует отметить найденный над полом близ входа в пещеру П-V кусок штукатурки с контурным изображением (красной краской по белому ганчевому фону) части круга (возможно, буддийского «колеса Закона»); это изображение, скорее всего, находилось над входом в пещеру [27].

Пещерную келью для монаха-служителя в комплексе Г предполагали соорудить в юго-западном углу двора, близ западного входа в пещеру П-V. Проход в келью, выкопанный в естественной песчаниковой породе холма, был завершен полностью. Начинался он с ниши в западной стене двора (шириной около 0,8 м и глубиной 1,1 м). Далее находилась лестница, ведущая из айвана вниз, в глубь холма, где должна была размещаться келья. Лестница насчитывала четыре ступеньки. Ступеньки, стены и, вероятно, арочный верх прохода были покрыты ганчевой обмазкой. Такая же обмазка покрывала и восточную стену кельи, и участок ее пола перед лестницей. Однако работа по сооружению кельи не была завершена: ее юго-восточный и северо-восточный углы так и не были оформлены, равно как и южная, северная и западная стены; образовавшаяся здесь каморка с запада имела дугообразный незавершенный край. По-видимому, строители не рассчитали толщину холма в этом месте и из опасения обвала прекратили здесь работы. Келья была снизу доверху заполнена чистым серым песком. Таким же было и заполнение лестничного прохода, у входа в который со стороны двора непосредственно на полу входной ниши была возведена сырцовая стена. Внешняя поверхность этой стены, замуровавшей недостроенную келью и лестничный проход в нее, была покрыта глиняной обмазкой и красной раскраской по ганчевой подгрунтовке.

Стена, возведенная у входа в келью (ил. 9б), имела толщину в два сырцовых кирпича, размером 28—34×28—34×10 см (один сырцовый кирпич достигал даже 36 см в стороне). Помимо целых сырцовых кирпичей при возведении этой стены использовались и их фрагменты, аккуратно отколотые от целых экземпляров (так, несколько раз были встречены фрагменты размером 28×12×10 см). Следует отметить, что из 19 извле-

[27] Кусок штукатурки с частью изображения круга был закреплен Э. Н. Агеевой и доставлен во ВЦНИЛКР для дальнейшей камеральной обработки.

ченных целыми сырцовых кирпичей этой стены 11 имели на нижней плоскости знаки-метки в виде двух прямых (или слегка изогнутых) полос, а 7 — одинарную полосу. Как и в обычных стенах, сырцовые кладки этой стенки были уложены на глиняном растворе. После возведения стены, замуровавшей недостроенную келью, входная ниша в западной стене двора, в его юго-западном углу, приобрела характер узкой глухой ниши с небольшой сводчатой нишкой в северной ее стене (ил. 9а). От южного айвана двора нишу отделял невысокий глиняный порожек высотой всего 5—6 см при ширине 25 см. Порожек, как и пол ниши (там, где он сохранился), был покрыт глиняной обмазкой и выкрашен в черный цвет. Пол ниши покоился на сырцовых кирпичах и их кусках. Поверхность его сохранилась в северной части — вдоль северной стены ниши, лучше всего у северо-восточного угла. Вдоль южной стены под полом был песок, и поверхность пола здесь размыта.

Заполнение входной ниши недостроенной кельи состояло из песка и кусков сырца, а изредка и целых сырцовых кирпичей. В заполнении и на полу встречено много керамики, в том числе — плошка, черепки с индийскими надписями, часть керамической крышки с рельефным изображением цветка лотоса.

Зачистка *центральной, углубленной части двора комплекса Г* начата лишь в полевой сезон 1977 г. Полностью расчищен только ее юго-восточный угол, заваленный сползшими или сброшенными сюда с восточного айвана (?) жженными кирпичными плитками (и их кусками) (ил. 7); возможно, что такими плитками был первоначально выложен край восточного айвана (?), но нельзя исключить и того, что они (или какая-то их часть) могли попасть сюда и с крыши.

б) Пещера П-V

В результате работ 1975—1977 гг. зачищены до пола входные проемы, ведущие из южного айвана двора комплекса Г в пещеру П-V, и примыкающие к ним западный и восточный вестибюли пещеры. Велись также раскопки северного, западного и восточного обходных пещерных коридоров.

Входы в пещеру, как уже отмечалось, находились в восточной и западной входных нишах и были снабжены деревянными порогами, от которых остались пазы в полу, заходящие в глубь стен. Пороги были лишь основанием дверных коробок. Таким образом, входы в пещеру имели в древности деревянные двери. За дверьми в обоих входах находились ведущие вниз, в пещеру, лесенки из двух ступенек, сложенных из кирпича-сырца и обмазанных глиной.

Вестибюль у западного входа в пещеру П-V представлял собой небольшое пещерное помещение, примерно квадратное в плане (1,6×1,5 м) со сводчатым потолком (осью север—юг),

расположенное между лестничным проходом из южного айвана двора и северным коридором пещеры (о нем см. ниже). Пол вестибюля — песчаниковый, покрыт глиняной обмазкой. На песчаниковой западной стене вестибюля расчищена глиняная штукатурка с красной сплошной раскраской по белому ганчевому грунту. На штукатурке сохранились многочисленные царапины, оставшиеся, возможно, от рисунков и надписей, нанесенных на стену посетителями во время функционирования пещер, а скорее после того, как они были заброшены (но до того как их использовали для захоронений и затем замуровали). Один из таких рисунков-граффити с изображением стоящего в полный рост человека зачищен на стене в 30 см от северо-западного угла вестибюля, в 20 см выше пола. На восточной, также песчаниковой, стене глиняная штукатурка сохранилась гораздо хуже: на ней местами видны лишь следы ганчевого грунта.

Завал в вестибюле включал рухнувшие сверху сводчатый потолок, песчаниковую породу и остатки наземного помещения (или помещений). В завале встречено много кусков жженых кирпичей и плиток, фрагменты керамических сосудов. Здесь же выявлен слой с разложившимися костями, вероятно, остатки захоронения. В этом слое найден трехгранный черенковый железный наконечник стрелы. В завале среди других находок следует отметить фрагменты стеклянного сосуда и керамической курильницы (?), а среди находок на полу — фрагменты красноангобированного сосуда и альчик (для игры?).

Вестибюль у восточного входа в пещеру П-V был всего лишь продолжением восточного обходного коридора к северу от пересечения его с северным обходным коридором. Ширина вестибюля (с запада на восток) — 2,55 м, протяженность от входа до пересечения с северным коридором — 1,8 м. Стены и потолок сохранили следы глиняной штукатурки, покрытой ганчем. В северной стене, слева (т. е. восточнее) и справа (западнее) входа, находилось по нишке. Левая нишка сильно повреждена, правая сохранилась довольно хорошо: ее ширина, глубина и высота (до верха арочного потолка) — около 40 см. Дно и стенки обеих нишек и потолок правой из них были покрыты ганчем поверх глиняной штукатурки. В правой нишке найдена половинка глиняной плошки-светильника. Два таких же светильника, вероятно упавшие из левой нишки, оказались в завале, возле восточной стены вестибюля. На западной стене зачищены надписи-граффити: индийская, письмом кхароштхи (определение В. В. Вертоградовой), и бактрийская, кушанским письмом. Первая — четкая, с глубоко вырезанными знаками; вторая — в несколько строк, менее четкая и более мелкая[28]. Поверх надписей тянутся глинистые линии натеков.

[28] Штукатурка с надписями была снята со стены Л. И. Альбаумом с помощью И. В. Хусаиновой и Л. В. Кузнецовой и доставлена для камеральной обработки во ВЦНИЛКР.

Песчаниковый пол вестибюля расчищен только в северо-восточном углу. Он имел глиняную обмазку, а поверх нее ганч. Над полом лежал слой надувного песка толщиной 0,4—0,5 м, а поверх него слой с костями людей и животных и пометом шакала или собаки. Возле поворота западной стены вестибюля, заходя в северный коридор, над слоем надувного песка и плотным глинистым натеком располагалось кострище диаметром до 80 см. Среди костей, встреченных вблизи него, оказались также обломки двух черепов. По-видимому, все это остатки разрушенных захоронений. В завале в восточном вестибюле найден также черепок с индийской надписью.

Обходные коридоры пещеры П-V раскапывались только частично: в северном — раскопан его западный край и проведена разведывательная траншея вдоль северной стены (на всю длину коридора), в западном и восточном велась расчистка западной стены первого и восточной стены второго с целью пробиться к южной части пещеры П-V, обнаруженной в 1964 г. через пролом в стене пещеры П-IV (см. выше).

В северной стене северного коридора, неподалеку от западного и восточного вестибюлей, выявлены две нишки, каждая шириной около 40 см. Как и в вестибюлях, в северном коридоре обнаружен слой с костями людей и животных, лежащими в полном беспорядке поверх массива песка и натеков. В слое отмечены следы кострищ, найдены куски 2—3 черепов, возле одного из которых (в 5 м от восточного вестибюля) лежала часть известнякового зонтика-чатра. В этом же слое встречены кусочки стеклянного сосуда. Завал в коридоре состоял из песка, кусков песчаника, глинистых натеков.

В западном коридоре удалось продвинуться вдоль западной стены на 3,2 м к югу от пересечения с северным коридором. Однако далее продолжить раскопки здесь не удалось, так как возникла угроза обвала не только завала, но и непрочной западной стены, отделявшей пещеру П-V от пещеры П-IV. В завале западного коридора, аналогичном завалу в северном коридоре, найдены куски известняка, венчик стеклянного сосуда, фрагменты сосуда с голубой поливой и белого поливного блюда с точечным орнаментом.

В восточном коридоре восточная его стена прослежена на 4 м южнее восточного входа. По-видимому, именно здесь можно будет расширить раскоп и довести его до южной части пещеры П-V.

в) Остатки наземной постройки над пещерой П-V

Остатки наземных помещений над пещерой П-V были открыты и зачищены в полевой сезон 1975 г. Всего здесь, на северном склоне, неподалеку от южной вершины Кара-тепе, расчищены остатки двух помещений — Г-1 (восточное) и Г-2 (западное).

Оба они сохранились лишь частично, так как северные их части, а у помещения Г-2 и западная, обрушились (видимо, в глубь пещерных помещений).

В помещении Г-1 полностью зачищена южная стена. Сохранились и раскопаны также юго-западный и юго-восточный углы, небольшие южные части западной и восточной стен и примыкавшие ко всем этим стенам участки пола. Помещение было вытянуто с запада на восток на 9,5 м. Стены его сложены из кирпича-сырца и покрыты глиняной штукатуркой. На лучше сохранившейся (до высоты 0,7—1,1 м) южной стене прослежены следы раскраски по ганчевой подгрунтовке — красной в центре (шириной около 4 м) и черной по краям (шириной в юго-западном углу 2,7 м, в юго-восточном — 2,8 м). Пол помещения имел две ганчевые поверхности, каждая из которых покоилась на глиняной обмазке. Нижняя глиняная обмазка была нанесена на выровненную поверхность срезанной материковой песчаниковой породы. Поверхности полов, сохранившиеся в помещении Г-1, четкие, ровные, но с трещинами. Завал в помещении состоял из разложившегося кирпича-сырца, глины, песка и отдельных включений песчаника. В завале над полом помещения Г-1 найдено довольно много фрагментов керамики, в том числе два черепка с остатками индийской надписи.

Остатки *помещения Г-2* расчищены западнее помещения Г-1, за его западной стеной. От этого помещения сохранился только юго-восточный угол с остатками сырцовых южной и восточной (смежной с помещением Г-1) стен. Нижние части этих стен и сохранившийся участок пола были покрыты ганчем по глиняной обмазке.

Первоначально я предполагал, что помещения Г-1 и Г-2 были айванами, открывающимися на север, в сторону двора комплекса Г [29]. Однако теперь, когда установлено, что южная стена этих помещений отстоит от южной стены двора комплекса Г на 7,8—8 м, представляется более правильным считать помещения Г-1 и Г-2 частью наземной постройки, включавшей несколько помещений. Эта постройка напоминала, вероятно, наземное здание над пещерным храмом П-II в комплексе Б, хотя, возможно, несколько уступала ему по размерам.

В полевой сезон 1977 г. были проведены работы по составлению общего плана обследованных и раскопанных помещений на южной вершине Кара-тепе (к этому плану не привязана только пещера № 3, обнаруженная в 1928 г. А. С. Стрелковым и позднее, в 1934—1936 гг. обследованная Г. В. Парфеновым, так как она расположена намного южнее основного раскопа

[29] См.: Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников и др. Исследование буддийского культового центра II—IV вв. н. э. на холме Кара-тепе, с. 535.

1937 и 1961—1977 гг.). Общая увязка комплексов и уточнение плана отдельных помещений выполнены архитектором О. А. Тумановой по методике архитектора Л. Л. Гуревича, осмотревшего Кара-тепе ранее, в 1974 г. На поверхности южной вершины Кара-тепе была разбита сеть колышков, обеспечившая жесткую геометрическую основу всего плана. Обмеры пещер производились по засечкам при помощи бечевок с фиксированными отвесами, привязанных к сети колышков на дневной поверхности. Прежние данные архитектурных обмеров и дневниковых записей наносились на полученный геометрический «скелет» только в случае их увязки с результатами новых обмеров.

II. ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ

В ходе раскопок 1974—1977 гг. были найдены новые образцы стенных росписей, рисунки-граффити, архитектурные украшения из камня и ганча, надписи, керамика, монеты и т. п. Кроме того, в эти годы во ВЦНИЛКР были завершены работы по расчистке и реставрации некоторых более ранних находок, которые представилась возможность не только подготовить к экспонированию, но и более полно исследовать.

1. Стенные росписи

Помимо сплошной монохромной раскраски стен и полов в красный и черный цвет, а также геометрических узоров красной краской в отдельных помещениях на Кара-тепе в 1974—1977 гг. были обнаружены также образцы полихромных росписей (они представлены кусками штукатурки, найденной в южном айване двора комплекса Г); к сожалению, из-за их фрагментарности характер росписей установить не удалось. Росписи украшали либо южную стену айвана, либо помещения наземной постройки, располагавшейся над пещерой П-V.

В том же южном айване двора комплекса Г, как уже отмечалось, был найден у входа в восточный вестибюль пещеры П-V большой кусок штукатурки с частью контурного изображения (красным по белому ганчевому фону) круга, возможно «колеса Закона». Более определенно об этом изображении мы сможем, вероятно, судить после завершения его камеральной обработки.

Фрагменты росписей, которые такую обработку уже прошли, теперь могут быть охарактеризованы полнее, чем это было сделано ранее. Так, найденная в южном айване двора комплекса Б часть полихромной стенной росписи с изображением Будды и монахов[30] уже прошла процесс реставрации и готова для

[30] См.: Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 77—78, 98—99, рис. 24 и табл. IV.

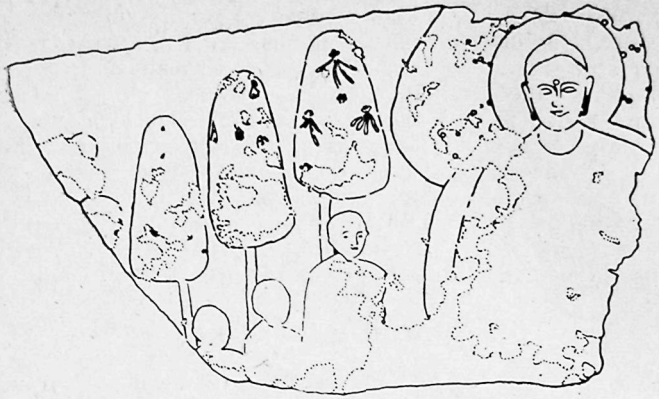

Рис. 10

экспонирования, и сейчас мы можем судить о характере композиции, художественных особенностях и некоторых интересных ее деталях. В дополнение к тому, что говорилось об этой росписи ранее[31], следует отметить, что перед нами сцена с изображением Будды и монахов, расположившихся под деревьями (рис. 10). Вполне вероятно, что правее Будды, симметрично трем монахам, изображенным левее его, размещалась аналогичная группа и что, таким образом, художник написал на стене южного айвана храмового двора комплекса Б тот же сюжет — Будда и шесть монахов,— который в иной манере запечатлен в знаменитой росписи из Мирана[32]. Интересно, что на стилизованных кронах деревьев над монахами изображены лишь завязи и цветы, а над Буддой — кружки, передающие, по-видимому, зрелые плоды. Символичность этих деталей очевидна, и монахи в данной сцене предстают как ученики Будды, лишь вставшие на путь накопления истинных знаний.

Не вдаваясь в разбор художественных особенностей этой росписи, отметим лишь, что в изображении лица Будды[33] можно заметить стремление художника к передаче объема. Еще четче эта черта, отличающая живопись древней Средней Азии от большинства стенных росписей раннего средневековья — для них более характерна плоскостная трактовка персонажей,— видна на небольшом, но выразительном фрагменте росписи, най-

[31] Там же, с. 77—78, 98—99.

[32] См.: M. Bussagli. La peinture de l'Asie Centrale. Genève, 1963, с. 23.

[33] Цветное воспроизведение всей сцены и отдельно головы Будды из Кара-тепе см. в кн.: Б. Я. Ставиский. К югу от Железных ворот. М., 1977, рис. 47 и 48.

денном ранее во дворе комплекса В[34]. На этом фрагменте, реставрация которого также завершена, сохранилась часть изображения лица в профиль, влево: виден левый глаз, бровь, переносица и четко различимо стремление художника к лепке объема при помощи светотени.

2. Рисунки и надписи-граффити

Как уже отмечалось, в ходе раскопок пещер комплекса В и особенно пещеры П-V комплекса Г в 1974—1977 гг. были открыты новые рисунки и надписи-граффити. Среди последних следует отметить надписи на западной стене восточного вестибюля пещеры П-V. Штукатурка с этими надписями проходит сейчас камеральную обработку (окончательную расчистку от грязи и натеков, закрепление и подготовку к экспонированию) во ВНИИР[35]. Ознакомившись с индийской надписью на этом участке, В. В. Вертоградова определила ее как выполненную письмом кхароштхи. Знаки надписи были крупными, глубоко врезанными в стену. Сохранилось около 10 акшар, часть надписи до нас не дошла. Расположенные рядом с индийской надписи-граффити кушанским письмом были осмотрены В. А. Лившицем. По его мнению, здесь до нас дошли фрагменты трех надписей, одна из которых содержит упоминание Оромазда и Будды. Знаки этих надписей мелкие, прочерченные по штукатурке слабо и неглубоко[36].

Среди рисунков-граффити, открытых за последние полевые сезоны, наибольший интерес представляет изображение на западной стене западного вестибюля пещеры П-V (рис. 11). Судя по сложному головному убору с буклями и лентами, шароварам и кафтану, художник хотел изобразить здесь одного из сасанидских правителей. Откуда знал образ сасанидского государя художник, посетивший заброшенную пещеру П-V, судить трудно. Вполне вероятно, что он мог скопировать это изображение с какого-либо художественного изделия (например, с металлического сосуда). Как бы то ни было, этот рисунок-граффити нуждается еще в специальном исследовании.

3. Детали архитектурного декора из камня

В 1974—1977 гг. в ходе раскопок были найдены новые фрагменты каменных деталей, служивших частями архитектурного убранства. Среди них особо следует отметить фрагментированную каменную капитель из завала в центральной части южного айвана двора комплекса Г (рис. 12). Эта находка относится

[34] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 90. Цветное воспроизведение см.: он же. К югу от Железных ворот, рис. 46.

[35] Работы ведет художник-реставратор высшей квалификации Г. В. Жаренков.

[36] Публикация всех этих надписей будет включена в следующий выпуск сборника «Кара-тепе».

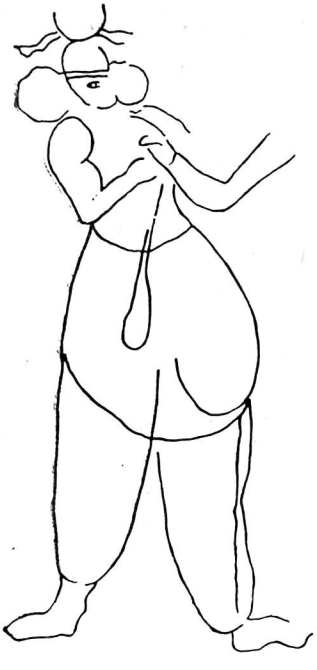

Рис. 11

к тому же типу, что и обнаруженная ранее (в 1964 г.) в поздней стенке-закладке входа в пещерную келью комплекса Б капитель декоративного пилястра [37]. Обе капители найдены в переотложенном состоянии и происходят, скорее всего, из каменной облицовки террасы, на которой размещались дворы, пещеры и другие помещения южной вершины Кара-тепе; эта облицовка была, очевидно, сходна с облицовками террас храма Канишки Победителя в Сурх-Котале и буддийской «платформы статуй» вблизи этого храма [38].

Новая капитель, как и найденная в 1964 г., была двухпоясной. Нижний пояс обеих капителей представлял собой рельефное изображение коринфизированной капители с волютами и помещенной на фоне аканфовой листвы полуфигуркой человека. На капители, открытой в 1964 г., был изображен персонаж в фас с трилистником в правой руке; на новой капители — переданная в трехчетвертном повороте девушка, поддерживающая гирлянду цветов (ил. 11а). Скульптор, желая, видимо, подчеркнуть этнический тип девушки, изобразил ее с раскосым разрезом глаз. В верхнем поясе капителей размещалась группа из трех животных — двух лежащих симметрично, головами в разные стороны быков-зебу и между ними передней части хищного зверя: на капители, найденной в 1964 г.,— льва или тигра, на новой — крылатого и рогатого грифона (ил. 11б).

Камень, из которого были изготовлены обе капители, равно как и другие архитектурные и декоративные детали на Кара-тепе и во всей округе кушанского Термеза, обычно обозначается в отечественной литературе как мергелистый известняк. Так этот камень был определен геологом Н. Л. Николаевым, осмотревшим найденный в 1932 г. в Амударье, возле Айртама, первый блок знаменитых айртамских рельефов. Однако, как по-

[37] См.: Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 20; он же. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.—«Кара-тепе II», с. 158—169, 173 (№ 63) и рис. 38—39.

[38] Ср.: Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 161—162 (там же указана литература) и рис. 44.

Рис. 12

казало исследование участницы нашей экспедиции, старшего научного сотрудника ВЦНИЛКР Э. Н. Агеевой и петрографа Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института Г. Е. Белозеровой, породу, которая широко использовалась в районе Термеза в кушанскую эпоху, обозначать как мергелистый известняк нельзя: это местная разновидность мягкого белого известняка. В то же время Э. Н. Агеева и Г. Е. Белозерова подтвердили предположение М. Е. Массона, что камень для айртамских рельефов и архитектурных деталей Термеза и его округи кушанской поры добывался на каменоломнях горы Ходжа Гульсуар (иначе — Орлиная сопка) [39].

4. Резная ганчевая штукатурка

Уже в первые полевые сезоны нашей экспедиции на Каратепе были найдены обломки ганчевой скульптуры, свидетельствующие о наличии здесь, в буддийских комплексах, крупных

[39] См. ниже статью Э. Н. Агеевой и Г. Е. Белозеровой.

ганчевых статуй[40]. Находки в комплексе Г, возле центральной ниши южного айвана двора, многочисленных фрагментов рельефной ганчевой штукатурки показывают, что ниши или помещенные в них статуи могли иметь и дополнительный орнаментальный ганчевый декор. Судя по наиболее выразительным обломкам (ил. 13), либо стенки или дно ниши, либо основание или поле находившейся здесь буддийской статуи украшали ганчевые рельефы, включавшие мотив виноградной лозы с крупными фигурными листьями и небольшими сердцевидными листочками. Отдельные элементы этого растительного узора оттискивались, вероятно, штампами, а их детали подправлялись ножом или другим режущим инструментом.

5. Керамика

Как и в предыдущие полевые сезоны, основная масса керамики, найденной в 1974—1977 гг., относилась ко времени после запустения буддийских комплексов Кара-тепе. С периодом же их функционирования связываются лишь мелкие фрагменты глиняных сосудов, черепки с оттисками штампиков — «елочка», «колесо» (или «розетка»), «трилистник» (рис. 13)[41], часть керамического диска (вероятно, крышка реликвария) с рельефным изображением распустившегося цветка лотоса (рис. 13 и ил. 12б)[42] и, конечно, неизменно встречающиеся при раскопках Кара-тепе глиняные светильники-плошки с примятым углублением для фитиля[43]. Находки 1974—1977 гг. лишний раз подтвердили характерность и таких штампиков, и дисков, и светильников для буддийских комплексов Кара-тепе.

Из позднейших наслоений X—XII вв. происходят выразительные, хотя и фрагментированные, образцы поливной средневековой посуды.

Находки из слоя с захоронениями в постройке над пещерным храмом П-II представлены керамикой, входившей, очевидно, в состав погребального инвентаря, сопровождавшего захоронения в помещениях X-3, X-4 и X-5. Это одноручные кувшины, тулово которых на две трети сверху покрыто красным ангобом с нанесенным поверх него вертикальным полосчатым лощением (ил. 15); двуручные сосуды нескольких видов со светлым ангобом, с частичным (на две трети сверху) покрытием

[40] См.: Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 22—25 и рис. 24—25.

[41] Более ранние находки на Кара-тепе керамики с такими штампиками см.: там же, с. 40, и рис. 31б; Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 18 и рис. 7б; «Кара-тепе IV», ил. 21.

[42] Ср.: Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе 1961—1962 гг., с. 35, 36—38 и рис. 29; он же. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 43—44 и табл. XV.

[43] Изображение таких светильников см.: «Кара-тепе I», рис. 32.

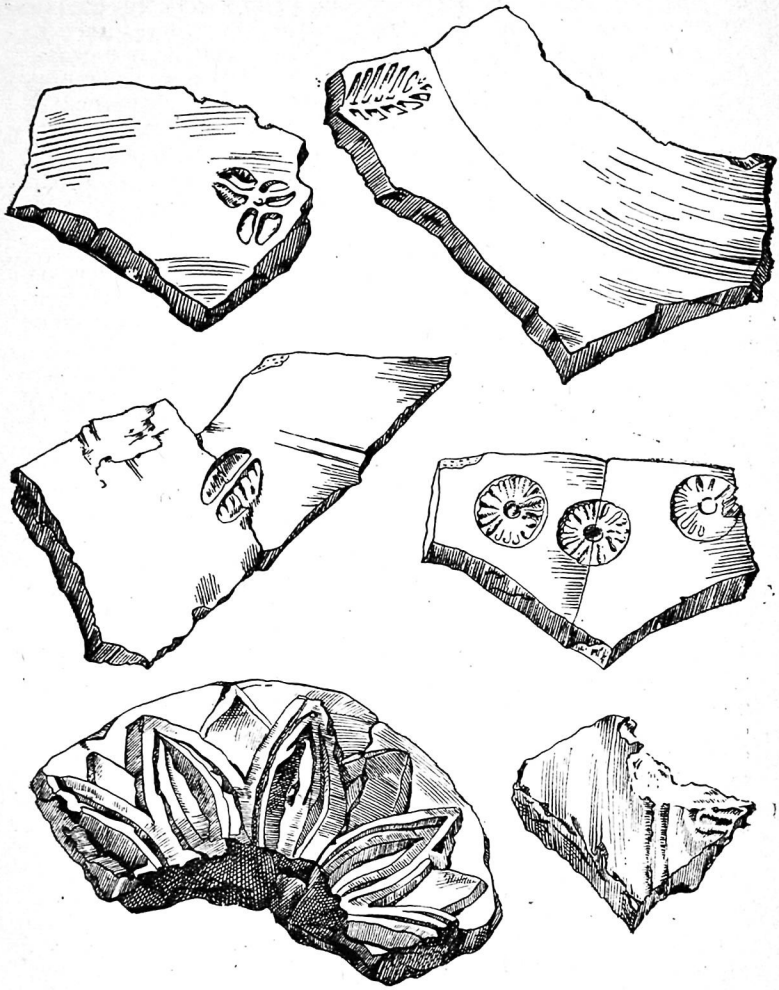

Рис. 13

красным ангобом и с сетчатым лощением, с нанесенным мелким штампиком сплошным растительным узором или со следами потеков ангоба на нижнюю треть сосуда; тарелочка, мисочка, глубокая чаша (ил. 14, 15). Вместе с найденными ранее сосудами из слоев с захоронениями на Кара-тепе [44] эти находки составляют уже значительную коллекцию образцов погребальной керамики (более 40 целых или собирающихся из фрагментов полностью сосудов).

6. Надписи на керамике

Раскопки 1974—1977 гг. привели также к находкам новых надписей на керамике. В двух случаях надписи были процарапаны, во всех остальных — выполнены черной тушью по тулову или верхнему краю стенки сосуда. Одна из процарапанных надписей, найденная в 1974 г. в завале помещения Х-3 постройки над пещерным храмом П-II [45], пока может быть признана за надпись лишь условно, так как характер знаков на черепке остается неясным (ил. 23). Вторая надпись с процарапанными знаками из завала помещения Х-4 той же постройки определена В. В. Вертоградовой как индийская [46].

Помимо этих двух черепков с процарапанными надписями в 1974—1977 гг. было найдено 12 фрагментов индийских надписей черной тушью и еще несколько черепков со следами (?) надписей. Часть из них публикуется В. В. Вертоградовой, которая одновременно исследовала и надписи на керамике, найденные в предыдущие годы [47]. Из предложенных ею чтений и их трактовок особое внимание привлекает вывод о названии буддийского культового центра на холме Кара-тепе. На трех черепках, найденных в разных частях Кара-тепе и, судя по палеографии надписей, относящихся к разному времени, ею прочитано слово «кхадевакавихара», первая часть которого представляет собой индийскую передачу бактрийского титула ΧΟΑΔΗΟ (хвадев) — «господин, государь». Таким образом, буддийский комплекс на Кара-тепе назывался, видимо, «Вихарой Государя» и был основан одним из кушанских правителей.

7. Монеты

Всего в 1974—1977 гг. на Кара-тепе было найдено девять медных монет. Четыре мелкие монетки, найденные в 1974 г. в слое захоронений в помещениях Х-3 и Х-5 постройки над пе-

---

[44] См.: Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе.— «Кара-тепе IV», с. 88—120.

[45] Хранится в Отделе Востока Эрмитажа. Инв. № А-1903.

[46] Хранится в Отделе Востока Эрмитажа. Инв. № А-1900.

[47] См. ниже статью В. В. Вертоградовой, с. 134—159.

щерным храмом П-II, пока еще не определены. Пять монет из раскопок 1976—1977 гг. оказались относящимися к чекану Хувишки (2 экз.) и к серии посткушанских монет (3 экз.) [48]. Обе монеты Хувишки найдены вместе, внутри кирпича-сырца, в отвале из комплекса В. Две посткушанские монеты с погрудным изображением правителя на лицевой стороне и тамгою на оборотной найдены вместе с захоронениями в тайнике центральной ниши южного айвана двора комплекса Г. Третья монета этой серии происходит из того же комплекса (она подобрана в отвале) и относится, скорее всего, к захоронениям либо в тайнике, либо в пещере П-V [49].

8. Глиняная булла (?)

Одной из интереснейших находок полевого сезона 1976 г. явился подобранный в отвале из южного айвана двора комплекса Г небольшой, всего 2,7 см диаметром, глиняный кружок (ил. 12а) с рельефным изображением Будды или бодхисаттвы (?), сидящего в обрамлении радиальных лучей (вряд ли имитации надписи). Изображение, скорее всего, было оттиснуто на глиняном кружке резной геммой или небольшим штампиком. Оборотная сторона кружка сколота, что затрудняет определение его назначения. Заманчиво было бы считать этот кружок глиняной буллой, которой мог быть опечатан какой-либо ящичек, сосуд или даже рукописный документ. К сожалению, такое назначение этой интересной находки можно, во всяком случае пока, только лишь предполагать.

III. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Раскопочные и камеральные работы 1974—1977 гг. во многом уточнили и расширили наши представления о Кара-тепе,

[48] См. ниже статью Б. И. Вайнберг и Т. А. Раевской.

[49] Пользуюсь случаем, чтобы привести любезно предоставленные мне Е. В. Зеймалем и В. Г. Лукониным уточненные определения монет из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг., которые ранее (см.: «Кара-тепе III», с. 101—103) были охарактеризованы ими лишь предварительно. В соответствии с уточненными данными одна монета (шифр — 1961, № 1) относится к чекану Вимы Кадфиза или Канишки (?); одна (1961, № 2) — к чекану Хувишки, пять монет (1961, № 3, 4, 5; 1968, № 1; 1971, № 3) — к чекану Васудевы; две монеты (1964, № 1; 1971, № 2) — к подражаниям чекану Васудевы. Одна монета (1970, № 3) определена как чекан кушаншаха Хормизда I; две (1969, № 5; 1970, № 10) — как монеты кушаншаха Варахрана I; одна (1970, № 4) — как предположительно его же чекан; одна (1969, № 4) — как монета Варахрана II; три (1970, № 11, 12; 1971, № 1) — как предположительно такие же монеты; пять (1961, № 7; 1970, № 1, 5, 15, 16) — как сасанидо-кушанские, без дальнейших уточнений. Две монеты (1970, № 8, 9) — с погрудным изображением правителя на лицевой стороне и тамгою на оборотной — выделены в отдельный тип (предположительно — эфталитский чекан V—VI вв.?).

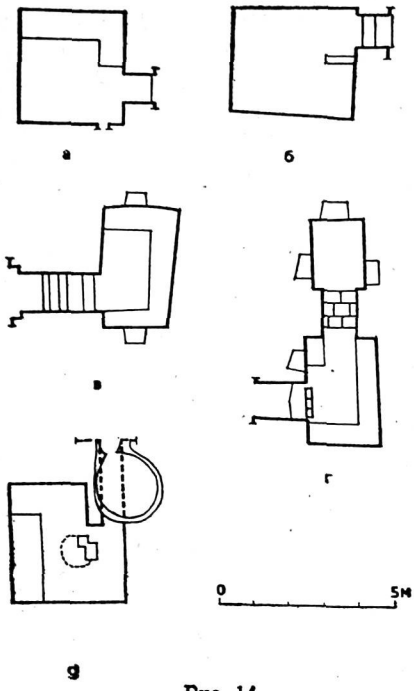

Рис. 14

его планировке, устройстве, убранстве. Так, благодаря открытию наземной постройки над пещерным храмом П-II и остатков помещений Г-1 и Г-2 над пещерой П-V мы вправе теперь говорить о ярусном размещении буддийских комплексов на Кара-тепе. Сопоставление данных о кельях монахов — наземных (возле храма к югу от двора комплекса А, возле святилища к югу от двора комплекса Б, в постройке над храмом П-II) и пещерных (близ северных входов в пещерные храмы П-I и П-II) — показало близость их размеров; все кельи оснащены суфами, глинобитными ширмами-экранами или тем и другим вместе (рис. 14). Обнаружение водоотводной системы, связанной с постройкой над пещерным храмом П-II, также приоткрыло перед нами еще одну страницу истории благоустройства и санитарно-гигиенической техники в городах древней Средней Азии. В этой связи интересно отметить, что уклон водоотводной линии кубуров на Кара-тепе оказался соответствующим современным нормам (понижение на 6 см через 2 м, т. е. 3%). Много нового дали и отдельные находки, в частности группа посткушанских (возможно, хионитских) монет, характерных именно для района Термеза.

Но еще более важны новые данные о функциях и месте Кара-тепе среди других буддийских памятников кушанского Термеза.

Начнем с того, что безымянный буддийский культовый центр на бугре, известном под современным узбекским названием «Кара-тепе», теперь, вероятно, обретет свое древнее имя: если индологи и иранисты примут чтение и интерпретацию дарственных надписей, предлагаемые В. В. Вертоградовой, то мы вправе будем впредь говорить о «Вихаре Государя» или «Царском монастыре» в Термезе. Таким образом, получают солидное подтверждение высказываемые ранее робкие предположения о том, что «буддийские институты Бактрии при кушанах опирались

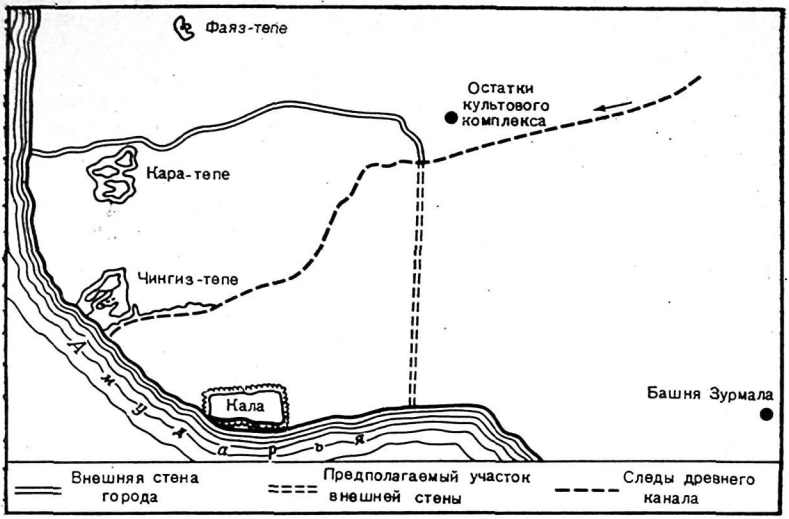

Рис. 15

если и не на императорский двор, что также вполне вероятно, то на местные кушанские власти и влиятельные городские общины мирян-буддистов»[50].

Название буддийского культового центра на Кара-тепе «Кхадевакавихара», указывающее, вероятно, на то, что он был основан по указанию кушанского государя, может говорить и об особом положении его среди остальных известных сейчас буддийских памятников кушанского Термеза; ранее[51] как свидетельства этого мы могли рассматривать лишь большие размеры комплексов Кара-тепе и их расположение в пригороде, под защитой внешней ограды Термеза кушанской поры, в отличие от трех других буддийских комплексов того же периода, размещавшихся вне этой ограды,— загородного монастыря на бугре Фаяз-тепе, буддийской ступы (башня Зурмала) и подвального помещения неподалеку от северо-восточного угла Старого Термеза, на месте нынешней городской свалки (рис. 15). И башня Зурмала и подвальное помещение безусловно являются остатками буддийских загородных комплексов, но о размерах, составе и устройстве этих комплексов мы, во всяком случае сейчас, судить не можем. Что же касается Фаяз-тепе, то, хотя подробные данные о его раскопках еще не опубликованы, общий

[50] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 190; см. также с. 126.

[51] См.: Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 53—55; он же. Кушанская Бактрия, с. 186—189, 254.

характер и планировка этого замечательного памятника уже определены.

Буддийский комплекс, располагавшийся менее чем в 1 км к северо-западу от Кара-тепе, на бугре Фаяз-тепе, представлял собой прямоугольное в плане здание и стоявшую отдельно ступу (она, очевидно, была охвачена дополнительными стенами). Здание членилось на три планировочные и функциональные части примерно равной площади, с внутренним двором в каждой[52]. Одна боковая часть определяется как собственно монастырская: она включала, видимо, жилые комнаты монашеского общежития и вспомогательные помещения. Другую боковую часть составляли трапезные, кухни, лепешечные. Третья, центральная часть носила явно храмовой характер и в отличие от двух других имела аналоги на Кара-тепе: по планировке и устройству она сходна с храмовыми дворами комплексов А, Б и, вероятно, Г.

Как и на Кара-тепе, на Фаяз-тепе были найдены стенные росписи с изображениями Будды и донаторов, образцы каменной и ганчевой буддийской скульптуры; сохранность их была к тому же лучше, чем каратепинских. Найдены на Фаяз-тепе и монеты, примерно того же состава, что и на Кара-тепе, а также фрагменты керамических сосудов с индийскими надписями кхароштхи и брахми и надписями кушанским письмом (большинство их еще не опубликованы).

Сравнение Фаяз-тепе и Кара-тепе показывает наряду с несомненными чертами сходства их храмовых дворов существенные различия в устройстве этих, в основном синхронных буддийских памятников. Первый был возведен на ровном открытом участке единовременно, по четкому единому плану. Второй сооружался, вероятно, в виде отдельных комплексов на высоком холме, возвышавшемся над пригородом кушанского Термеза и видимом издалека. Фаяз-тепе был компактным загородным монастырем, строители которого, следуя традиционной схеме (хотя и включающей ряд местных черт), создали комплекс, удовлетворяющий требованиям небольшой буддийской монашеской общины в жилье и пропитании, общении и исполнении необходимых ритуалов. На Фаяз-тепе в планировке (и в функции памятника и его частей) все в основном четко, ясно и прочно закреплено.

На Кара-тепе нет ни такой завершенности в типологии, ни четкости в планировке. Здесь мы пока можем отметить лишь один установившийся типологический образец — храмовой двор с айванами по краям и пониженной центральной площадкой. Но тип храма на Кара-тепе еще не устоялся, что особенно ясно видно на примере пещерных храмов (см. пещеру 2, храмы П-I и П-II на рис. 1). Вероятно, это связано с попыткой создать

[52] См. ниже статью Л. И. Альбаума (там же указаны предварительные краткие публикации материалов из раскопок Фаяз-тепе).

буддийский храм для большого числа людей, т. е. не только для монашеской общины, но и для буддистов-мирян, жителей Термеза, его округи и иногородних посетителей. Функции крупного буддийского культового центра на Кара-тепе, развившегося из «царской вихары», были явно отличны от загородного монастыря Фаяз-тепе, и именно они определили, видимо, разницу в их размещении и облике. Поэтому, вероятно, помимо наличия ступ и сходных храмовых дворов, Кара-тепе и Фаяз-тепе оказываются столь различными и по планировке. Одноэтажному плоскому загородному монастырю Фаяз-тепе противостоит крупный культовый центр, разместившийся на Кара-тепе, с разбросанными на большой площади отдельными буддийскими комплексами, включающими наземные и пещерные помещения, располагавшиеся на разных уровнях, а в ряде случаев в два яруса.

Впредь до завершения раскопок Кара-тепе многое в его устройстве и назначении остается еще для нас непонятным. Так, все еще не решен вопрос, где находились здесь общежития для монахов, трапезные и иные характерные помещения монастырских буддийских общин и увязывались ли они с отдельными буддийскими комплексами Кара-тепе или были едиными для всего культового центра в целом. Но в любом случае функциональные, а потому и планировочные различия Кара-тепе и загородного монастыря Фаяз-тепе предстают все более и более ощутимо.

А. Ф. Бердников

РАСКОПКИ КОМПЛЕКСА В В 1974—1977 гг.

В 1974—1977 гг. отрядом Государственного музея искусства народов Востока продолжались раскопки в северо-восточной части холма Кара-тепе, где работами 1971—1973 гг. был открыт комплекс (получивший условное обозначение В), входивший в изолированную от комплексов А и Б группу помещений (рис. 1 и 16) [1].

Работы этих лет позволили уточнить характер, назначение и планировку открытого нами комплекса. Раскопки проводились в пещерных помещениях, а также в северо-западной части двора, примыкающего к предстоящим сводчатым айванам (ил. 5). В настоящее время полностью раскопаны пещера 3 и небольшая нишеобразная комната [2], выявлен еще один (шестой) сводчатый айван с входом в пещеру [3].

Пещера 3, частично открытая работами предыдущих лет [4], представляла собой вырубленное в толще песчаника Г-образное сводчатое помещение длиной (север — юг) 9 м и шириной 2,4 м. Конструктивно она напоминает пещеру 1 описываемого нами комплекса [5], однако в отличие от нее большая ниша длиной (север—юг) 2 м и шириной 1,25 м устроена в юго-западной части помещения и не имеет подсобной комнаты.

Стены и пол пещеры покрыты тонким слоем белого ганча. В восточной стене на высоте 1,2 м от уровня пола пещеры была

---

[1] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 30—37. Краткую информацию об исследованиях комплекса за период с 1974 по 1976 г. см.: Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, В. В. Вертоградова, Л. К. Сергеева. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе— АО-74, 1975, с. 512—513; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников, Н. М. Асавина, С. А. Узянов. Исследование буддийского культового центра II—IV вв. на холме Кара-тепе. — АО-75, 1976, с. 535—536; Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра Термеза II—IV вв. н. э.— АО-76, 1977, с. 538—539.

[2] Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников и др. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе, с. 512.

[3] Там же.

[4] Н. С. Сычева. Краткий отчет, с. 35—36.

[5] Описание пещеры 1 см.: Н. С. Сычева. Краткий отчет, с. 30—34.

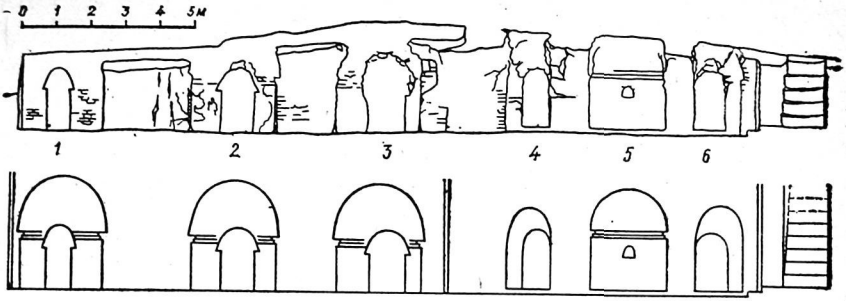

Рис. 16

устроена небольшая аркообразная ниша, которая в настоящий момент сильно разрушена, вследствие чего установить ее истинные размеры не представляется возможным.

Исследование пещеры 3 показало, что стена большой ниши в юго-западном углу помещения, отделявшая ее от соседней пещеры 4, была непрочной (толщина ее достигает 0,3 м) и не смогла выдержать в древности нагрузки свода. Обвалившаяся южная часть пещеры была отгорожена стеной (ширина 0,6 м), сложенной из сырцовых кирпичей размером 30—35×30—35× ×10—12 см и отстоявшей от входа в пещеру на 5,2 м. На стене прослеживаются слабо сохранившиеся остатки белой ганчевой штукатурки. Таким образом, после разрушения пещеры функционировала только северная ее часть. Об этом свидетельствует тот факт, что пол сохранившейся части пещеры на 8 см выше уровня пола, открытого в южной половине пещеры, т. е. за стеной закладки. Стены функционировавшей части пещеры были украшены красными панелями высотой 1 м от уровня пола, над которыми располагался орнамент в виде чередующихся небольших красных треугольников.

Помещение пещеры было забито надувным песком с включением обломков сырцовых кирпичей и кусков песчаника. В заполнении помещения были обнаружены фрагменты тонкостенной красно- и светлоангобированной посуды, тагор, небольших светильников в виде плошек. На одном из керамических фрагментов сохранилась часть буквы от индийской надписи, выполненной черной краской.

На полу северной части помещения найден небольшой фрагмент сосуда с частью сохранившейся надписи кушанским письмом.

При зачистке пола в южной части помещения найден кусок карниза из белого известняка и светильник, аналогичный обнаруженным в северной половине пещеры.

Пещера 4, так же как и пещера 3, частично была раскопа-

на в 1971—1973 гг.[6]. В отчетный период ее исследование продолжалось. В результате выявлена конструкция восточной части пещеры и ее размеры.

Восточная часть пещеры 4 была сходна с пещерами 1 и 3 и представляла собой сводчатое помещение длиной 13,5 м при ширине 2,7 м; высота ее достигала 2,5 м. На юге помещение оканчивалось большой овальной нишей, где, возможно, в древности стояла большая скульптура.

На расстоянии 2,5 м от южного угла ниши в западной стене была открыта восточная оконечность узкого сводчатого помещения — южного коридора, соединявшегося, вероятно, с западной коридорообразной частью этой же пещеры; вход в западный коридор находился в шестом сводчатом айване двора. Ширина южного коридора 2,5 м. Коридор заложен стеной из сырцового кирпича.

Так же как и описанная нами пещера 3, пещера 4 в результате естественного разрушения была разгорожена на части[7]. Раскопки показали, что в восточном коридоре пещеры продолжала функционировать только его северная часть, на что указывает ряд признаков. Во-первых, видны явные отличия в декоративном оформлении северной и южной частей коридора. На стенах северной части открыты фрагменты красных панелей высотой 1,1 м от уровня пола, а также росписи в виде крупных красных треугольников. Свод и стены помещения (над росписью) окрашены в черный цвет[8]. В южной же, разрушенной части коридора стены и пол были покрыты белым ганчем и не имели росписи. Во-вторых, пол в северной части коридора пещеры 4, так же как и в пещере 3, был на 8 см выше, чем в южной его части.

После возведения сырцовой перегородки в северной, продолжавшей функционировать части пещеры 4 был сооружен небольшой очаг (на расстоянии 1,6 м от сырцовой закладки), который примыкал к восточной стене помещения[9].

Очаг открыт на полу второго строительного периода и имел П-образную форму. Материалом для его сооружения послужили керамические плитки прямоугольной формы размером 17×13×3 см, с тыльной стороны к очагу примыкал жженый кирпич 30×7×7 см. Сверху и с боков плитки были оштукатурены тонким слоем глины. Внутри очага имелось небольшое углубление, в котором при расчистке обнаружены остатки золы. Углубление имело прямоугольную форму. Общие размеры очага: длина 0,5 м, ширина 0,25 м. На длительное его использование указывает то, что восточная стена возле очага была прокалена на высоту 0,6 м.

[6] Там же, с. 36.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.

При разборе сырцовой перегородки выявлено позднее захоронение, которое было совершено, видимо, после прекращения жизни на Кара-тепе. При этом в верхнем восточном углу перегородки был прорублен лаз. Остатки костяка покоились в заполнении пещеры, погребального инвентаря обнаружено не было. После совершения захоронения лаз был наспех заложен, о чем может свидетельствовать неаккуратная по сравнению с остальной частью перегородки кладка в этом месте.

В заполнении восточной части пещеры 4, которое было аналогично заполнению пещеры 3, найдено несколько фрагментов тонкостенной красно- и светлоангобированной посуды, на некоторых из них видны следы полосчатого и сетчатого лощения. Один фрагмент тулова сосуда был украшен орнаментом в виде насечек.

Следует отметить также находку двух фрагментов и одного целого светильника, аналогичных описанным выше, а также обломка крышечки из светлой глины.

В завале обрушившегося свода в южной части пещеры найден сосуд диаметром 16 см (горло, венчик и ручка утрачены) с шаровидным туловом и низким, плоским дном. Сосуд был на две трети покрыт красным ангобом и орнаментирован сетчатым лощением. Вместе с ним найдена и небольшая глиняная мисочка, снаружи и изнутри покрытая красным ангобом. Диаметр ее 10 см, край загнут внутрь. Мисочка имеет высокую ножку. Сосуд и мисочка сделаны из тонкоотмученной, хорошо обожженной глины желтого цвета и, исходя из этих признаков, могут быть датированы концом III — началом IV в. н. э.[10].

Пятый сводчатый айван, открытый в комплексе В в 1974 г., не имеет аналогий в других комплексах памятника. Он представлял собой глухую сводчатую, без прохода в глубь холма, почти квадратную комнату[11]. Это помещение и восточная входная ниша пещеры 4 имели общую стену длиной 2,4 м и шириной 1 м. Общие размеры помещения: длина (север — юг) 2,2 м, ширина 2 м. Стены его были сложены из сырцового кирпича размером 30—35×30—35×10—12 см. В стенах помещения устроены небольшие ниши. Ниша восточной стены имела высоту 0,47 м, ширину 0,33 м, глубину 0,33 м; ниша западной стены — высоту 0,45 м, ширину 0,40 м, глубину 0,40 м. Обе ниши стрельчатой формы. В отличие от описанных выше ниша южной (центральной) стены помещения была овальной формы, ее высота 0,85 м, ширина 0,45 м, глубина 0,45 м.

Непосредственно над нишами, вдоль стен шел карниз (высотой 10—12 см), сложенный из фрагментов сырцового кирпича. Стены и пол помещения были покрыты тонким слоем белого ганча. Местами на стенах сохранились слабые остатки росписи

[10] Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе.— «Кара-тепе IV», с. 128.

[11] Б. Я. Ставиский, А. Ф. Бердников и др. Исследование Кара-тепе — буддийского культового центра II—IV вв. в Старом Термезе, с. 512.

бледно-зеленой и красной краской. Свод помещения не сохранился, но, видимо, начинался непосредственно над карнизом, где на высоте 2,1 м от уровня пола обнаружена его сохранившаяся пята.

Для предохранения пола комнаты от стока воды со двора вдоль северного края были положены в один ряд сырцовые кирпичи (30×30×12 см). При зачистке пола помещения обнаружены два небольших углубления, вероятно для небольших сосудов.

В заполнении помещения, состоявшего из надувного песка и кусков сырца, найдено несколько небольших фрагментов красноангобированной тонкостенной керамики. При зачистке пола следует отметить находку раздавленного светильника в виде плошки из плохо обожженной глины.

Западная стена помещения (ширина 1 м) отделяла его от шестого сводчатого айвана перед входом в пещеру и выполняла одновременно функцию восточной стены этого айвана. В ней была устроена ниша стрельчатой формы высотой 0,47 м, шириной 0,33 м и глубиной 0,33 м. Стены айвана оштукатурены тонким слоем глины и покрыты ганчем, поверх которого нанесена роспись красной краской в виде параллельных полос, внутри которых прорисованы треугольники. По низу стены тянулась красная панель высотой 1 м. Восточная стена айвана, видимо, в древности подверглась ремонту, так как на ней прослежено два слоя ганчевого покрытия.

В глубине айвана, в его южной стене, находился вход в пещерное помещение, скорее всего в западный коридор пещеры 4. Этот вход был заложен сырцовыми кирпичами. Толщина закладки 1,5 м. Непосредственно за закладкой шел плотный завал из сырца вперемешку с песком. В завале обнаружено позднее захоронение. На его поздний характер указывает тот факт, что оно было совершено через лаз, пробитый в верхнем восточном углу закладки. Рядом обнаружен фрагмент средневекового сосуда с рифлением и небольшими углублениями в виде точек между параллельными полосами.

В расчищенной части входной ниши прослеживаются остатки тонкого ганчевого покрытия. При входе обнаружено 2 ступени, ведущие в пещеру. Ступени были вырыты в песчанике, обмазаны глиной и покрыты сверху ганчем.

Вдоль западной стены двора комплекса В был заложен шурф, который показал, что в устройстве двора перед шестым айваном было по крайней мере два строительных периода. В первый период пол двора нивелировался с полом айвана и имел ганчевое покрытие; во второй период перед входом в айван были положены сырцовые кирпичи, образовавшие таким образом порожек.

Из вещественного материала, собранного на полу перед входом в пещеру, необходимо отметить два фрагмента красноан-

гобированных тонкостенных сосудов с рифлением и сетчатым лощением и один небольшой фрагмент с желтым ангобом и рифлением вокруг тулова. Если предположить, что пол первого строительного периода соотносится со временем постройки пещеры 1, в которой твердым датирующим материалом являлась монета Канишки, указанную выше керамику можно датировать, конечно с большими оговорками, первой половиной II в. н. э. Раскоп временно законсервирован.

Дальнейшие раскопки в юго-западной части двора позволили на расстоянии 3 м от угла западной стены шестого сводчатого айвана открыть проход, ведущий из двора наверх. Он имел вид небольшой камеры (длина 2,8 м, ширина 1 м) с лестницей (6 ступеней, каждая высотой в среднем 0,2 м). Перед входом в камеру был устроен небольшой порожек высотой 0,1 м, при длине 1 м и ширине 0,3 м. Местами на нем прослеживаются следы белого ганча. Стены камеры также имели ганчевое покрытие, причем на западной стене открыты слабые остатки росписи красной краской. Стена неоднократно подвергалась ремонту, о чем свидетельствует несколько слоев сохранившейся местами глиняной штукатурки поверх белого ганча. Подобная штукатурка прослеживается и на восточной и северной стенах камеры.

Подводя итог, можно отметить, что исследования комплекса В в отчетный период показали отличия его от раскопанных в предыдущие годы комплексов А и Б. Система сводчатых помещений с предстоящими сводчатыми айванами и примыкающим к ним обширным двором не имеет в настоящий момент аналогий на Кара-тепе. Однако сравнение его с памятниками, обнаруженными на территории Ирана, позволяет отнести указанную группу помещений к традициям небуддийской древневосточной архитектуры. По своей конструкции и внешнему виду входные арочные ниши комплекса В перекликаются с проемами, возможно, парфянского дворца в Кухи-Ходжа [12].

В то же время архитектурно-декоративное убранство комплекса В сходно с убранством комплексов А и Б. Здесь также использовались небольшие ниши, стены пещерных помещений имели красочные панели и орнаментацию из чередующихся красных треугольников. Отсутствие бытовых признаков и наличие геометрической орнаментации указывают, на наш взгляд, на явно культовое назначение этого комплекса.

---

[12] Датировка памятника спорна. Ряд исследователей относит его к сасанидскому времени. См.: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. N. Y.—L., 1941, табл. XCVII—XCVIII.

Л. И. Альбаум

О ТОЛКОВАНИИ КАРАТЕПИНСКИХ КОМПЛЕКСОВ (В СВЕТЕ РАСКОПОК ФАЯЗ-ТЕПЕ)

В 1978 г. исполнилось 50 лет с тех пор, как известный историк А. С. Стрелков осмотрел полузасыпанные пещеры, расположенные на правом берегу Амударьи в 1 км к северо-западу от цитадели древнего Термеза. Как и самому холму Кара-тепе, этим пещерам суждено было получить мировую известность, и эту известность принесли археологические раскопки, особенно работы, начатые в 1961 г. экспедицией, которой и поныне руководит Б. Я. Ставиский. Многолетние раскопки позволили получить исключительно интересные сведения по самым различным вопросам истории, идеологии, искусства, материальной культуры народов Средней Азии I—IV вв. н. э.— эпохи существования могущественной Кушанской империи. Теперь этому памятнику посвящено свыше ста различных научных работ[1].

По данным последних работ, Б. Я. Ставиский все помещения Кара-тепе подразделяет на две группы. Изучение первой группы уже завершается, а второй только начинается[2]. В первую группу помещений, находящуюся на восточной стороне холма и вытянутую с юга на север почти на 60 м, входят три больших двора: южный, средний и северный. В центре северного — ступа. Средний и южный дворы окружены по периметру портиками с колоннами и связаны с храмами и святилищем. Из среднего двора можно было попасть в пещерный храм П-II, расположенный с западной стороны двора, и святилище. Через святилище первоначально можно было пройти в южный двор, затем дверные проходы в святилище были заложены. Южный двор, в свою очередь, соединялся с пещерным храмом П-I, также расположенным с западной стороны двора. С южной стороны двора находился небольшой наземный храм.

Итак, как полагает Б. Я. Ставиский, центральной осью всей планировки были три смежных двора, вытянутых с севера на юг, с которыми соединялись два пещерных и один наземный

[1] Б. Я. Ставиский. К югу от Железных ворот. М., 1977, с. 857.

[2] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 187. (Статья Л. И. Альбаума написана по материалам раскопок Кара-тепе 1961—1975 гг.— *Примеч. ред.*).

храмы. В центре каждого пещерного храма — центральная комната, служившая святилищем, вокруг нее — обходные коридоры. Кроме того, еще одно самостоятельное святилище, внутри которого находилась вотивная ступа, было расположено между средним и южным дворами. Над пещерным храмом П-II, как бы образуя второй этаж, но изолированно от храма размещалась небольшая постройка из 6 или 7 комнат [3].

Вторая группа помещений, раскопки которых были начаты Н. С. Сычевой, находится с северной стороны холма. Здесь отчетливо виден контур южной стороны большого двора. Пока выявлено четыре арочных айвана, сложенных из сырцового кирпича. Через них имеется ход в четыре, видимо, изолированных друг от друга коридорообразных пещерных сводчатых помещения, прорубленных в песчанике и вытянутых с севера на юг. Полностью раскопана лишь восточная пещера, где найдены фрагменты глиняной посуды с надписями. Много фрагментов от сосудов типа тагора, чашечек, тарелочек, сосудов с носиками [4].

Подводя итоги изучению пещер Кара-тепе, Б. Я. Ставиский отмечал следующее: «Концентрация в одном месте большого числа буддийских храмов и святилищ, их разнотипность (ни одно из сооружений не повторяет другого), отсутствие общежитий и иных характерных помещений монастырской буддийской общины — все это затрудняет пока определение назначения этого буддийского культового центра» [5].

Все, о чем мы писали выше, было «пока». Теперь, когда полностью завершено вскрытие храмово-монастырского комплекса Фаяз-тепе и выяснена картина его планировки и устройства, можно сравнить полученные сведения с результатами работ исследователей Кара-тепе и дать иную их интерпретацию. Но прежде всего следует несколько подробнее охарактеризовать некоторые итоги раскопок Фаяз-тепе [6].

Раскопки Фаяз-тепе, лежащего менее чем в 1 км к северо-западу от Кара-тепе, велись с 1968 по 1976 г. Здесь получена ясная картина планировки (рис. 17а). В целом это прямоугольник, вытянутый с северо-запада на юго-восток, шириной 34 и длиной 113 м, площадью 3842 кв. м, а с включением территории, занимаемой ступой,— около 6000 кв. м (вся площадь вскрытой поверхности на Кара-тепе составляет около 3 тыс. кв. м).

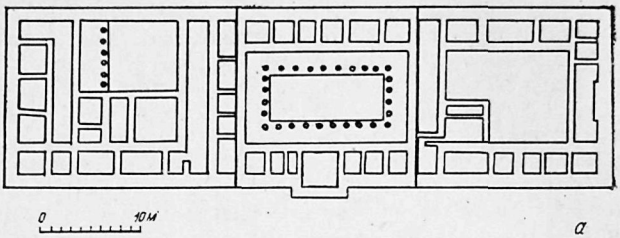
Комплекс четко разделен на три почти равные части — цент-

[3] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия, с. 187.

[4] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 30—36, рис. 10—15.

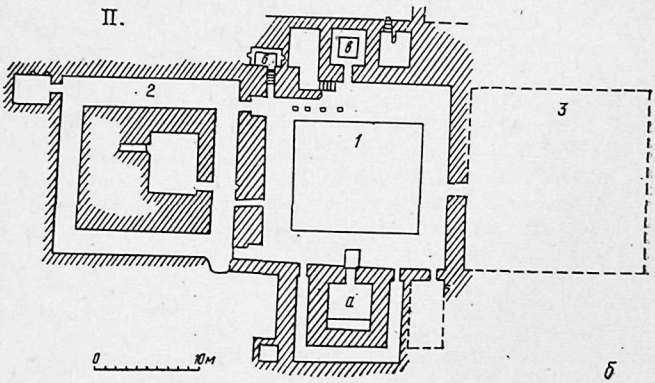
[5] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия, с. 188.

[6] См.: Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.).— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 53—58; он же. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г.— Бактрийские древности. Л., 1976, с. 43—45; он же. Живопись Афрасиаба, Таш., 1975, с. 90—93.

а

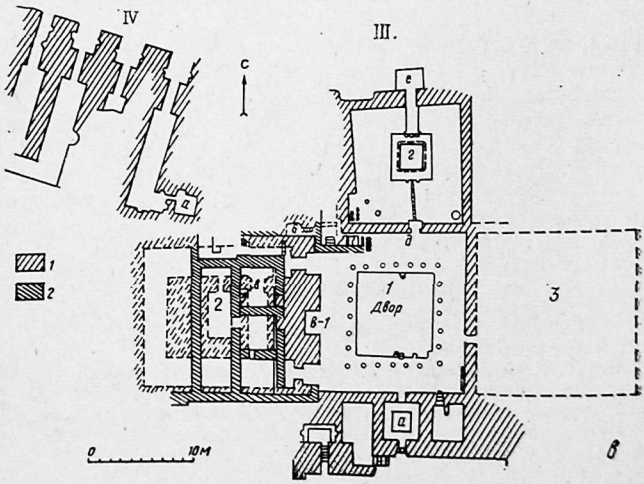
II.

б

IV

III.

в

Рис. 17

ральную, монастырскую и трапезно-хозяйственную. Первую занимает храм, организующим центральным звеном которого является прямоугольный двор. По периметру последнего расположен ряд помещений с выходами во двор. Вдоль всех четырех стен двора тянутся айваны, по краю которых сохранились следы баз колонн, а в некоторых местах и сами каменные разбитые базы аттического типа. Судя по остаткам росписей на стенах двора, все они были украшены монументальной живописью. Наилучшая их сохранность — с западной стороны двора. Центральная (внутренняя) часть двора была ниже пола айванов на 0,5—0,6 м.

В центре юго-западных помещений двора — квадратное святилище размером 6×6 м. Его стены украшены росписями. На полу обнаружены разбитые, раскрашенные и со следами позолоты скульптуры из глины, алебастра и известняка.

Перед широким входом в святилище пол юго-западного айвана покрыт прочным ганчевым раствором, эта площадка имеет форму прямоугольника. При спуске с нее во внутреннюю (пониженную) часть двора — ступенька из известняка, с противоположной стороны двора — вторая ступенька, ведущая на северо-восточный айван и к входу в небольшую квадратную проходную комнату: через нее можно было пройти к ступе, расположенной за пределами храма. Храмовой двор, айваны, святилище, ступеньки, проход к ступе — все это имеет прямую аналогию в комплексах А и Б на Кара-тепе.

Монастырская часть Фаяз-тепе занимает северо-западную часть комплекса. Вход в нее шел с юго-востока. Здесь же находился небольшой прямоугольный двор. Вокруг него группируются различные помещения. С северо-западной стороны двора — слегка приподнятый айван со следами трех столбов и двух пилястров, базы которых сохранились in situ. С этого айвана читались проповеди, слушатели находились во дворе. Перед айваном — два культовых очага.

В третьей части комплекса находились трапезная и хозяйственные помещения. Центр этой части — обширный двор. Судя по большому количеству фрагментов керамики, здесь находилась общественная трапезная. Посуду, приносимую в храм и разбившуюся, не выбрасывали, а раскидывали по полу. Помещения, где готовили пищу, находятся с юго-западной стороны. Здесь сохранились очаги, большие и маленькие печи для выпечки лепешек — тандыры. Рядом были помещения для продуктов. Большинство сосудов покрыто красным ангобом и украшено штампованным орнаментом или лощением. Почти все штампы связываются с буддийской символикой: ступня Будды, «елочка» — дерево бодхи, различные варианты «колеса Закона» и т. п. Такие сосуды, видимо, изготовлялись специально для приношения в дар храмам. На многих сосудах — надписи, указывающие на их назначение и что они предназначены в дар храму. На че-

репках — надписи бактрийским письмом, индийскими алфавитами кхароштхи и брахми, на санскрите и неизвестным письмом. Все это говорит о том, что в храм приезжали паломники, купцы из разных стран и приносили с собой сосуды с дарственными надписями на их языке и с их письменностью.

Не вдаваясь в подробный анализ всех помещений Фаяз-тепе, можно сказать, что весь комплекс был построен по единому плану, лишь в различные периоды осуществлялись небольшие перестройки.

Что касается времени существования храма, то оно определяется по археологическим наслоениям и монетным находкам из этих слоев. В обмазке полов и на полах монастырской и храмовой части были найдены монеты Вимы Кадфиза и Безымянного царя. Этим временем, т. е. I в. н. э., мы датируем начало строительства всего комплекса. Однако до строительства здесь было когда-то буддийское сооружение с небольшой ступой размером 3×3 м; при сооружении комплекса эта ступа была замурована в тело второй, более грандиозной ступы. Судя по росписям на ступе, а также по другим находкам, можно предположить, что первая ступа относится к концу I в. до н. э.

В слоях разрушения найдены в основном монеты Васудевы. Разрушение храма, уничтожение скульптур и его ограбление мы связываем с вторжением сасанидских войск Шапура I. К моменту вторжения сюда войск хионитов и эфталитов храм был заброшен. В это время закладываются многие дверные проходы, а помещения превращаются в склепы. При костяках найдены тонкие скифатные монетки и среди них монетка сасанидского царя Пероза (?). Таким образом, датировка памятника почти полностью соответствует датировке Кара-тепе.

Сравнение планировки Фаяз-тепе и Кара-тепе позволяет представить планировку памятников Кара-тепе иной, чем это сейчас принято (рис. 17б, в). Южный двор Кара-тепе являлся центром комплекса А и соответствовал двору храма Фаяз-тепе: стены обоих дворов были покрыты росписями, перед входом в святилища — специальные вымостки, вдоль стен — айваны. Находящееся с южной стороны Кара-тепе святилище соответствует святилищу Фаяз-тепе и т. д. Всю эту группу помещений мы считаем храмовой. В отличие от Фаяз-тепе здесь нет ступы, но, видимо, она находилась к северу от двора: здесь в середине святилища сохранилось небольшое возвышение (10—12 см), сложенное из различных по величине блоков белого известняка. Б. Я. Ставиский правильно полагает, что это святилище комплекса Б[7], но можно предположить, что первоначально здесь находилась небольшая ступа комплекса А, основание которой сохранилось. Когда же был построен комплекс Б, вход из двора комплекса А был заложен блоками разрушенной ступы.

[7] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.— «Кара тепе III», с. 81.

Новый вход в это помещение сделали с северной стороны, и помещение со ступой перестроили под святилище комплекса Б, стены которого украсили росписями, а оставшееся основание ступы выложили сырцовым кирпичом, что и было отмечено исследователями [8]. Возможно, на образованной площадке находилась скульптура.

С западной стороны храмового двора А — два дверных проема (в северной и южной части), ведущие в пещерные помещения (по Б. Я. Ставискому, храм).

Раскопки на Фаяз-тепе позволяют считать, что это — монастырская часть комплекса. Коридорообразные пещерные помещения на Кара-тепе расположены по форме каре, а среднюю часть занимает изолированное помещение (по Б. Я. Ставискому, святилище), в котором мог жить настоятель комплекса. Это очень рациональное размещение пещер, учитывая жаркий климат: летом здесь можно было отдохнуть от зноя, а зимой при закрытых дверях было тепло. Выходы из пещер направлены в восточную сторону, что предохраняло их от неприятного юго-восточного ветра-афганца. Все стены пещер были побелены и даже украшены росписями.

Продолжая сравнение комплекса А с Фаяз-тепе, мы вправе ожидать, что с восточной стороны двора должна быть еще одна часть комплекса для трапезной и приготовления пищи. Дальнейшие раскопки позволят уточнить наши предположения.

Подводя итоги рассмотрению комплекса А Кара-тепе, можно считать, что он, так же как и Фаяз-тепе, состоял из трех частей.

Комплекс Б почти полностью повторяет планировку комплекса А, а следовательно, и Фаяз-тепе. Центральный храмовой двор комплекса Б сохранился намного лучше — он также является центром композиции всего этого комплекса. Айваны поддерживались семью колоннами, местоположение которых удалось установить. Здесь хорошо сохранилась выкладка перед входом в святилище и ступеньки в центральной части двора, ведущие из святилища к ступе, как и на Фаяз-тепе. Стены святилища, как и двора, были покрыты росписями. Первоначально проход в святилище был сделан широким, в дальнейшем его сузили, а затем, видимо после запустения всего комплекса, вход в святилище был совсем замурован. Для нас особенно важен тот факт, что с северной стороны центрального двора Кара-тепе имеется проход на север, в следующий двор к вновь сооруженной ступе (на Фаяз-тепе проход к ступе вел через центральное помещение). С западной стороны два прохода вели в пещеру монастыря, а вход в центральное пещерное помещение (по Б. Я. Ставискому, святилище) находился не с восточной стороны, как в комплексе А, а с северной. В восточной сторо-

[8] Там же, с. 83.

не двора был обнаружен дверной проем[9], как мы полагаем, в третью часть комплекса — трапезно-хозяйственную.

При планировании комплекса Б строители к северу от центрального двора соорудили еще один квадратный двор площадью 11×12 м, в центре которого была поставлена ступа размером 4,4×4,4 м. К ступе можно пройти с южной и с северной стороны: в центральных частях стен здесь имеются проходы, от которых к ступе выложена специальная дорожка. Подобной ограды вокруг ступы на Фаяз-тепе пока еще не нашли, так как территория вокруг нее еще не докопана.

Итак, каратепинский комплекс Б по планировке еще более схож с фаязтепинским — три части основного комплекса, вытянутые почти правильно с запада на восток, и ступа, вынесенная в специальный двор за пределы центрального двора.

Если пройти через северный проход от ступы Кара-тепе и повернуть на запад, мы выйдем к еще одной группе пещер, именуемой комплекс В, вытянувшейся вдоль северной стороны холма. Эти пещеры пока еще недокопаны, и их исследователь Н. С. Сычева не пришла к окончательным выводам, но на основании полностью раскопанной одной из пещер делается предположение, что она была предназначена не для буддийских паломников и прихожан, как помещения комплекса А и Б[10].

Мы же предполагаем, что пещеры комплекса В некогда были женским монастырем. Основания для этого заключения таковы. В росписях святилища Фаяз-тепе изображены две фигуры Будды размером более человеческого роста. По обе стороны каждого Будды — фигура женщины с молитвенно-сложенными руками, обращенными к Будде. Изображение в главном святилище женщин не могло быть случайностью. В росписях Кара-тепе на южной стороне храмового двора, около святилища комплекса Б также имеется изображение двух женщин: сохранились нижние контуры подолов одежды и линии одной туфли[11]. Кроме того, сводчатые айваны перед пещерами комплекса В очень напоминают ниши-айваны в каменных рельефах микроархитектуры, найденной как на Кара-тепе, так и на Фаяз-тепе, где под стрельчатыми и циркульными арками изображены фигуры женщин с цветами в руках[12].

Поэтому вполне возможно, что изолированные пещеры комплекса В могли быть как кельями для монахинь и мирянок, так и пристанищем для спутниц купцов и путешественников. Изысканный характер керамической посуды, найденной в пещере 1, также говорит в пользу нашего предположения.

---

[9] Б. Я. Ставиский. Изучение буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе в 1972—1973 гг.— Бактрийские древности, с. 40.

[10] Н. С. Сычева. Краткий отчет, с. 37.

[11] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 77, рис. 22, 23.

[12] «Кара-тепе II», с. 222, рис. 35, 36.

Женский монастырь был совершенно изолирован от мужских; чтобы попасть к ступе, женщинам не нужно было проходить через мужской монастырь, они это делали через проход в северной ограде двора ступы. Причина изоляции женского монастыря обусловлена враждебным отношением к женщинам, привитым буддизмом. Первые женские монастыри были организованы еще при Будде. Они имели свой монашеский орден буддисток, который руководствовался внутренним уставом [13]. Женские монашеские общины были подчинены мужским [14], что нашло яркое отражение и в расположении пещер Кара-тепе.

Не менее интересны открытия комнатки у северного входа в пещерные помещения комплекса А [15] и двухкамерного помещения в комплексе Б [16]. По мнению Б. Я. Ставиского, это кельи монахов. Судя по находкам и описанию их устройства, эти помещения могли иметь и иное назначение. Эти «кельи» напоминают подвалы, которых в районе Термеза обнаружено несколько. Один такой подвал, как это отметил Б. Я. Ставиский, раскопан нами у восточной оконечности вала, идущего севернее городища [17]. В этом подвальном помещении находилось несколько фрагментов сосудов для хранения воды. На одном, сделанном из известняка, по борту вырезана надпись кхароштхи, согласно которой (чтение М. И. Воробьевой-Десятовской) этот сосуд для воды предназначался в дар храму. Поэтому можно предположить, что и каратепинские «кельи» предназначались не для монахов, а для хранения воды и продуктов.

Таковой представляется нам интерпретация буддийских комплексов и отдельных помещений Кара-тепе в свете наших раскопок на Фаяз-тепе.

---

[13] Д. Косамби. Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968, с. 119.

[14] Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. М., 1968, с. 446.

[15] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.— «Кара-тепе II», с. 29.

[16] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.— «Кара-тепе III», с. 21—24, рис. 7, 8.

[17] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия, с. 189. Следует отметить, что Б. Я. Ставиский трактует этот вал как остатки внешней ограды кушанского Термеза. Мы же предполагаем, что это основание под водопровод либо свинцовый канал, подобный Джу-и-Арзиз, снабжавшему водой древний Самарканд (см.: В. В. Бартольд. Джу-и-Арзиз. (К вопросу об истории ирригации в Туркестане).— Сочинения. Т. III. М., 1965, с. 274.)

Б. И. Вайнберг, Т. А. Раевская

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ[1]

Нумизматические находки из буддийского культового центра Кара-тепе в Старом Термезе довольно четко делятся на два комплекса: кушанские монеты, связанные с жизнью памятника, и кушано-сасанидские и сасанидо-кушанские монеты, сопровождающие, как правило, массовые захоронения, совершенные в заброшенных к тому времени помещениях Кара-тепе[2]. Находки довольно значительного числа монет сасанидского кушаншаха Варахрана I в погребениях дают основание считать, что комплекс Кара-тепе был заброшен ранее 60—80-х годов IV в. (время если не всех, то значительной части погребений в заброшенных помещениях) [3].

В результате раскопок последних лет вместе с погребенными во многих помещениях Кара-тепе наряду с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими монетами обнаружено несколько новых типов монет. Никаких дополнительных данных для хронологии памятника они пока дать не могут, но, несомненно, представляют интерес в связи с историей Тохаристана IV—VI вв.[4].

В комплексе Г южное погребение из тайника в центральной нише южного айвана двора сопровождалось двумя медными монетами неизвестных типов. Сохранность монет очень плохая, поэтому полного представления о типе монет получить нельзя.

1. Монета из южного погребения, найденная у левого бедра погребенного (ил. 25а). Сильно окисленная медная монета. Возможно, оборотная сторона ее была

---

[1] Разделы I—IV написаны Б. И. Вайнберг, раздел V — Б. И. Вайнберг и Т. А. Раевской.

[2] Е. В. Зеймаль, В. Г. Луконин. Монеты из раскопок Кара-тепе 1961—1971 гг.— «Кара-тепе III», с. 101—103; Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг. (предварительное сообщение).— Там же, с. 99—100; Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг. (предварительное сообщение).— «Кара-тепе IV», с. 28—29; Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— Там же, с. 37.

[3] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 100.

[4] См.: Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (В связи с запустением Кара-тепе).— «Кара-тепе III», с. 129—154.

плоской, а лицевая более выпуклой (сколько-нибудь четкой скифатности не отмечается). Диаметр 16 мм, вес 0,65 г. На лицевой стороне почти погрудное изображение в фас правителя. Верхняя часть и правая половина изображения повреждены окислом. Для изображенного лица характерны прямой срез широкого подбородка, длинные, свисающие вниз усы, концы которых изображены тем не менее горизонтальными. Глаза и нос различимы не очень четко. Может быть, легким рельефом выделены скулы, но не исключено, что это впечатление создается из-за манеры передачи усов. Ухо обозначено четкой толстой линией, мочка не изображена, вероятно, потому, что она прикрыта серьгой в виде толстой точки не очень правильных очертаний, располагающейся между плечом и ухом. От середины уха по внешнему контуру изображения по дуге идет ряд точек или утолщенных черточек, передающих детали прически или головного убора. На туловище различим край выреза кафтана (углом) и, возможно, какое-то нагрудное украшение.

Оборотная сторона монеты повреждена много больше. Бесспорно можно говорить лишь о наличии кругового ободка из довольно крупных точек. Среди опубликованных типов монет аналогии мне неизвестны.

II. Монета из южного погребения, найденная в костях кисти правой руки погребенного. Сохранность этой медной монеты очень плохая. Обращает на себя внимание ее довольно определенная восьмигранная форма при диаметре 17,5 мм. Вес — 1,8 г. Оборотная сторона слегка вогнутая. На лицевой стороне сохранились только следы изображения. Бесспорно можно говорить лишь о точечном ободке, в который было заключено изображение. Предположительно это был погрудный портрет правителя в фас с такими же черточками-точками вокруг головы, как и в предыдущем экземпляре.

На оборотной стороне, тоже сильно поврежденной, в круге из точек, соединенных тонкой линией, помещен знак типа тамги Ψ, но плохая сохранность не дает оснований утверждать, что у этого знака не было еще каких-то дополнительных элементов, например верхней горизонтальной черты. Монеты подобного типа неизвестны среди опубликованных материалов.

Не исключено, что обе монеты из южного погребения в тайнике принадлежат одному или близким типам. Если считать, что на втором экземпляре представлено полное изображение тамги, то этот знак можно сопоставить с тамгой 52, представленной на уникальных монетах неизвестного чекана, опубликованных Р. Гёблем[5]. Сходным можно считать и знак-тамгу правителей раннесредневекового Кердера, удельного владения

[5] R. Göbl. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd 1—4. Wiesbaden, 1967.

в Хорезме (монеты типа Г-12, тамга — Т 12)[6]. К сожалению, указанные сопоставления не проливают свет на происхождение описываемых монет. Нам неизвестны ни время, ни место их чекана. Правобережный Тохаристан мог входить в сферу их обращения, на что тогда и указывают находки из Кара-тепе. Если же учесть, что массовые захоронения на Кара-тепе начинаются не позже 60—80-х годов IV в., то время чекана этих монет весьма приблизительно определяется от второй половины IV в. и, вероятно, до конца V в., когда на смену кушано-сасанидским и сасанидо-кушанским монетам, сопровождающим погребения в Кара-тепе, приходят монеты эфталитов, чеканенные по типу монет Пероза[7], но это не бесспорно.

III. Следует отметить еще одну находку медной монеты на Кара-тепе (ил. 25б, в). Точное место находки указать, к сожалению, нельзя, так как она происходит из отвалов комплекса Г. Монета по общему облику близка описанным выше. Кружок ее круглый, с одной стороны обломан. Оборотная сторона слегка вдавлена, диаметр 16,5 мм, вес 0,77 г.

Лицевая сторона повреждена, но определенно различается портрет правителя в фас или с легким поворотом вправо. Корона практически не видна, но надо лбом различается какая-то ее деталь в виде «узла» (горизонтальная черточка), над которой, возможно, был полумесяц. Усы переданы так же, как на первом экземпляре, описанном выше. Четко видно правое ухо с крупной точкой на месте мочки, манера его передачи тоже близка к отмеченному выше экземпляру. На шее две четкие рельефные линии, передающие либо край одежды, либо украшение. Возможно, что справа от изображения сохранился один знак (или часть его?) от легенды, все остальное обломано.

На оборотной стороне в круге из крупных точек знак , или , или , часть его обломана. Монета эта опять-таки относится к неизвестным типам, но скорее всего должна быть сближена с описанными выше.

Будем надеяться, что дальнейшие раскопки комплекса Г на Кара-тепе, как и публикация нумизматических находок с Фаяз-тепе и ряда других памятников Северной Бактрии, позволят в скором времени получить представление о месте описанных монет в ряду других монетных выпусков поздней античности и раннего средневековья на территории Бактрии.

IV. В 1973 г. во время раскопок пещеры 3 в комплексе В на Кара-тепе среди перемешанных костей погребенных была обнаружена одна из ранних серебряных монет

[6] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 63, табл. XI, XIX, XXVI.

[7] См.: Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв., табл. I на с. 150—151.

эфталитского чекана[8] (ил. 25 г, д). Это пока единственный случай находки столь поздней монеты в слое погребений, но, учитывая, что все погребения в этой пещере были потревожены и кроме эфталитской монеты здесь же были найдены две кушано-сасанидские[9], нельзя исключить, что эфталитская монета либо связана с поздним погребением, впущенным в заложенную пещеру, либо занесена туда поздними посетителями. Монета принадлежит к известному типу, выделенному Р. Гёблем в эмиссию 288[10]. Подобные находки известны в районе Термеза и датируются нами в пределах VI в.[11]. Каратепинская монета представляет особый интерес в связи с надчеканом, помещенным на 1 час на лицевой стороне[12]. Надчекан этот известен только по более поздним эфталитским монетам эмиссии 289[13] и представляет собой овал с изображением сердечка с «трилистником» внутри него. Р. Гёбль датирует этот тип надчекана VII в., но в связи с описываемой находкой датировка его представляется более широкой. Как уже отмечалось, нет никаких оснований датировать монеты эмиссии 288 позднее VI в., а скорее всего они чеканились в первой половине VI в., так как сохраняют многие черты исходного типа монет Пероза и даже его портрет, замененный уже в эмиссии 289[14].

Р. Гёбль отмечает сочетание в эмиссии 289 описанного надчекана (КМ 74) с другими надчеканами[15].

В собрании Государственного Исторического музея в Москве есть один экземпляр монеты эмиссии 288 с надчеканом в виде сердечка с «трилистником» внутри (КМ 74, по Р. Гёблю) на лицевой стороне и надчеканом в виде повернутой влево головы с «коком» надо лбом (КМ 72, по Р. Гёблю) на оборотной стороне[16]. Надчеканы в виде голов правителей (?) — КМ 72 и 73, по Р. Гёблю,— характерны для многих монет эмиссии 289 и чаще всего встречаются вместе. Поэтому надчекан в виде сердечка (КМ 74, по Р. Гёблю), встреченный с ними вместе, может быть либо синхронен им по времени, либо предшествовать им, так как в находке из Кара-тепе он представлен в единственном числе на более ранней монете эмиссии 288. Подобный вывод

[8] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг., с. 36.

[9] Там же.

[10] R. Göbl. Dokumente, Em. 288.

[11] См.: Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв., с. 140—142.

[12] Указание по часовому циферблату. Диаметр монеты — 30 мм, вес — 1,4 г.

[13] R. Göbl. Dokumente. Em. 289, КМ 74.

[14] Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв., с. 141—142.

[15] R. Göbl. Dokumente, Em. 289, КМ 74, 73.

[16] См.: Б. И. Вайнберг. Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм (по данным нумизматики).— «Государственный Исторический музей. Нумизматический сборник». Ч. 4. Вып. 3. М., 1971, с. 23, № 18, табл. XXV.

подтверждает и экземпляр из ГИМ, принадлежащий также эмиссии 288, но уже имеющий и надчекан КМ 72. В связи с этим следует отметить, что в кладе эфталитских монет, опубликованном Р. Гёблем [17], на подавляющем числе монет надчеканы КМ 72 и КМ 73 сочетаются (всегда помещены на разных сторонах монеты), вместе с тем 12 экземпляров монет имеют только надчеканы КМ 72 на оборотной стороне монеты. Этот факт вместе с наличием надчекана КМ 72 на монете эмиссии 288 (экземпляр из ГИМ) указывает, как представляется, на его более раннюю дату по сравнению с КМ 73, чем и объясняется сочетание именно этого надчекана с КМ 74 (сердечко с «трилистником»). По мнению Р. Гёбля, надчекан «голова с коком» (КМ 72) может быть датирован VI в. и позже [18].

Таким образом, найденный на Кара-тепе экземпляр монеты эмиссии 288 с надчеканом КМ 74 есть основание датировать временем не позднее конца VI в.

V. В связи с надчеканами на эфталитских монетах следует напомнить о находке клада таких монет вблизи Термеза. Клад найден на левом берегу Сурхандарьи на землях колхоза «40 лет Октября» и находится в Термезском музее. Сохранность монет клада очень плохая, большинство монет крепко спаялось в большие комки. Монеты были сделаны из серебра очень низкого качества, окисел имеет зеленый цвет. Ряд монет, возможно, сделан из меди, покрытой серебром. Основная работа по расчистке клада произведена покойным реставратором Н. И. Трофимовым [19].

По общему весу клада можно предположить, что он содержал около 1000 экземпляров монет. Среди расчищенных монет преобладают обломанные и дефектные экземпляры, поэтому затруднено исследование этого комплекса по штемпелям и другим деталям, доступным исследованию при наличии большой серии однотипных монет. Как удалось установить, все монеты клада принадлежат эмиссии 289. Можно выделить не менее шести типов изображений оборотной стороны, демонстрирующих в основном постепенную схематизацию изображения. Насколько позволяют судить немногочисленные целые экземпляры, на монетах клада представлено пять типов надчеканов, причем на каждом экземпляре помещено четыре или пять надчеканов (два на лицевой и три на оборотной стороне). Все известные до этого клада монеты эмиссии 289 имели от одного до четырех, но не более, надчеканов [20]. Из пяти надчеканов на монетах. Термез-

[17] R. Göbl. Dokumente, Bd 2, c. 40—41.

[18] Там же, с. 154.

[19] Трофимов Николай Иванович (1903—1977) — один из крупнейших советских реставраторов по металлу, художник-реставратор высшей квалификации, заслуженный работник культуры РСФСР. Работал в ГМИИ им. А. С. Пушкина и ВЦНИЛКР.

[20] R. Göbl. Dokumente, Bd 2, c. 40—41.

ского клада ранее известны были лишь два — КМ 72 и 73 (по Р. Гёблю). Остальные три не встречались на разнообразных монетах серий, исследованных Р. Гёблем [21].

Пять типов надчеканов на монетах клада суть следующие:

1) голова воина в шлеме (КМ 73, по Р. Гёблю);
2) голова мужчины с «коком» (КМ 72, по Р. Гёблю);
3) морда льва;
4) голова рогатого антропоморфного существа;
5) комбинированный зооморфный мотив.

Типы 1 и 4 присутствуют только на лицевой стороне, типы 2, 3 и 5 — только на оборотной стороне монет. Каких-либо закономерностей размещения надчеканов относительно осей изображения как лицевой, так и оборотной стороны установить не удается.

Тип 1. Форма овальная, вертикальная. Голова воина в шлеме влево. Шлем полусферический, с небольшой шишечкой наверху, глубоко надвинут на брови. На затылке три наклонные насечки образуют, по выражению Р. Гёбля, «крылообразный выступ» — вероятно, гибкий назатыльник шлема. Форма шлема, по утверждению Р. Гёбля, несомненно иранская, VII в. Р. Гёбль полагает, что это изображение владыки, наделенное определенными портретными чертами [22]. По мнению Э. Херцфельда, поворот лица влево характерен для изображений вассальных правителей [23]. Идентичное по схеме изображение выполнено на разных монетах клада различными штемпелями, о чем свидетельствуют разные размеры надчекана, разная форма носа изображенного персонажа, различный угол расположения насечек на затылке.

Тип 2. Форма овальная, вертикальная. Мужская голова влево. Надо лбом высокий «кок» или, по мнению Р. Гёбля, своеобразная диадема. Стертость штемпеля, которым сделана надчеканка, не позволяет установить, имеем ли мы во всех случаях оттиск одного и того же или разных штемпелей. По мнению Р. Гёбля, этот надчекан старше предыдущего, так как в распоряжении исследователя имелись экземпляры, на которых этот штамп на оборотной стороне перебит типом 1 (КМ 73) на лицевой стороне [24].

Тип 3. (ил. 26а, б). Форма близка к кругу. Представлена голова льва влево, с острым ухом и разинутой пастью. Довольно тщательно дрелью и резцом моделированы нос, скула, глаз и надбровье. Три косые насечки передают шерсть на загривке.

[21] Единственную возможную аналогию составляет монета, найденная в кладе в помещении № 1 раскопа II на Ток-кале (см.: Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма, с. 185, № 113). Но на ней нечетко различимы изображения на ряде надчеканов.

[22] R. Göbl. Dokumente, Bd 2, c. 153.

[23] E. Herzfeld. Kushano-Sasanian Coins. Calcutta, 1930 («Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 38), c. 4.

[24] R. Göbl. Dokumente, Bd 2, c. 154.

Точных аналогий найти не удалось. Все изображения льва, приведенные Р. Гёблем (КМ 3/с и КМ 107), имеют поворот вправо и несколько иную трактовку. Оттиски на монетах клада сделаны, несомненно, разными штемпелями, о чем говорят разные размеры изображения, наклон и форма уха, разная трактовка скул, разный наклон насечек на загривке.

Тип 4 (ил. 26 в, г). Форма овальная, вертикальная. Голова фантастического существа в три четверти влево, с рогами, крупным отвислым носом, торчащими клыками и каплевидной серьгой в левом ухе. Аналогии не найдены. Связать это изображение с определенной культурной традицией не удалось. Надчеканы выполнены разными штемпелями, о чем свидетельствует разный поворот головы изображенного (в некоторых случаях приближающийся к профильному, в других — точно в три четверти), разная форма и размер носа, разный изгиб рогов.

Тип 5 (ил. 26 д). Форма овальная, горизонтальная. Изображение состоит из соединенных протомы лани влево и головы слона вправо. Лань представлена лежащей с вытянутыми вперед передними ногами. Голова слона с хоботом и бивнем. Аналогии всему изображению не найдены, но в материалах, исследованных Р. Гёблем, есть очень близкие изображения головы слона, обращенной, однако, влево (КМ 63). В целом изображение напоминает широко распространенные в разных культурных традициях так называемые «гриллы»[25]. Надчеканы выполнены разными штемпелями, о чем свидетельствует разный способ соединения двух составляющих изображение мотивов — иногда у лани показана вся грудь, иногда лишь голова с верхней частью шеи и передние ноги.

Поскольку сохранность монет неодинакова, определить во всех случаях число надчеканов невозможно. Однако нет сомнения, что в ряде случаев на монете представлены не все пять типов надчеканов (отсутствует тип 4).

Следует отметить, что появление монет эмиссии 289 мы считаем возможным отнести к концу VI в.[26]. Сложнее обстоит дело с хронологией надчеканов и определением времени обращения монет этой эмиссии. Если надпись на монетах эмиссии 289 представляет собой этническое название, то портрет на лицевой стороне монет тоже можно рассматривать не как изображение конкретного лица. А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак в связи с исследованием пенджикентских росписей высказали предположение, что «для лицевой стороны части эфталитских монет (нередко анонимных) использовали иконографию эпического героя, когда-то владевшего доставшимися эфталитам землями.

[25] A. Roes. New Light on the Grilli.— «The Journal of Hellenic Studies». Vol. 55, p. 2. L., 1935.

[26] Б. И. Вайнберг. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв., с. 143.

Таким героем был прежде всего Рустам»[27]. Не исключено, что подобный вывод можно сделать и по поводу монет эмиссии 289, которые, судя по обилию надчеканов, часто сменяющих друг друга, обращались, возможно, на протяжении всего VII века.

Что же касается надчеканов на монетах эмиссии 289 вообще, то представляется на основании всех известных материалов следующая их хронологическая последовательность.

Группа I — КМ 68, 69, 70, 71 и, возможно, 74 (наименование надчеканов — по Р. Гёблю).

Группа II — КМ 72, 73.

Группу III составляют новые надчеканы на монетах Термезского клада.

Первая группа надчеканов встречается нечасто, сочетание их весьма неустойчиво, иногда они сочетаются с надчеканами группы II. Вторая группа представлена довольно широко. Это устойчивое сочетание надчеканов лицевой и оборотной стороны. Как уже отмечалось, КМ 72 является наиболее ранним типом в этой группе. Третья группа (один надчекан на лицевой и два на оборотной стороне) — самая поздняя. Надчеканы группы III всегда сочетаются с надчеканами группы II. В полном варианте монеты эмиссии 289 имеют два надчекана на лицевой и три на оборотной стороне.

---

[27] А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М., 1976, с. 82.

Н. С. Сычева, В. Л. Сычев

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ И ДЕКОРАТИВНЫХ МОТИВОВ НА КАРА-ТЕПЕ

За время многолетних работ на Кара-тепе найдены немногочисленные, но интересные образцы изобразительного и декоративного искусства, фрагменты сюжетно-тематической и орнаментальной живописи, скульптуры, декоративного убранства архитектурных сооружений (в том числе и малых форм), культовая и бытовая утварь, рисунки-граффити. Эти находки описаны или упомянуты в отчетах экспедиции за разные годы [1]. Анализ всего полученного материала [2] позволяет выявить типичные для Кара-тепе художественные мотивы и попытаться рассмотреть их как единую систéму или по крайней мере сумму элементов, отразившую особенности идеологии кушанского общества.

По своему характеру изобразительные и декоративные мотивы делятся на антропоморфные, зооморфные, растительные, геометрические и архитектурные.

Антропоморфные изображения занимали центральное место в сюжетно-тематической живописи и культовой скульптуре, содержание и основная функция которых непосредственно связаны с буддийским характером и назначением памятника [3]. Из завала в южном айване двора комплекса Б был поднят большой кусок штукатурки с живописным изображением Будды и трех стоящих под деревьями монахов [4]. Там же на стене обнаружены остатки росписи — нóги и нижние части одежды донаторов, пяти мужчин и двух женщин [5]. Куски штукатурки с изображениями головы старика-донатора и правого плеча, шеи и части головы женщины, найденные в завале, видимо, явля-

[1] «Кара-тепе I»; «Кара-тепе II»; «Кара-тепе III»; «Кара-тепе IV».

[2] Настоящая статья написана по результатам раскопок 1937 и 1961—1973 гг.

[3] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.— «Кара-тепе III», с. 77; Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 16—18.

[4] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 77—78, рис. 22—24, табл. IV—V; он же. К югу от Железных ворот. М., 1977, ил. 47—49.

[5] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 77, рис. 22—23.

ются фрагментами той же композиции[6]. Остатки живописи аналогичного содержания были отмечены также на южной стене двора комплекса А[7]. По аналогии можно предположить, что и другие тематические живописные композиции, когда-то украшавшие стены различных сооружений Кара-тепе, имели буддийское содержание. К ним мы относим изображение человеческого глаза на куске штукатурки из завала перед входом в пещеру 1 комплекса В[8] и рисунок ладони с четырьмя плотно сжатыми пальцами над головой какого-то животного на стене той же пещеры[9]. Здесь же была найдена часть зонтика-чатра, украшенного живописными изображениями персонажей, буддийский характер которых не вызывает сомнений[10]. С буддизмом связывают и культовую скульптуру, незначительные фрагменты которой (рука и пальцы) были обнаружены во дворе комплекса А[11].

Антропоморфные изображения использовались также в скульптурном декоре архитектуры малых форм или постаментов крупной скульптуры, дошедших до нас в обломках. Фрагменты четырех человеческих фигур и одна головка найдены в пещерных сооружениях комплекса Б[12]. Во дворе того же комплекса были извлечены из завала куски еще трех фигур[13] и часть рельефа с сидящим под веткой Буддой[14], а в центральном святилище — угловая часть и два фрагмента рельефа с изображением четырех полуфигур на фоне арок и листвы аканфа[15]. Полуфигура человека входит также в композицию известной каратепинской капители декоративного каменного пилястра из комплекса Б[16].

По-видимому, несколько иной характер имеют изображения людей, изредка встречающиеся на керамике,— налеп в виде че-

[6] Там же, с. 77, табл. V; Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг., с. 16—17, рис. 4.

[7] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.— «Кара-тепе I», с. 27.

[8] Б. Я. Ставиский. К югу от Железных ворот, ил. 46.

[9] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.— «Кара-тепе IV», с. 31.

[10] Там же, с. 33.

[11] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 12, рис. 24—25.

[12] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.— «Кара-тепе II», с. 144—145, 158; «Кара-тепе II», с. 170, 172, рис. 29—30.

[13] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.— «Кара-тепе III», с. 37, рис. 14а, б; он же. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 74, рис. 21а, табл. IX.

[14] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 74, рис. 21а.

[15] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 25—26, рис. 27; он же. Фрагменты каменных рельефов, с. 147—148, рис. 33, 34, 36.

[16] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 158—160, рис. 38А и 39.

ловеческого лица, выполненного штампом, прикрепленный к нижней части носика от сосуда, из песчаного заполнения восточного пещерного коридора комплекса Б[17] и сходный налеп, помещенный в основании ручки, из пещерной кельи того же комплекса[18]. Нам кажется, что это скорее всего чисто декоративные мотивы, восходящие к античным традициям.

В пещере 1 комплекса В найдены два фрагмента красноглиняного сосуда с тремя оттисками штампа, воспроизводящими стоящую во весь рост фигуру мужчины[19]. Несмотря на малые размеры и нечеткость штампа, видно, что мужчина одет в «кушанский» короткий кафтан, облегающий фигуру. Его силуэт и общий стиль изображения, вызывающий ассоциацию с фигурой Канишки на монетах[20], не оставляют сомнения в том, что перед нами не персонаж буддийского круга и не чисто декоративный мотив. Можно предположить, что этот сюжет имеет какое-то отношение к кушанским династическим культам.

Многочисленные изображения человека в рисунках-граффити, преимущественно примитивные очертания голов в пещерных сооружениях комплекса Б, не опубликованы[21]. Исключение составляют три рисунка[22]. Появление одного из них Б. Я. Ставиский достаточно, на наш взгляд, обоснованно относит ко времени после прекращения функционирования Кара-тепе в качестве буддийского центра и связывает с посещением памятника лицом, знакомым с искусством хионито-эфталитского круга[23]. Датировка двух других рисунков[24], как и всех остальных упомянутых выше, остается пока неясной. Нет данных и для более или менее убедительной трактовки их семантики и назначения. Очевидно лишь то, что они не относятся к материалам буддийского характера на Кара-тепе.

Значительные трудности для интерпретации представляют примыкающие к антропоморфным мотивам изолированные изображения руки (иногда четырехпалой) с растопыренными пальцами. Около десятка контуров пятерни зафиксировано среди

---

[17] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.— «Кара-тепе II», с. 19, рис. 8.

[18] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 44, табл. XVIII.

[19] Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе.— «Кара-тепе IV», с. 118, рис. 53, ил. 22.

[20] J. Auboyer. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1968, табл. 7а.

[21] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22.

[22] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 33, рис. 23; он же. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22, рис. 5 Б.

[23] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 23.

[24] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 33—35, рис. 23; он же. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22.

рисунков-граффити на стене южного пещерного коридора комплекса Б[25]. Отпечаток ладони, вымазанной красной краской, сохранился на стене пещеры 4 комплекса В[26].

Мотив руки-пятерни был очень распространенным в разные времена и у разных народов. Исследователи первобытного искусства считают его одним из наиболее ранних среди наскальных рисунков магического значения и толкуют отпечаток или контур руки как знак присутствия в данном месте оставившего его человека. Позднее он приобретает значение символа обладания или оберега[27]. Как оберег понимают изображения пятерни в луристанской бронзе[28]. В мусульманском мире этот мотив воспринимался как изображение руки Али или символ шиитской пятерки — Мохаммеда, Али, Фатимы, Хосана и Хусейна. В Средней Азии вплоть до XIX в. знак пятерни встречается на скалах и камнях в верховьях Пянджа, в нижней части Шугнана, в Рушане и на р. Гунт[29]. В Таджикистане этот знак перед праздниками, особенно перед весенним праздником Нового года, женщины-горянки часто помещали на стены своих домов[30]. Встречается он на мазарах горных таджиков, где изготовленная из металла пятерня водружается на шест[31]. Изображение пятерни известно на дагестанских резных стелах[32], а в Иране раскрытая ладонь обычно служила навершием траурных знамен — обязательной принадлежности праздника Мохаррам. В древности это изображение было распространено в Сирии, Индии, Вавилоне, Греции, Финикии[33], Афганистане[34].

Говоря о значении знака-пятерни, А. А. Бобринской отмечал, что число «пять» с глубокой древности было связано с числом дней недели, а рука с пятью пальцами была эмблемой солнечных божеств[35]. С. М. Марр привел несколько толкований этого знака, в том числе особенно интересную точку зрения, согласно

---

[25] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 23, рис. 6; «Кара-тепе III», табл. XXIV.

[26] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 22, рис. 19.

[27] В. Б. Мириманов. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973, с. 79.

[28] С. М. Марр. Мохаррам (шиитская мистерия как пережиток древних переднеазиатских культов).— «Сборник МАЭ». Т. 26. Л., 1970, с. 354.

[29] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). М., 1908, с. 113.

[30] С. В. Иванов. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков.— КСИЭ. Вып. 2. 1947, с. 82—83.

[31] Н. А. Кисляков. Вотивные предметы горных таджиков.— «Сборник МАЭ». Т. 26. Л., 1970, с. 10, рис. 2.

[32] В. И. Марковин. Дагестанские резные стелы. — «Сообщения ГМИНВ». Вып. 5. М., 1972, с. 29, 43, рис. 2, 5.

[33] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, с. 133—134.

[34] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 24, примеч. 27.

[35] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, с. 114.

но которой изображение руки принадлежит к небесным символам [36].

По-разному могут быть истолкованы изображения рук и на Кара-тепе. Какая-то их часть могла быть оставлена мусульманами, посетившими развалины культового сооружения, относившегося к чуждой им религии, и выразившими таким образом свою правоверность, приверженность исламу. Впрочем, такое толкование нам представляется маловероятным, поскольку точно такие же рисунки рук были обнаружены и в тех местах Кара-тепе, которые стали недоступны для посетителей из-за завалов и закладок еще до прихода в Среднюю Азию арабов [37]. Если вспомнить о том, что многие надписи, процарапанные на стенах Кара-тепе и написанные на керамических сосудах, выполнены приверженцами буддизма [38], то логично предположить, что изображения рук были оставлены паломниками, посетившими памятник и засвидетельствовавшими таким образом свое присутствие на этой святыне и свою причастность к буддизму. Возможно, что некоторые из этих знаков, в частности отпечаток ладони в комплексе В, относятся даже ко времени функционирования Кара-тепе. В связи с этим интересно замечание Б. Я. Ставиского о том, что изображение руки с растопыренными пальцами имеется на одном из древнебуддийских рельефов [39]. Следовательно, эти знаки не были чужды буддизму и, вероятно, «связаны с какими-то древними (возможно, буддийскими) представлениями и обычаями» [40].

В группу з о о м о р ф н ы х мотивов Кара-тепе входят изображения льва, быка-зебу, слона, обезьяны, птицы, лошади и еще нескольких животных, не поддающихся точной идентификации.

Прежде всего отметим два фрагмента красноангобированных тонкостенных чаш с налепами, на которых штампом оттиснуто изображение львиной морды; они обнаружены в комплексе Б и в пещере 1 комплекса В [41]. Кроме того, фрагменты трех изображений хищников имеются среди обломков каменных рельефов из пещерных помещений комплекса Б [42]. По-видимому, эти изображения были аналогичны тому, которое значительно лучше сохранилось на уже упоминавшейся капители из комплекса Б [43]. Последнее, правда, отличалось от них тем, что входило в композицию с фигурами двух горбатых быков-зебу, лежащими слева и справа от изображенного в фас хищника.

[36] С. М. М а р р. Мохаррам, с. 354.

[37] Б. Я. С т а в и с к и й. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 23.

[38] Там же, с. 27.

[39] Там же, с. 24.

[40] Там же.

[41] Б. Я. С т а в и с к и й. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 41, рис. 34; Н. С. С ы ч е в а. Керамика Кара-тепе, с. 118, рис. 53, 4, ил. 22.

[42] «Кара-тепе II», с. 170, рис. 31—32.

[43] Там же, рис. 38А и 39.

Изображение льва как символа могущества и силы было широко распространено в древности в странах Востока — Египте, Вавилоне, Ассирии, на Кавказе[44]. Из Египта этот мотив пришел в Грецию, где он встречается со времен архаики[45]. В Средней Азии изображения львов известны по предметам Амударьинского клада[46]. Большая серия керамических сосудов с ручками, украшенными рельефными изображениями львов, найдена на территории Хорезма и датирована IV—III вв. до н. э.[47]. М. Г. Воробьева связывает появление этих сосудов в Хорезме с контактами с Египтом. Поскольку, как она считает, образ льва был чужд хорезмийцам, кувшины с львиноголовыми ручками просуществовали здесь недолго[48]. В Бактрии, во всяком случае в Южной, лев был известен еще до распространения там буддизма. В Ай-Ханум, например, обнаружен каменный водосток со скульптурным изображением головы льва. Возможно, что сюда этот мотив проник из Греции[49].

Изображение льва часто встречается в памятниках древней Индии, где оно выступало в качестве символа, охранявшего покой и независимость государства[50]. В то же время этот мотив вошел органически в буддийскую символику. Вспомним, что Будда именовался «Львом Шакьев» и «Львом Закона»[51], а изображение четырех сросшихся спинами львов служило гербом государства Ашоки, при котором буддизм стал государственной религией в Индии.

Каратепинским изображениям львов, которых он называет «тиграми» или «хищниками из породы кошачьих»[52], Б. Я. Ставиский находит многочисленные аналогии в древнебуддийских памятниках. В то же время он отмечает самобытность позы и композиционного решения одиночных изображений львов, помещенных на фоне листвы аканфа[53]. Композицию из двух фигур животных с расположенным между ними хищником Б. Я. Ставиский вслед за другими исследователями возводит к ахеменидской традиции[54]. Кроме того, сравнивая каратепин-

---

[44] М. Г. Воробьева. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма.— КСИЭ. Вып. 30. 1958, с. 48—51.

[45] Там же, с. 49.

[46] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with Other Objects from Ancient Persia and India. L., 1905, табл. XI, 28, 32, 40; XVII, 118; XVIII, 120; XIX, 142.

[47] М. Г. Воробьева. Изображение львов, с. 41, рис. 1, с. 43, рис. 3.

[48] Там же, с. 53.

[49] P. Bernard. Fouilles de Ai Khanoum (Afghanistan) campagnes de 1972 et 1973.— «Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres». P., 1974, с. 305, рис. 16.

[50] H. G. Franz. Hinduistische und islamische Kunst Indiens. Lpz., 1967, табл. 204.

[51] С. И. Тюляев. Искусство Индии. М., 1968, с. 28.

[52] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 149.

[53] Там же, с. 152—153.

[54] Там же, с. 163.

скую капитель с аналогичными находками из Шам-калы и Сурх-Котала, он приходит к выводу о том, что «все эти находки объединяет принадлежность не к одной религии, а к одной локальной — бактрийской художественной школе», специфика которой «объясняется древними местными (вернее, восточноиранскими) историко-культурными традициями»[55]. Эти не вызывающие сомнения выводы поднимают вопрос о семантике карапетинских изображений львов: имели ли они значение буддийских символов, сохраняли ли они связь с какими-то местными древними культами или использовались в качестве чисто декоративных мотивов? Нам представляется интересным рассмотреть некоторые факты из истории контактов Кушанского государства с ханьским Китаем, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме.

В китайских хрониках имеются сведения о том, что Юэчжи (Кушанское царство) в 87 г. отправило к ханьскому двору посольство с дарами и с предложением породниться посредством брака с домом Хань[56]. В отличие от описаний многих других посольств, в которых обычно не называются конкретно привезенные подарки, а говорится лишь о богатых дарах[57], сообщение о кушанском посольстве содержит упоминание о льве и «фуба»[58]. Это несомненно свидетельствует о том, что данным дарам — льву и «фуба» — придавалось совершенно особое значение.

«Фуба» иногда переводят «антилопа», с нашей точки зрения, без достаточных на то оснований[59].

В комментариях «Хоу Хань шу» говорится, что «фуба» похож на «цилиня» (фантастическое животное), но без рогов; «фуба» — то же, что «таоба»; тот, что похож на оленя с длинным хвостом и одним рогом, называется «тяньлу» (небесный олень), с двумя рогами называется «бисе»[60]. Интересно, что слово «фуба» состоит из двух иероглифов: «фу» (амулет) и «ба» (корчевать, изгонять). Связанное с ним слово «таоба» тоже составлено из двух иероглифов: «тао» (персиковое дерево) и «ба» (корчевать). Слово «бисе» состоит из «би» (искоренять) и «се» (вред, наваждение). Таким образом, совершенно ясно, что первоначально «фуба», или «таоба», означало два амулета (оберега) — «тяньлу» (рогатое, копытное животное) и «бисе» (судя по многочисленным изображениям в китайском искусстве, животное кошачьей породы). Такое понимание слова «фуба»

---

[55] Там же, с. 168.

[56] Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология. М., 1968, с. 84.

[57] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.—Л., 1950, с. 228, 230, 216.

[58] Хоу Хань шу. Соинь Бона бэнь Эршисы ши. Т. 3. Шанхай, 1958, с. 698.

[59] Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 84, со ссылкой на Е. Цюрхера.

[60] Хоу Хань шу, с. 698.

объясняет и существование термина «таофу», образованного соединением двух первых слогов «таоба» и «фуба». «Таофу» называли в древности две деревянные дощечки, которые в Новый год вывешивали по сторонам входа в дом, чтобы отгонять «нечисть». На дощечках писались имена духов-хранителей Шэньту и Юйлэя [61]. Возможно, такое название объяснялось тем, что кроме имен этих духов на дощечках изображали «фуба». Отголосок этого обычая, на наш взгляд, виден на некоторых народных китайских лубках XVIII—XIX вв., на которых привратные духи-хранители «мэньшэнь», заменившие собой Шэньту и Юйлэя [62], изображаются рядом с тигром и оленем.

Учитывая все вышесказанное, нам кажется маловероятным, чтобы китайцы словом «фуба» обозначали настоящее животное. Видимо, это было изображение какого-то рогатого копытного животного, похожее на один из парных китайских оберегов «таофу». Такое толкование слова «фуба» оправдывает еще наличие слова «чжэньбао» перед ним. Некоторые переводят это слово отдельно: «драгоценные камни и антилопы» [63], мы же склонны переводить последнее слово как определение: «фуба из драгоценных камней». Сходство этого амулета с китайским оберегом подчеркивалось еще и тем, что он был, возможно, парным со львом, который в этом случае был также лишь статуэткой. На парность этих двух понятий — «фуба» и лев — указывает то, что в «Хоу Хань шу» еще два раза они упоминаются вместе. Один раз — это дар ханьскому императору из Парфии [64], а другой раз — из Кашгара [65]. Кроме того, в энциклопедии «Цыюань» в статье «тяньлу» вслед за объяснением, что такое «небесный олень», сразу же следует пояснение, что лев похож на тигра, но желтый, без полос, а на хвосте большая кисть волос [66]. То же самое мы видим и в «Цыхае» в статье «таоба».

Все это убеждает нас в том, что кушанское посольство везло в дар ханьскому императору среди прочего два изображения, выполненные из драгоценных камней: льва и какого-то рогатого, копытного животного. Эта пара в искусстве Средней и Передней Азии может найти соответствие только в древнейшем переднеазиатском мотиве единоборства льва и быка [67]. Таким образом, среди даров ханьскому двору, в том числе и посланных из Кушанского царства, китайские хроники особо выделяют изображения льва и быка. При этом описание льва вполне соответствует трактовке хищника на каратепинских релье-

[61] Цыхай. Шанхай, 1948, с. 694.
[62] В. М. Алексеев. Китайская народная картина. М., 1966, с. 211.
[63] Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 84.
[64] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 225.
[65] Там же, с. 235.
[66] Цыюань. Шанхай, 1935, с. 221.
[67] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, с. 53.

фах, почему мы и называем последнего львом, а не «тигром», как Б. Я. Ставиский.

Почему же изображения этих животных удостоились чести быть отмеченными среди даров несколько раз? Если повышенное внимание ко льву еще можно объяснить экзотичностью незнакомого китайцам зверя, то бык, даже если это — горбатый зебу, вряд ли мог так поразить воображение древних ханьцев. Нам кажется, что исключительное значение этим изображениям придавало то, что они служили символом буддизма и именно так, в качестве символа новой для Китая религии, воспринимались китайцами. Это предположение подкрепляется тем, что точно такой же дар китайскому двору был послан из Кашгара в 133 г.[68], т. е. вскоре после официального введения там буддизма в 120 г.[69]. Мало того, этот дар был послан правителем Кашгара Чень Панем, который перед этим несколько лет прожил в Кушанском царстве.

Правда, такой же дар ханьский император получил в 87 г. из Парфии[70]. Трудно допустить, что государь Парфии послал в качестве подарка буддийские культовые фигурки. Но дело в том, что сведения о том, что государь Парфии послал льва и «фуба» в дар китайскому императору, приводящиеся многими исследователями[71], взяты из перевода текста «Хоу Хань шу», сделанного Н. Я. Бичуриным, в котором имеется одна неточность. В самом тексте ничего не говорится о государе Парфии. Там сказано: «Владетель Аньси (Парфии) имеет резиденцию в городе Ходу... На восточных его пределах находится город Мулу (Мерв), под названием малого Аньси (Маргиана), от Лояна в 20 000 ли. При императоре Чжан-ди в первое лето правления Чжан-хэ (87 г.) послали китайскому Двору льва и фуба...»[72]. Таким образом, учитывая, что в то время Маргиана уже отделилась от Парфии, текст говорит о том, что эти дары были посланы из Маргианы. С другой стороны, нам известно, что буддизм проник в Маргиану в I в. н. э.[73]. Следовательно, и эти изображения могли быть связаны с буддизмом.

Можно также упомянуть о том, что кушанское посольство было по дороге задержано китайским военачальником Бань Чао, ведшим военные действия в Западном крае. Бань Чао отверг дары и предложения о браке и отослал посольство обратно. Этот поступок, как уже отмечали исследователи, идет вразрез со всей политикой Бань Чао[74]. Объяснение ему попытался

---

[68] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 235.
[69] История таджикского народа. Т. 1. М., 1963, с. 359.
[70] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 225.
[71] Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 91.
[72] Хоу Хань шу, с. 1313.
[73] B. A. Litvinsky. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968, с. 5—6.
[74] Е. В. Зеймаль. Кушанская хронология, с. 91.

дать Л. С. Васильев, который полагает, что, отвергнув дары, Бань Чао хотел спровоцировать кушан на преждевременное военное выступление против Китая без необходимой для этого подготовки[75]. Такое объяснение вряд ли может удовлетворить. Ведь в то время у Бань Чао было всего 25 000 солдат, а Юэчжи могли выставить войско в 100 000[76], о чем он, конечно, знал. Более того, если бы Бань Чао действительно намеревался спровоцировать столкновение Китая с кушанами, то за два года, которые прошли со времени инцидента с посольством до военного выступления кушан, он постарался бы подготовиться к сражению, увеличив свои силы. Однако он по-прежнему остается с 25-тысячным войском, а большая китайская армия под командованием Доу Сяня вместо того, чтобы прийти на помощь Бань Чао, якобы ожидающему нападения кушан, уходит на север сражаться с сюнну. Поэтому причина, заставившая Бань Чао отвергнуть дары, заключалась в чем-то ином, возможно в характере самих даров. Присутствие среди них изображений, воспринимавшихся в качестве символа чуждого культа, на наш взгляд, могло быть достаточной на то причиной.

Таким образом, все изложенное выше склоняет нас к выводу о том, что каратепинские изображения хищников на рельефах есть изображения львов, объединяемые иногда в одной композиции с фигурами быков-зебу. Причем, если сам по себе этот мотив и его художественная трактовка восходят к добуддийской традиции, что убедительно показал Б. Я. Ставиский, то с точки зрения семантики он имел чисто буддийский характер.

Другие зооморфные мотивы в материалах Кара-тепе занимают менее заметное место, нежели львы и быки.

Фрагменты изображений двух слонов сохранились на обломках упоминавшихся каменных рельефов с аркадой и фигурами людей из центрального святилища комплекса Б[77]. Появление в Средней Азии изображений слонов обычно относят за счет влияния индийского искусства[78]. Однако, если справедливо утверждение С. П. Толстова о том, что «контингенты воинов из Южной Индии, вероятно, использовались в Средней Азии для охраны северных границ Индийской империи Кушанов»[79], то бактрийцам могли быть знакомы и живые слоны, которые часто принимали участие в боевых действиях индий-

---

[75] Л. С. Васильев. Бань Чао в Западном крае.— ВДИ. 1955, № 1, с. 109—119.

[76] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений, с. 227.

[77] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 147—148, рис. 33, 34.

[78] С. П. Толстов. Новые археологические открытия в Хорезме и некоторые проблемы древней истории Индии.— Индия в древности. М., 1964, с. 139.

[79] Там же, с. 140.

ских войск. В любом случае связь этого мотива с Индией и буддизмом не вызывает сомнений.

Единственным образцом, если не считать аналогичную находку в подъемном материале[80], представлено на Кара-тепе изображение обезьяны — на ручке от красноангобированного сосуда из пещерной кельи комплекса Б[81]. Несмотря на то что обычай украшать ручки керамических сосудов головками животных, по-видимому, пришел в Бактрию из более северных областей Средней Азии[82], южное происхождение данного персонажа (обезьяны) и особенности его трактовки позволяют полагать, что «изображения обезьян здесь, как и в Хотане, увязываются с буддийскими преданиями»[83].

Рельефное изображение птицы с распущенным хвостом и расправленными крыльями и повернутой в сторону головой украшало керамическую крышку сосуда, найденную в завале у западной стены двора комплекса А[84]. Аналогичные фигурки птиц венчают также верхние части ручек от красноангобированного сосуда, найденных в надпольном слое пещеры 1 комплекса В[85]. В Средней Азии с глубокой древности некоторые птицы считались священными. Петух, павлин и фазан относились к «солнечным» птицам и связывались с идеей плодородия[86]. В Хорезме известны женские статуарные оссуарии с изображением голубя — символа и спутника Ардвисуры Анахиты, олицетворявшей плодородие земли и вод Амударьи[87]. Можно предположить, что и птицы на сосудах Кара-тепе имели какое-то отношение к культу плодородия.

Несколько изображений животных в находках на Кара-тепе пока не поддаются определению и не могут быть интерпретированы даже предположительно. В пещерном коридоре комплекса Б в завале была найдена ручка сосуда, украшенная неясным изображением какого-то животного[88]. Фрагмент сосуда с оттиском штампа, воспроизводящего голову животного, обнаружен в пещере 1 комплекса В[89]. Характер передачи волос, глаз и выпуклой нижней части морды напоминает изображение обезьяны.

---

[80] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 45, табл. XVIIб.

[81] Там же, с. 45, табл. XVIIа.

[82] Там же.

[83] Там же, с. 61.

[84] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 19, рис. 8Б.

[85] Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе, с. 118, рис. 52, ил. 22.

[86] Г. Григорьев. Тус-тупи.— «Искусство». 1937, № 1, с. 21—22.

[87] Ю. А. Раппопорт. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971, с. 82, 94; он же. Хорезмийские астоданы (к истории религии Хорезма).— СЭ. 1962, № 4, с. 77—79.

[88] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 20, рис. 7А.

[89] «Кара-тепе IV», ил. 21, 6.

Отметим также как относящиеся к группе зооморфных изображений часть головы животного типа антилопы в живописи пещеры 1 комплекса В, созданной в период активной жизни Кара-тепе[90], и рисунки-граффити — хищника, нападающего сзади на козла (или, быть может, лошадь), и отдельно стоящей лошади, зафиксированные на стенах пещерного коридора комплекса Б и датируемые временем «угасания древнего монастыря»[91]. В 1937 г. на стенах комплекса Б, по свидетельству Е. Г. Пчелиной, изображений лошадей было значительно больше. Е. Г. Пчелина же предложила интерпретировать по крайней мере некоторые из них в духе буддийской символики, согласно которой «неоседланная лошадь означала отказ от благ жизни и уход в нищие»[92].

Из растительных мотивов на Кара-тепе встречаются отдельные или включенные в орнаментальные композиции изображения цветов, чаще всего лотосов, плодов граната, листьев, многолепестковых розеток и пальметт.

Распустившийся цветок лотоса украшает небольшие керамические или каменные крышки культовых коробочек или реликвариев, найденные на Кара-тепе. Всего было обнаружено 13 (дошедших до нас целиком или фрагментарно) таких крышек: 6 — в свалке к югу от двора, 1 — во дворе и 1 — в пещерном коридоре комплекса А[93], 1 — в центральном святилище, 3 — в пещерной келье и 1 — во дворе комплекса Б[94].

Контурный рисунок лотоса черной краской нанесен на поверхность каменного блока порога, ведущего в центральное помещение наземной постройки комплекса А[95]. Как стилизованное изображение лепестков лотоса, характерное для постаментов буддийских статуй в средневековых росписях Центральной Азии, определила Т. В. Грек остатки полихромной живописи на каменном блоке из двора комплекса Б[96]. Цветок лотоса, выполненный черной тушью, зафиксирован на фрагменте керамического сосуда[97]. Встречается лотос с сильно заостренными ле-

---

[90] Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг., с. 31—34.

[91] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22, рис. 5А и Д.

[92] Е. Г. Пчелина. Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе.— «Кара-тепе I», с. 95.

[93] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 36, рис. 29; он же. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 43.

[94] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 36, рис. 29; он же. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 43, ил. XV; он же. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 76.

[95] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 13, 32, рис. 14.

[96] См.: Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 40—41, рис. 16.

[97] «Кара-тепе III», табл. XIX.

пестками — так он трактуется в керамике, украшенной лощением [98]. Во дворе комплекса Б был найден кусок «лотосовидной» каменной капители [99], а на стене коридора комплекса Б — процарапанный схематичный рисунок лотоса [100].

По аналогии с декором постаментов древнебуддийской скульптуры Б. Я. Ставиский считает, что функцию лотоса выполняли и четырехлепестковые розетки, скомпонованные с вьющимся стеблем на каменных рельефах, четыре фрагмента которых были подняты с пола пещерных коридоров комплекса Б [101]. Возможно, что такую же функцию выполняли аналогичные, но многолепестковые розетки, оттиснутые штампом на керамике [102].

Лотос — популярный мотив с глубокой древности у разных народов. Семантика его была чрезвычайно многообразной. Он служил солярным символом, поскольку еще в древности была подмечена зависимость состояния этого цветка от положения солнца на небе. Лотос был символом воды и плодородия, с незапамятных времен олицетворял чистоту, добро, свет и любовь [103]. С распространением буддизма значение этого образа в Индии было переосмыслено. Лотос стал означать Чудо рождения Будды — одно из главных и величайших чудес, а в форме двенадцатилепесткового цветка — состояние нирваны [104].

Кроме лотоса в материалах Кара-тепе встречаются изображения и других цветов. Прежде всего — это мелкие цветочки с округлыми лепестками, оттиснутые штампом на керамической посуде [105]. На стене коридора комплекса Б зафиксирована орнаментальная роспись с четырехлепестковыми розетками [106], здесь же сохранился процарапанный рисунок двух цветков с переплетающимися стеблями [107], а в пещере 4 комплекса В — остатки сложного растительного орнамента с черной розеткой и красными полосками [108], о значении которых трудно сказать что-нибудь определенное.

Цветы держат в руках персонажи, изображенные на упо-

---

[98] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 41, рис. 35; Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе, с. 92, рис. 37, 6.

[99] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 74.

[100] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22, рис. 5В.

[101] «Кара-тепе II», с. 170, рис. 26.

[102] «Кара-тепе I», рис. 31; «Кара-тепе IV», ил. 21.

[103] Н. А. Померанцева. Поэтика лотоса в древнем Египте.— «Сообщения ГМИНВ». Вып. 9. М., 1977.

[104] Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 84.

[105] Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе, рис. 36, 5.

[106] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 18, рис. 21.

[107] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., с. 22, рис. 5 Г.

[108] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 22, 27, рис. 20.

минавшихся рельефах с аркадой и на капители декоративного пилястра. Они плохо сохранились, но общими очертаниями напоминают трилистник или букет из трех бутонов, который хорошо виден на скульптурном пилястре из Шоторака с изображением стоящей мужской фигуры [109].

В восточном коридоре пещерного комплекса Б на стене были открыты фрагменты первого, самого раннего слоя росписи, который перекрывался более поздними слоями штукатурки и росписи. Судя по этим фрагментам, первоначальная роспись представляла собой растительный орнамент, составленный из изображений побегов и плодов граната [110]. Семантика этого узора, как нам кажется, совершенно ясна — гранат у разных народов и в разные времена всегда символизировал плодородие.

Отметим также, что в святилище, расположенном между комплексами А и Б, обнаружены следы живописи. Здесь предположительно стены были украшены гирляндами из цветов и листьев [111]. Изображение стебля, обвитого побегами с мелкими цветами, представляло собой какое-то скульптурное украшение из ганча, найденное на полу во дворе комплекса Б [112].

Листья, чаще всего аканфа, встречаются на Кара-тепе почти исключительно на каменных рельефах. Помимо обломка капители, украшенной листвой аканфа, из кельи и нескольких фрагментов аканфовых листьев из наземных сооружений комплекса А, раскопанных еще в 1937 г.[113], два куска рельефа были извлечены из свалки к югу от комплекса А [114], четыре — из напольного слоя пещерных сооружений [115] и восемь — из завала во дворе комплекса Б [116]. Кроме того, листья аканфа встречены на упоминавшейся капители декоративного каменного пилястра и на обломке другой капители из комплекса Б [117], на двух кусках рельефа с аркадой [118] и на одном с изображением льва [119]. Б. Я. Ставиский видит изображение аканфа и на

---

[109] J. Auboyer. Afghanistan und seine Kunst, табл. 50.

[110] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 18, рис. 21.

[111] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 82—83.

[112] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 37, рис. 13.

[113] Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 88, 90, 94, рис. 39Б.

[114] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 25, рис. 26.

[115] Там же, с. 25; Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 171.

[116] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 35, табл. XI—XII.

[117] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 158—160, рис. 38А и 39; Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг., с. 18, рис. 5.

[118] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 147—148, рис. 33, 34, 36.

[119] Там же, с. 149, рис. 31, 32.

части капители из комплекса Б [120], которое, на наш взгляд, больше походит на своеобразную пальметту. Отличную от аканфа форму имеют также удлиненные с подчеркнутой центральной прожилкой листья на фрагменте рельефа с изображением сидящего Будды из двора комплекса Б [121], там же найденный отдельный лист [122] и листья ветки, украшающей голову мужчины на рисунке-граффити в пещере 4 комплекса В [123].

Мотив аканфа был широко распространен в греко-римском мире, откуда и пришел в Бактрию [124], став вообще излюбленным, по-видимому, чисто декоративным элементом архитектурного орнамента Средней Азии III в. до н. э.— III в. н. э.[125].

В отличие от листвы аканфа ветка с листьями, венчающая голову персонажа на рисунке-граффити в пещере 4 комплекса В, имеет несомненное отношение к местным небуддийским религиозным представлениям. В сюжете росписи одного из храмов Пенджикента, в которой Б. Я. Ставиский нашел аналогию каратепинскому рисунку, некоторые видят передачу сцены празднования воскресающих сил природы, другие — отражение манихейских воззрений или почитания умерших предков [126].

Для полноты картины необходимо также напомнить, что к растительным мотивам относятся нечеткие изображения трех деревьев во фрагменте живописи с Буддой и монахами из двора комплекса Б [127].

Группа геометрических мотивов включает как отдельные, изолированные фигуры, так и элементы орнаментальных композиций: треугольник, ромб, квадрат, круг (в том числе и сильно стилизованные розетки, примыкающие к изображениям цветов), овал, зигзаг и полуовал. Значение каждой такой фигуры во многом зависит от того контекста, в котором она встречается, от ее сочетания или взаимного расположения с другими элементами. Некоторые мотивы можно считать образовавшимися соединением нескольких простейших фигур: ромб — из двух треугольников, квадрат — из четырех треугольников, полуовал — из половинок квадрата и круга. Поэтому значение этих фигур мы рассмотрим в рамках семантических групп после

[120] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 24, 35, табл. X.
[121] Б. Я. Ставиский. Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., с. 74, рис. 21а.
[122] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 35, табл. XI.
[123] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 33—34, рис. 23А.
[124] Г. А. Пугаченкова. Акант в архитектуре Средней Азии.— «Труды АН ТаджССР». Т. 120, 1960, с. 169—180.
[125] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Таш., 1961, с. 47—50.
[126] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 33—34.
[127] Б. Я. Ставиский. К югу от Железных ворот, табл. 47.

сводки встречаемости на Кара-тепе всех геометрических мотивов.

Квадрат лежит в основе почти всех орнаментальных росписей, найденных на Кара-тепе. Декоративная полоса на стене пещерного коридора комплекса А представляет собой сетку квадратов, некоторые из которых были закрашены, образуя, по-видимому, узор из ломаных и зигзагообразных линий [128]. Сходный орнамент был обнаружен на стенах большой ниши западного айвана двора комплекса Б [129]. В росписях, сохранившихся в северо-восточном углу пещерных сооружений комплекса Б, в квадраты аналогичной сетки были вписаны четырехлепестковые розетки [130], а в пещере 4 комплекса В — так называемые «бантики» [131]. Группы из пяти квадратиков составляли трехступенчатые горки, окаймляющие сверху панель в наземном помещении к востоку от святилища между дворами комплексов А и Б [132]. Узором из синих и золотых квадратов, чередующихся в шахматном порядке, украшена тонкая колонна какого-то архитектурного сооружения, кусок которой найден в восточной части двора комплекса Б [133].

Фигуры равнобедренных треугольников составляют зубчатое обрамление упомянутых орнаментальных полос из комплексов А, В и северо-восточного угла пещерных сооружений комплекса Б, а также росписи на западной стене кельи последнего комплекса [134]. Треугольными зубчиками оформлены, кроме того, арки на кусках каменных рельефов с изображениями людей из комплекса Б [135].

Треугольники образуются диагональными цепочками закрашенных квадратиков и сторонами орнаментальных полос в росписях комплекса А, обходных коридоров и ниши западного айвана комплекса Б и пересечением наклонных, вертикальных и горизонтальных линий в узоре на северной и восточной стенах кельи комплекса Б [136]. Возможно, такую же фигуру образовывали наклонные и вертикальные линии в верхней части росписи стенки ниши в том же комплексе.

---

[128] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 16, рис. 21.

[129] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 32, рис. 11.

[130] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 18, рис. 21.

[131] Там же, с. 28, рис. 21.

[132] Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг., с. 19.

[133] Там же, с. 18.

[134] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 32, рис. 21.

[135] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 147—148, рис. 34—36.

[136] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 32, рис. 12.

Ромбическая сетка представляет собой основной мотив росписи западной стены кельи комплекса Б и элемент орнамента на северной стене того же помещения [137]. Следы узора в виде ромбов сохранялись на гладкой полосе, разделяющей верхнюю и нижнюю части рельефа с изображением слона, о котором говорилось выше [138].

Кроме того, ромб часто встречается на керамике. Крупные ромбы оттискивались штампом на сосуде в один ряд с большими интервалами. Иногда в ромбах крупной выпуклой точкой-перлом выделялся центр, иногда внутри него помещалось несколько точек-перлов [139]. Мелкие ромбы, исполненные штампом, украшали сосуд, опоясывая его несколькими рядами. Распространенным узором на керамике была ромбическая сетка, образованная перекрещивающимися тонкими линиями лощения [140].

Очертания круга имеют различные элементы украшения на керамике Кара-тепе. Пересекающиеся друг с другом и образующие клубок сложных переплетений круги выполнялись на сосудах лощением [141]. Круги, оттиснутые с помощью штампа, обычно в верхней части сосуда, внутри разделены на секторы радиально расходящимися из центра лучами, образуя таким образом розетку [142]. Между лучами иногда располагались крупные перлы. Разновидностью розетки является так называемый «вихревой знак» [143]. В северо-восточном углу обходного коридора комплекса А отмечено нанесенное красной краской на побелку стены изображение колеса [144].

В серии штампованных орнаментов на посуде несколько раз встречены овалы. Очерченное овалом пространство оформлялось по-разному. В некоторых случаях оно разбито на три части горизонтальными линиями: в нижней части располагаются четыре вертикальные черты, в средней — три точки-перла, а в верхней — одна точка-перл [145]. Редкая разновидность овала — фигура с крупной точкой-перлом в нижней части и отходящим от нее узором, напоминающим схематическое изображение дерева [146].

Полуовал, ограниченный снизу прямой линией, внутри заполняется многочисленными беспорядочно расположенными ямками [147].

---

[137] Там же.

[138] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 148.

[139] «Кара-тепе I», рис. 31Б.

[140] Там же, рис. 35; «Кара-тепе IV», ил. 20.

[141] «Кара-тепе I», рис. 31А.

[142] «Кара-тепе IV», ил. 21. [143] Там же.

[144] Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 92.

[145] «Кара-тепе II», рис. 7Б.

[146] Фрагменты сосуда, хранящиеся в ГМИНВ под шифром $\frac{\text{КТ-65}}{\text{II К-24}}$; $\frac{\text{КТ-65}}{\text{II К-42}}$.

[147] «Кара-тепе IV», ил. 21.

Отметим также прием украшать посуду волнистой линией, которая выполняется лощением, и зафиксированную лишь однажды свастику, прочерченную на керамическом черепке [148].

Геометрические мотивы, как правило, не связаны с буддийской символикой. Исключение составляют изображения колеса и примыкающие к нему некоторые разновидности многолучевой розетки, которые являются по своим очертаниям аналогами буддийского «колеса Закона», символизирующего первую проповедь Будды и само учение Будды в целом.

В то же время колесо — один из самых распространенных солярных символов и с точки зрения географии, и с точки зрения хронологии [149]. Так, в Индии еще в ведический период колесо символизировало движение солнца в его небесной повозке. Одновременно оно выражало представления о диалектике бытия. Центр колеса — безразмерная точка, обод — неизмеримая окружность, его внутреннее пространство заключает в себе добро и зло, жизнь и смерть, свет и тьму и т. д. Цикл жизни заключается в движении из глубины, из центра к вечно удаляющемуся ободу и возвращение к неизменному центру. В буддизме этот символ получил название «Дхармачакра» — «Мировое колесо», «колесо Закона», которое, придя в движение, поможет людям найти истинный путь.

Изображение колеса, по-видимому, генетически связано с крестом, очертания которого имитировали древнейшие орудия для добывания огня и стали сначала его эмблемой, а потом и символом солнца как огня небесного [150]. К солярным символам относятся также свастика и «вихревой знак». Такое понимание этих знаков давно является общепризнанным [151].

Близка по очертаниям к колесу многолепестковая розетка, которая также у многих народов Востока служила солярным знаком. С другой стороны, она ассоциировалась и с изображением цветка. В ней как бы синтезирована идея о связи растительного мира с теплом и светом солнечных лучей [152].

Почитание небесных светил, поклонение им в Средней Азии, как и везде, занимало важное место в жизни людей с глубокой древности. Уже среди первых наскальных рисунков, оставленных рукой человека, можно разглядеть колеса, круги, сва-

---

[148] «Кара-тепе III», табл. XIX.

[149] См., например: В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси.— СА. 1960, № 4; Э. В. Шавкунов. О семантике тамгообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища.— СЭ. 1972, № 3; Г. Е. Афанасьев. Дохристианские религиозные воззрения алан.— СЭ. 1976, № 1.

[150] И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении.— КСИА. Т. 91, 1962; В. П. Даркевич. Символы небесных светил; И. К. Свешников. О символике вещей Михалковских кладов.— СА. 1968, № 1.

[151] В. П. Даркевич. Символы небесных светил, с. 59—60.

[152] Там же.

стики и кресты, употреблявшиеся как знаки солнца. Достаточно широко солнечные культы были распространены в Хорезме и в низовьях Сырдарьи. В основе планировки погребений, открытых здесь, лежат круг и крест [153]. Об этом же свидетельствует орнамент на керамике этих районов позднекангюйского и раннекушанского времени [154].

Кроме солярных символов в Кара-тепе имеются мотивы, передающие идею плодородия. Таково, на наш взгляд, значение полуовала, заполненного внутри ямками. Очертания полуовала могут восходить к графической схеме мироздания — купол неба и плоскость земли, изображенные как бы в вертикальном разрезе. Ямки, возможно, означают капли дождя или имитируют отпечатки зерен, которые, как и дождь, передают идею плодородия, связанного с актом оплодотворения земли небом. Значение аналогичных изображений зерен как символа плодородия более очевидно на культовых женских статуэтках раннеземледельческих племен, например в Юго-Восточной Европе [155]. Поэтому связь «зернистого» узора с культом плодородия представляется нам несомненной.

К символам плодородия относятся, видимо, также полуовал с тремя точками-перлами внутри и овал, разделенный на три части, в двух из которых помещены перлы, а в одной — вертикальные линии, символизировавшие дождь или влагу вообще. По-иному выражена та же идея овалом с крупной точкой-перлом, из которой как бы вырастает дерево (или колос), переданное в виде вертикального ствола и отходящих от него под прямым углом веточек. Растение, пробивающееся из зерна, служит здесь символом потенциальной жизненной силы. Возможно, разновидностью этого знака является стилизованная пальметта, также встречающаяся на керамике Кара-тепе. Подобная трактовка изображений, передающих идею плодородия, находит аналогии в искусстве ранних земледельцев [156].

К культу плодородия, кроме того, вероятно, имеют отношение разнообразные мотивы в виде треугольника и ромбов. Треугольник, обращенный вершиной вниз, у древних земледельцев являлся ктеическим символом, а обращенный вершиной вверх — символом мужского начала [157]. Соединенные вместе, они давали начало новой жизни. Треугольники, соприкасающиеся вершинами, образуют фигуру так называемого «бантика», основного мо-

[153] Ю. А. Раппопорт. Хорезмийские астоданы, с. 79, рис. 7.
[154] Там же, с. 78, рис. 6.
[155] С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен юго-восточной Европы.— «Советская археология». Вып. 15. М.—Л., 1951.
[156] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА. 1961, № 1, 2.
[157] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 42, рис. 8, с. 43; А. А. Серкина. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., 1973, с. 29—31.

тива росписи в пещере 4 комплекса В Кара-тепе. Если же они имели общее основание, то получался ромб. Некоторые исследователи трактуют ромб как символ женского начала [158], другие — как солярный знак [159]. С земледельческим культом плодородия связаны также волнистый и «струйчатый» узоры, наносившиеся на керамику Кара-тепе лощением. Они олицетворяли потоки животворной влаги [160].

Раскрытая на основе далеких географически и хронологически аналогий, семантика геометрических мотивов на Кара-тепе, на наш взгляд, указывает на генетическую связь их с примитивными культами земледельцев, но оставляет открытым вопрос о том, сохранили ли эти мотивы свое значение вплоть до кушанского времени, или они превратились в чисто декоративные элементы.

Нам кажется, есть основания полагать, что часть геометрических мотивов действительно утратила свое культовое, магическое значение, превратившись в традиционный декоративный прием, в то время как другая часть продолжала выступать в качестве значащих символов.

Первое относится прежде всего к геометрическим фигурам в настенных росписях Кара-тепе. Знак, сохраняющий свою магическую семантику, предполагает непременное его выделение среди прочих фигур с помощью цвета, размеров, композиционных или иных приемов. В росписях же Кара-тепе треугольники, ромбы и прочие мотивы, многократно повторяясь в определенном последовательном ритме, включены в симметричные композиции «коврового» характера, в которых все элементы равнозначны настолько, что зачастую, например в живописи на стенах кельи комплекса Б, вычленение отдельных мотивов представляет определенные трудности. Кроме того, орнаментальные росписи, или по крайней мере некоторые из них, как, например, в нише западного айвана комплекса Б, служили фоном для буддийских культовых скульптур, ярко и ясно выраженная семантика которых в любом случае контрастировала с абстрактной декоративностью орнамента, полностью «подавляя» его смысловое содержание, если таковое даже и сохранялось.

Иначе дело обстояло с геометрическими знаками, наносившимися на керамику с помощью штампа. Во-первых, отметим, что штамп на керамике Кара-тепе встречается сравнительно редко. Среди нескольких тысяч керамических черепков (включая невыразительные фрагменты стенок сосудов) находки штам-

---

[158] А. К. Амброз. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками).— СА. 1965, № 3; А. А. Серкина. Опыт дешифровки, с. 47.

[159] С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, с. 442.

[160] В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы, с. 40; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА. 1961, № 1, с. 39—41.

па исчисляются всего лишь десятками. Это вряд ли можно объяснить технологической сложностью приема украшения, поскольку не менее трудоемкая техника лощения встречается гораздо чаще. По-видимому, штамп имел особое значение. Такое предположение подкрепляется еще и тем, что с эстетической точки зрения формы и узоры штампов, как правило, весьма выразительны. Зачастую они не очень органично сочетаются с достаточно отточенными формами сосудов. Это склоняет нас к выводу о том, что они в определенной мере сохраняли свое значение в качестве символов земледельческих культов.

Еще одной, наименее многочисленной группой художественных мотивов на Кара-тепе являются изображения архитектурных сооружений. В пещерной келье комплекса Б найдены фрагментированные миниатюрные зонтики-чатра из мергелистого известняка и другие обломки от скульптурной модели буддийской ступы [161]. Видимо, такую же модель венчал маленький зонтик, изготовленный из ганча, который был найден в центральном святилище комплекса Б [162]. К архитектурным формам относятся также оформленные зубчатым обрамлением арки на упоминавшихся фрагментах рельефов с буддийскими персонажами и три обломка скульптурного изображения решетчатого парапета с трехступенчатыми зубцами наверху из комплекса Б [163]. На стенах так называемой пещеры 2 в южной части холма Кара-тепе зафиксированы два рисунка-граффити буддийских ступ. Изображение составлено из трех прямоугольников, образующих уступчатую пирамиду, которая поддерживает полусферу, увенчанную высоким шпилем с развевающимися полотнищами (?) [164].

На стене пещерного комплекса Б процарапано изображение какого-то архитектурного сооружения иного типа. В основании лежит прямоугольник с вписанными в него тремя треугольниками, обращенными вершинами вверх. На нем покоится вытянутый по вертикали овал неправильной формы. Все сооружение окружают четыре колонны: две на заднем плане, две, опирающиеся на узкий прямоугольник,— на переднем плане. Стволы колонн покрыты сетчатым рисунком [165]. Возможно, что кусок тонкой колонки, найденный в комплексе Б [166], является со-

[161] Б. Я. Ставиский. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., с. 41—42, табл. XIV.

[162] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., с. 36, рис. 30.

[163] Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов, с. 147—148, рис. 34—36.

[164] Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 84; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение.— «Труды УзФАН СССР». Серия I (история, археология). Вып. 2, 1940, с. 82, рис. 58, с. 83, рис. 59, с. 78 (у М. Е. Массона пещера обозначена № I).

[165] Е. Г. Пчелина. Начало работ, с. 95, рис. 22.

[166] В. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг., с. 19.

хранившейся частью модели архитектурного сооружения такого же типа. Это сооружение, по-видимому, как и все другие архитектурные мотивы, имеет отношение к буддийскому характеру каратепинского комплекса.

Все встречающиеся на Кара-тепе изобразительные и декоративные мотивы разделяются на две большие группы, входящие в две разные художественные системы [167]. Первая из них непосредственно связана с культовым значением каратепинского комплекса. В нее входят все художественные приемы, с помощью которых буддийский центр оказывал идеологическое и эмоциональное воздействие на своих служителей, обитателей и посетителей. Причем в тематической живописи и скульптуре с их ярко выраженным смысловым значением преобладающей была функция передачи идей буддизма, т. е. идеологическая. В орнаментальной же росписи доминировал фактор эмоционального воздействия, основанный на их декоративном характере. Внутри этой системы местные, более древние, чем буддизм, культы если и нашли какое-то отражение, то были до такой степени переработаны, что, сохраняя свое влияние на особенности художественной трактовки различных мотивов, в содержательном отношении превратились в органическую часть буддизма.

Ко второй системе относятся художественные мотивы, встречающиеся на керамике, которая в известном смысле не связана непосредственно с каратепинским культовым комплексом. Она создавалась за его пределами и зачастую предназначалась для использования вне его пределов. Мастера-гончары принадлежали к совершенно иному социальному слою, нежели верхушка кушанского общества, покровительствовавшая буддизму, и те лица, которые создавали живописное и скульптурное убранство буддийских храмов. Это, как мы видели, сказалось на семантике тех узоров, которыми украшалась керамика. Среди них преобладали мотивы, связанные с восходящими к глубокой древности земледельческими культами, что свидетельствует об их распространении в среде местных ремесленников, скорее всего среди простого населения. Встречающиеся в керамике отдельные мотивы буддийского круга говорят о проникновении в эту среду идей буддизма, который сосуществовал с местными культами плодородия, богини-матери, культом домашнего очага и другими религиозными воззрениями [168].

---

[167] Мы не включаем в эту группу рисунки-граффити, более позднее происхождение которых не позволяет рассматривать их в качестве элементов определенной системы, хотя по своему значению, как отмечалось выше, часть из них относится к буддийскому кругу, а другая часть отражает местные культы.

[168] Г. А. Пугаченкова. О культах Бактрии в свете археологии. — ВДИ. 1974, № 3, с. 129; Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 173—209.

Э. Н. Агеева, Г. Е. Белозерова

ИЗВЕСТНЯКИ В ПАМЯТНИКАХ ТЕРМЕЗА И ЕГО ОКРУГИ КУШАНСКОГО ПЕРИОДА

Проводимые за последние десятилетия в районе Термеза раскопки дали в руки археологов богатейший материал, среди которого видное место занимают находки из камня. Это — каменные рельефы с изображением божеств, людей, животных, зонтики-чатра, базы и капители колонн и пилястр и пр.[1]. Выполнены они все из белого камня, который при описании находок обычно определяется как мергелистый известняк.

Это название прочно закрепилось за ним с 1933 г.— со времени публикации находки первого из известных айртамских каменных рельефов. Тогда по чисто внешним, физическим признакам камень был охарактеризован геологом Н. Л. Николаевым как мергелистый известняк, т. е. известняк со значительной примесью глины[2].

Общеизвестно, что эта разновидность камня никогда не используется в скульптуре и архитектуре из-за низких физико-механических свойств — малой прочности, высокой водонасыщаемости, сильной размокаемости. Поэтому и вызывало удивление описание рельефов после поднятия их со дна Амударьи. Мергелистый известняк характеризовался как «материал, позволивший воспроизвести тонкую скульптурную работу и с успехом противостоящий разрушительному действию многих веков»[3].

Хорошая физическая сохранность находок из камня на Кара-тепе и других археологических памятников в районе Термеза также наводила на мысль об ошибочности классификации камня и необходимости ее проверки. Уточнение состава породы

[1] См.: Б. Я. Ставиский. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961—1964 гг.— «Кара-тепе II», с. 139—173; Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— Из истории античной культуры Узбекистана. Таш., 1973, с. 85—94; Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 234—236, 243—244, 251.

[2] Н. Л. Николаев. К находке фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры.— М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Таш., 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 1), с. 16.

[3] М. Е. Массон. Находка фрагмента, с. 15.

необходимо было и в чисто реставрационных целях. Так, при извлечении в процессе раскопок фрагментов с остатками красочного слоя, отстающего от основы из-за выступающих и кристаллизующихся на поверхности солей, вставал вопрос об обессоливании. Выбор же того или иного способа вывода солей (погружение камня в воду, наложение кумулирующих компрессов и др.) находится в прямой зависимости от физико-механических характеристик известняка, определяемых его химическим составом.

При определении вещественного состава породы был проведен петрографический анализ и проанализирован минералогический состав нерастворимого остатка. Последний анализ является основным при проведении классификации карбонатно-глинистых пород. В случае, если нерастворимый остаток представлен глиной и составляет 25—50% всей породы, породу относят к разряду мергелистых известняков [4].

Объектами исследования являлись:

1. фрагмент архитектурной детали из Кара-тепе (комплекс В, пещера 3. Находка 1975 г.);

2. раскрашенная капитель из Кара-тепе (найдена во дворе комплекса Г в 1976 г.);

3. фрагмент архитектурной детали из Фаяз-тепе (находка 1975 г.) [5];

4. известняк из месторождения на горе Орлиная сопка (иначе Ходжа Гульсуар), расположенного в 30 км от Термеза вверх по Амударье [6].

Для петрографического анализа изготовлялись прозрачные шлифы камня. Микроскопическое исследование проводилось на микроскопе МИН-8 в проходящем свете.

Петрографический анализ показал, что во всех образцах порода мономинеральна и представлена кальцитом ($CaCO_3$). По происхождению известняк относится к органогенной группе, а точнее, к ее разновидности — органогенно-сгустковой. Основная масса (80—90%) сложена органическими остатками, неопределимым детритом и сгустками микрозернистого карбоната. Наряду с сильно измененными органическими остатками и неопределимым детритом в породе содержатся органические остатки, сохранившие более или менее четко свое строение и фор-

---

[4] См.: М. С. Швецов. Петрография осадочных пород. М., 1948, с. 313, 345; Н. М. Страхов (отв. ред.). Методы изучения осадочных пород. Т. 2. М., 1957, с. 285—286.

[5] Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Л. И. Альбаума, руководителя раскопок Фаяз-тепе, любезно предоставившего для изучения образцы своих находок из камня.

[6] Об этом месторождении и его разработке в кушанское время см.: М. Е. Массон. Находка фрагмента, с. 10—15; Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, с. 85. Образцы для исследования собраны на Орлиной сопке сотрудниками экспедиции на Кара-тепе в 1975 г.

му. Среди них можно отметить фораминиферы, обломки иглокожих, створки остракод.

Связующей (цементирующей) массой является микрозернистый кальцит, местами перекристаллизованный до тонко- и мелкозернистого (размер зерна 0,1—0,2 мм). 1—5% породы представлено зернами карбоната несколько большего размера, чем в связующей (цементирующей) массе, имеющими ромбоэдрическую или близкую к ней форму.

Порода довольно пористая. Поры отмечаются как в связующей массе, так и в отдельных органических остатках.

Текстура беспорядочная. Предположительно известняки относятся к Юрскому периоду. Порода в образцах из памятников (образцы 1, 2, 3) более перекристаллизована по сравнению с образцом из месторождения.

Нерастворимый остаток составляет не более 2% во всех исследуемых образцах и, как показало микроскопическое исследование, представлен в основном мелкими редкими зернами кварца, полевых шпатов, покрытых пленками гидроокислов железа бурого цвета, и единичными чешуйками глины.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Изученный известняк однороден по минеральному составу и представлен кальцитом ($CaCO_3$).

Примесь глины незначительна (менее 1%), что не дает основания относить породу к разряду мергелистых известняков.

2. В Кара-тепе, Фаяз-тепе древними зодчими и скульпторами использовался местный известняк, о чем свидетельствует сходство минерального состава, комплекса фауны и текстуры пород камня из памятников и из месторождения на Орлиной сопке.

Незначительное различие в структуре (известняки из памятников более перекристаллизованы) объяснимо отбором камня из разных прослоек этого месторождения.

В. Я. Бирштейн

ИДЕНТИФИКАЦИЯ МИНЕРАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ГРУНТОВ И ПИГМЕНТОВ РОСПИСЕЙ КАРА-ТЕПЕ И ДРУГИХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ПОМОЩЬЮ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Ранее нами было начато изучение технологии среднеазиатских росписей [1]. Проведенные исследования позволили утверждать, что многие росписи I в. до н. э.— XIX в. н. э. выполнены клеевыми красками, замешанными на растворах камедей. Исключение составляла лишь живопись Мансур-депе (II—I вв. до н. э.), где в качестве связующего применялась желатина. Аналогичные связующие обнаружены и в грунтах. Однако для заключений о сходстве или различии технологии росписей разных памятников необходимы также данные о составе неорганических компонентов пигментов и грунтов. Для анализа пигментов росписей, найденных при археологических раскопках, в последние годы стали широко использоваться такие физико-химические методы, как рентгеноструктурный анализ и инфракрасная (ИК) спектроскопия [2].

Оба метода позволяют определить качественный и количественный минеральный состав пигментов и грунтов [3]. Хотя первый обладает в ряде случаев большей разрешающей способностью,

---

[1] V. J. Birstein. On the Technology of Central Asian Wall Paintings: the Problem of Binding Media.— «Studies in Conservation». Vol. 20. L., 1975, с. 8—19; он же. К вопросу о технике росписей Кара-тепе и других памятников Средней Азии — проблема изучения связующего красок и грунта.— «Кара-тепе IV», с. 149—163; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Исследование и идентификация полисахаридов, выделенных из археологических образцов.— «Химия природных соединений». Таш., 1976, № 1, с. 15—19; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, А. В. Троицкий. Исследование органических компонентов древних стенных росписей Средней Азии и Крыма.— «Вестник МГУ». Биология и почвоведение. 1976, № 3, с. 33—38.

[2] J. Riederer. Recently Identified Egyptian Pigments.— «Archaeometry». Vol. 16. Ox., 1974, с. 102—109; S. E. Filippakis, B. Perdikatsis, T. Paradellis. An Analysis of Blue Pigments from Greek Bronze Age.— «Studies in Conservation». Vol. 21. L., 1976, с. 143—153; Л. П. Вязьменская, А. И. Косолапов. Изучение технологических особенностей настенной живописи.— РИХМХЦ. 1977, вып. 1, с. 4—10.

[3] В. Я. Бирштейн. ИК-спектроскопия пигментов.— Ю. И. Гренберг. Методы анализа и проблемы идентификации пигментов (обзорная информация). М., 1975, с. 22—34.

второй дает возможность быстро идентифицировать минеральные составы материалов живописи и сравнить их; кроме того, наиболее успешно ИК-спектроскопия может применяться для изучения пигментов, в состав которых входят глинистые минералы, в частности для анализа охр. Поэтому в настоящей работе ИК-спектроскопия была выбрана для исследования и сравнения минерального состава грунтов и пигментов монументальных росписей Кара-тепе и других памятников Средней Азии. В ряде случаев полученные результаты подтверждались данными рентгеноструктурного анализа. Вкратце часть экспериментов была описана ранее [4].

Методы

ИК-спектроскопические измерения проводили на приборе «Perkin-Elmer 257» (4000—625 $см^{-1}$). Тонкорастертые образцы смешивали с бромистым калием и запрессовывали в таблетки под вакуумом (1,0—2,0 мг образца на 300 мг KBr). Прибор градуировали по спектру полистирола.

Фазовый состав пигментов изучали на рентгеновском дифрактометре ДРОН-1.5 с использованием кварцевого монохроматора (излучение $CuK\alpha$). Препараты готовили осаждением водной суспензии изучаемого пигмента на стеклянную подложку.

Результаты и обсуждение

1. *Образцы грунта и белой краски*

1. Кара-тепе, II—IV вв.:

а) грунт фрагмента росписи южной стены северного коридора пещерного храма П-II. Грунт рыхлый, содержит много песка; на поперечном изломе куска ясно видна слоистость;

б) белая краска того же фрагмента, нанесенная поверх красных геометрических фигур;

в) тонкий грунт красной раскраски наземного помещения в юго-восточном углу комплекса Б;

г) грунт красной раскраски восточного коридора пещеры П-I комплекса Б;

д) грунт раскраски помещения Х-5.

2. Топрак-кала, IV в.[5]; белый плотный грунт росписи толщиной 0,8 мм.

---

[4] В. Я. Бирштейн, К. А. Асанкожоев, А. А. Кошоев, В. М. Тульчинский. Применение метода инфракрасной спектроскопии для определения минеральных компонентов среднеазиатских и причерноморских стенных росписей.— «Известия АН КиргССР». 1977, № 4, с. 56—59.

[5] М. Г. Воробьева. К вопросу техники внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала.— «Труды ХАЭЭ». Т. 1. М., 1952, с. 68—70.

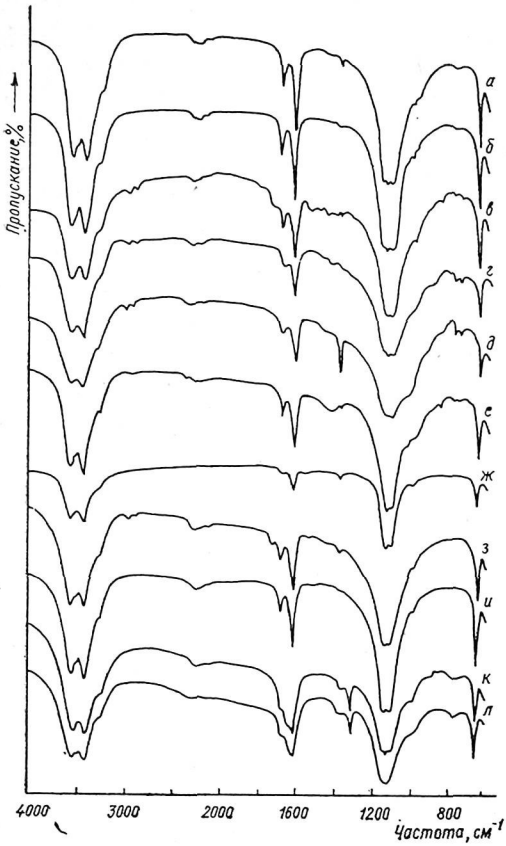

Рис. 18

3. Пенджикент, VII—VIII вв.[6]; тонкий грунт росписи.
4. Афрасиаб, VII в.[7]; плотный грунт толщиной 0,5 мм.
5. Аджина-тепе, VII в.[8]; плотный грунт толщиной 1,0 мм.
6. Тилля-кари (г. Самарканд), XVII в.[9]:
а) плотный грунт росписи («ганчевая штукатурка»);
б) белая краска деталей росписи.

ИК-спектры грунтов и белых красок приведены на рис. 18. Очевидно, что спектры образцов 1а, 1б, 3 и 5 очень похожи и

[6] А. М. Белиницкий. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973, с. 39—56.
[7] Л. И. Альбаум. Живопись Афрасиаба. Таш., 1975, с. 90—95.
[8] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа. М., 1971, с. 8, 67—76.
[9] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История изобразительного искусства Узбекистана. М., 1965, с. 260, 338.

представляют собой типичные спектры гипса (дигидрата) [10]. Эти гипсы больше напоминают уральские, чем исследованные в работе американских авторов, но не идентичны им: характерная для уральского гипса полоса поглощения при 1695 $см^{-1}$ в нашем случае смещена до 1685 $см^{-1}$. С другой стороны, в спектрах образцов 1а, 1б, 3 и 5 (а, б, ж, и) отсутствует полоса при 1415 $см^{-1}$ и наблюдаются слабые полосы при 1385 и 1005 $см^{-1}$. Следует подчеркнуть, что спектры гипсов 1а и 1б абсолютно одинаковы.

Остальные образцы — также гипсы, однако с примесью других компонентов. Так, в спектрах грунтов 1в, 1г и 1д (в—д) прослеживаются полосы валентных колебаний CH-групп при 2930—2950 и 2850 $см^{-1}$, что свидетельствует о наличии в образцах органического вещества. Полосы при 1735 и 1415 $см^{-1}$ (спектр 1в), вероятно, также указывают на присутствие органического соединения: первая — полоса валентных колебаний C=O групп неионизированных кислот, вторая — полоса колебаний диссоциированных карбоксильных ионов [11]. Скорее всего, органический компонент — камедь, которая была ранее выделена из росписи Кара-тепе [12].

Органическое вещество присутствует и в гипсе образца 4, поскольку в спектре (з) прослеживаются очень слабые полосы при 2950 и 1730 $см^{-1}$.

В образце 2 есть примесь $CaCO_3$. Об этом свидетельствует наличие в спектре (е) широкой полосы при 1435 $см^{-1}$ и полосы при 875 $см^{-1}$ [13]. Кроме того, почти во всех спектрах есть очень слабая полоса при 1380 $см^{-1}$ — по-видимому, обусловленная примесью нитратов [14].

Характер примесей в образцах 6а и 6б определить не удалось, так как отнесение наблюдаемых в спектрах (к, л) полос при 1640, 1370 и 1325 $см^{-1}$ затруднительно. Наконец, образцы 1г и 1д отличаются от других присутствием в них некоторого количества кварца, т. е. песка (дублет при 800 и 780 $см^{-1}$) [15].

[10] G. M. Hunt. M. P. Wishered, L. Banham. Infrared Absorption Spectra of Minerals and Other Inorganic Compounds.— «Analytical Chemistry». Vol. 22. Wash., 1950, с. 1478—1497; Н. Н. Осипова. Об определении минеральных компонентов почвы методом инфракрасной спектрометрии.— «Научные доклады высшей школы. Биологические науки». М., 1973, № 8, с. 116—120.

[11] J. Rosik, A. Kardošová, T. Kubala. Infrared Spectroscopy of Peach-gum Polysaccharides of Prunus persica (L.) Batch.— «Carbohydrate Research». Vol. 18. Amsterdam, 1971, с. 151—156.

[12] V. J. Birstein. On the Technology; он же. К вопросу о технике росписей; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Исследование и идентификация полисахаридов; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, А. В. Троицкий. Исследование органических компонентов.

[13] K. Huang, P. F. Kerr. Infrared Study of Carbonate Minerals.— «American Mineralogist». Vol. 45. Wash., 1960, с. 311—324.

[14] Н. Н. Осипова. Об определении минеральных компонентов.

[15] И. И. Плюснина. Инфракрасные спектры силикатов. М., 1967, с. 91—124.

Результаты проведенных исследований позволяют заключить, что в большинстве изученных памятников Средней Азии грунт росписей был приготовлен из гипса (дигидрата). К такому же выводу приходили и другие авторы, анализировавшие химические грунты настенной живописи Пенджикента [16], Аджина-тепе [17] и раскраски скульптур из Халчаяна, I—III вв.[18]. Правда, интерпретировать однозначно литературные данные о грунте в Аджина-тепе трудно, поскольку в одной из работ упоминается как подгрунтовка из песка и $CaCO_3$, так и гипсовый грунт [19]. К сожалению, в большинстве перечисленных исследований не описана методика проведенных экспериментов, поэтому нельзя сказать, насколько достоверны сделанные выводы. Смешанный грунт из гипса и мела найден и в шахристанских росписях VII—VIII вв.[20].

Технологию среднеазиатских росписей II в. до н. э.— VIII в. н. э., по-видимому, в общих чертах можно сопоставлять с технологией индийской настенной живописи [21], однако следует отметить, что в Индии среди исследованных храмов только в некоторых пещерах Аджанты (II—VI вв.) обнаружен гипсовый грунт [22]. Он найден также и в ряде расписанных пещерных буддийских храмов Восточного Туркестана и Афганистана [23]. Вероятно, вполне правомочно проводить прямые параллели технологии этих росписей и изученных нами: в тех и других найдено органическое связующее красок, в обоих случаях живопись выполнена по гипсовому грунту. Из среднеазиатских памятников только Мансур-депе составляет исключение — грунт росписей в нем был приготовлен из смеси $CaCO_3$ (скорее всего мела) и желатины [24].

Необходимо подчеркнуть, что примененный для исследования метод — ИК-спектроскопия позволяет качественно сравни-

[16] И. П. Костров. Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента.— Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, с. 162—163.

[17] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа; Л. П. Вязьменская, А. И. Косолапов. Изучение технологических особенностей.

[18] Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Таш., 1966, с. 144—145; 153—154.

[19] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа.

[20] В. М. Соколовский. Материалы шахристанских росписей (дворцовый комплекс VII—VIII вв. на городище Калаи Кахкаха I, Таджикская ССР).— РИХМХЦ. 1975, вып. 4.

[21] V. J. Birstein. On the Technology; он же. К вопросу о технике росписей.

[22] O. P. Agrawal. A study of the Techniques of Indian Wall Paintings.— «Journal of Indian Museums». Vol. 25—26, 1969—1970, с. 99—119.

[23] С. М. Дудин. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерных храмах Западного Китая.— «Сборник музея антропологии и этнографии». Т. 5. Пг., 1917, с. 21—92; R. J. Gettens. The Materials in the Wall Paintings of Bamyan, Afghanistan.— «Technical Studies in the Field of Fine Arts». Vol. 6. Ox., 1937—1938, с. 185—193; он же. The Materials in the Wall Paintings of Kizil in Chinese Turkestan.— Там же, с. 132—138.

[24] V. J. Birstein. On the Technology; он же. К вопросу о технике росписей.

вать грунты. Так, очевидно, что грунты 1а, 1б, 3, 5 по составу очень близки, не содержат значительных количеств негипсовых примесей. Этим они отличаются от образцов 2 и 6, содержащих $CaCO_3$ (возможно, природная примесь данного гипса) и неидентифицированный компонент соответственно. Аналогично в гипсовом грунте скульптур Халчаяна уже была найдена примесь извести, составлявшая 20—25%[25].

Как было уже сказано, ранее из грунта образцов росписей Кара-тепе и Аджина-тепе мы выделили связующее — полисахариды. В настоящем же исследовании они не были найдены, т. е. содержание этих веществ очень невелико и они не улавливаются примененным способом. Несмотря на это, можно предполагать, что в пещерных помещениях Кара-тепе связующее добавлялось в небольших количествах к гипсу при приготовлении грунта. Грунт наносился тонкими слоями, и из 1,5—2,0 г грунта нам всегда удавалось выделять примерно 2,0—3,0 мг полисахаридов. Аналогичный вывод трудно сделать в случае образца 1в. Данный грунт очень тонок, и наличие камеди скорее следует объяснить проникновением связующего из красочного слоя. То же самое можно сказать о росписях Аджина-тепе — обнаруженные нами полисахариды, вероятно, проникали из красочного слоя. Органическую примесь в грунте росписи из Афрасиаба не удалось идентифицировать, поэтому невозможно решить, добавлялось ли связующее при приготовлении этого грунта.

2. Образцы красного пигмента

1. Песседжик-тепе, 6000 лет до н. э.[26]; пигмент красной росписи.

2. Мансур-депе, II—I вв. до н. э.[27]; пигмент красной росписи.

3. Кара-тепе, II—IV вв.:

а) красный «кубик» краски, найденный во дворе комплекса В;

б) красный пигмент росписи восточного коридора пещерного храма П-I комплекса Б;

в) красный пигмент геометрического орнамента северной стены П-I комплекса Б;

г) красный пигмент росписи входной ниши пещеры 3 комплекса Б;

---

[25] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 153—154.

[26] О. К. Бердыев. Некоторые результаты изучения древних земледельческих поселений.— «Каракумские древности». Вып. 3. Аш., 1970, с. 14—32.

[27] Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков. Монументальная живопись Мансур-депе (полевые исследования ВЦНИЛКР, 1968). — «Сообщения ВЦНИЛКР». Т. 26, 1970, с. 155—162.

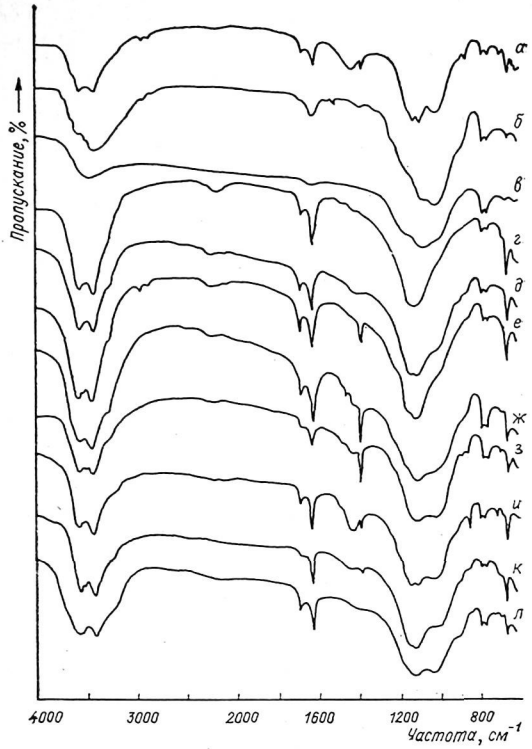

Рис. 19

д) красный пигмент росписи южной стены наземного помещения комплекса Б.

4. Фаяз-тепе, I—IV вв.[28]:

а) красный пигмент росписи храмового двора;

б) розовый пигмент росписи помещения № 8;

в) красный пигмент раскраски стены помещения № 2 («красная комната»).

5. Дальверзин-тепе, I—III вв.[29]; пигмент раскраски скульптуры.

ИК-спектры рассмотренных пигментов представлены на рис. 19. Как видно из этих данных, пигмент из Песседжик-тепе представляет собой смесь гипса (поглощение при 3550, 3400,

[28] Л. И. Альбаум. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.).— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 53—58.

[29] Г. А. Пугаченкова. Новое в изучении Дальверзин-тепе.— СА. 1971, № 4, с. 186—202.

1685, 1625, 1150, 1120 и 670 $см^{-1}$) [30], глинистого минерала типа каолинита (поглощение при 1030, плечо при 920, слабые полосы при 695 $см^{-1}$ и в области валентных колебаний ОН-группы при 3600—3700 $см^{-1}$) [31], кальцита (полосы при 1435, 875 и 715^{-1}) с примесью нитратов (полоса при 1385 $см^{-1}$) и кварца (дублет при 780 и 800 $см^{-1}$). Окраска, вероятно, обусловлена присутствием окиси железа (гематита), которая практически не обнаруживается с помощью ИК-спектроскопии.

Пигмент из Мансур-депе предварительно был очищен от кальцита, не позволяющего получить спектр самого пигмента. Для этого кальцит растворили в 0,1 н HCl, осадок отцентрифугировали и отдиализовали против воды. Полученное вещество (рис. 19б) — глинистый минерал группы каолинита: накрит или галлуазит; как и в предыдущем случае, красный цвет, по-видимому, свидетельствует о наличии в образце окиси железа.

Из анализа спектров красных пигментов росписей Кара-тепе (рис. 19в—ж) можно сделать вывод, что в образцах обнаруживается в основном гипс (описанные выше полосы поглощения), иногда с примесью кварца и глинистых минералов. Обращает на себя внимание тот факт, что в спектре чистой краски (рис. 19в) прослеживается только поглощение, обусловленное кварцем (полосы при 1170, 1070, дублет при 800 и 720 $см^{-1}$). Другими словами, вероятно, это — чистая окись железа, минерал гематит, обладающий слабой поглощающей способностью в ИК-диапазоне [32]. По-видимому, данный пигмент применялся в Кара-тепе для всех красных росписей; на спектрах же образцов красок видны полосы поглощения попавшего в красочный слой грунта — гипса и примесей.

Чтобы проверить такое предположение, ряд образцов параллельно был исследован с помощью рентгенофазового анализа. Результаты экспериментов приведены в табл. 1—3. Очевидно, наше предположение подтвердилось: «кубик» краски представляет собой чистый гематит (Fe_2O_3) с примесью песка (табл. 1), а образцы пигмента из пещеры П-I (табл. 2) и из наземных помещений комплекса Б — гематит с большим количеством гипса и примесью кальцита и песка (табл. 3).

Аналогичные выводы следует сделать относительно красных и розовых пигментов росписей разных помещений Фаяз-тепе. Все спектры похожи; по спектрам можно сказать, что изученные

---

[30] G. M. Hunt, M. P. Wishered, L. Banham. Infrared Absorption Spectra, табл. I; Н. Н. Осипова. Об определении минеральных компонентов.

[31] И. И. Плюснина. Инфракрасные спектры, с. 92—93; J. L. White. Interpretation of Infrared Spectra of Soil Minerals.— «Soil Science». Vol. 112, 1971, с. 22—31.

[32] J. Riederer. Infrarotspektrografische Untersuchung der gelben und roten Eisenoxidpigmente.— «Deutsche Farben-Zeitschrift». 1969, № 12, с. 569—577.

вещества — смеси гипса, кварца, кальцита с примесью нитратов (описанные выше полосы) и, возможно, глинистых минералов (в области валентных колебаний ОН-групп прослеживается слабое поглощение при 3500—3600 $см^{-1}$). Рентгенофазовые анализы (табл. 4, 5), как и в случае образцов из Кара-тепе, показали, что пигмент — гематит с примесью гипса, кальцита, кварца и глинистого минерала (гидрослюды). Необходимо обратить особое внимание на абсолютное сходство состава пигментов из наземных помещений комплекса Кара-тепе (см. табл. 3) и «красной комнаты» Фаяз-тепе (см. табл. 4). Вероятно, в обоих случаях применялась одна и та же или одинаковым образом приготовленная краска.

Пигмент раскраски фрагмента скульптуры из Дальверзин-тепе — по-видимому, смесь гипса (полосы при 3550, 3400, 1685, 1625; 1140, 1115, 670 $см^{-1}$) и монтмориллонита (плечо при 3620, полосы при 1030, 920 и 695$см^{-1}$). Как и в ряде предыдущих случаев, красный цвет пигмента, вероятно, обусловлен окисью железа.

Таким образом, нами показано, что красные пигменты представляют собой или чистый гематит (образцы из Кара-тепе и «красной комнаты» Фаяз-тепе), или красную охру, цвет которой обусловлен гематитом (образцы из Песседжик-тепе, Мансурдепе, Фаяз-тепе, Дальверзин-тепе). В росписях других памятников Средней Азии разным исследователям удавалось идентифицировать красную охру (Пенджикент[33], Аджина-тепе[34], Шахристанский дворцовый комплекс[35]), киноварь (Аджина-тепе[36], Кара-тепе[37], Халчаян[38]), а также органические пигменты (Халчаян[39], шахристанские росписи[40]).

3. *Образцы желтого и коричневого пигментов*

1. Афрасиаб, VII—VIII вв.[41]; кусок нерастертого желтого пигмента, найденный при раскопках рядом с росписями.
2. Фаяз-тепе, I—IV вв.; коричневый пигмент росписи помещения № 8.
3. Пенджикент, VII—VIII вв.; коричневый пигмент с грунтом.

---

[33] И. П. Костров. Техника живописи.
[34] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа.
[35] В. М. Соколовский. Материалы шахристанских росписей.
[36] Л. П. Вязьменская, А. И. Косолапов. Изучение технологических особенностей.
[37] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская. Результаты исследования красок из Кара-тепе.— «Кара-тепе III», с. 111—113.
[38] Г. А. Пугаченкова. Халчаян.
[39] Там же.
[40] В. М. Соколовский. Материалы шахристанских росписей.
[41] К. И. Альбаум. Живопись Афрасиаба.

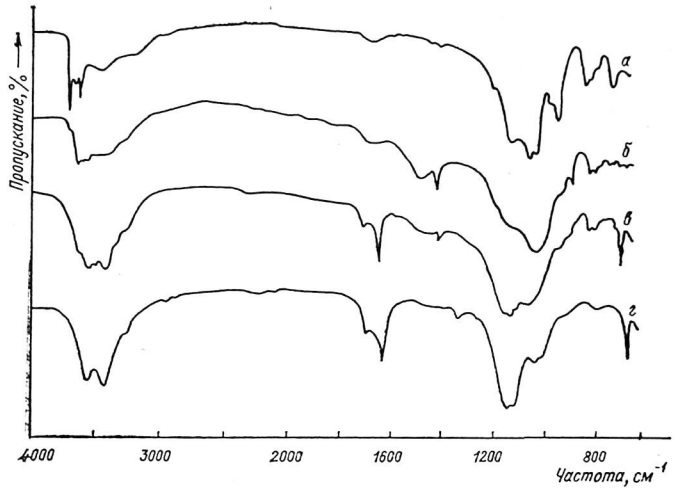

Рис. 20

4. Туман-ака (г. Самарканд) XV в.[42]; коричневый пигмент росписи стены мечети.

Из анализа спектра желтого пигмента из Афрасиаба (рис. 20а) можно сделать вывод, что данное вещество — каолинит (полосы в области 3700—3600 $см^{-1}$, при 1100, 1035, 1010, 915 и 695 $см^{-1}$); возможно, в образце есть примесь монтмориллонита (поглощение при ~3620, 1100 и особенно при 795 $см^{-1}$) [43]. Широкая полоса при 3130 $см^{-1}$ указывает на присутствие гидроокиси железа (минерала гидрогетита) [44] — характерного компонента природных желтых пигментов. Аналогичные данные были получены при рентгенофазовом анализе этого образца: идентифицированы каолинит, гидрогетит, кварц (табл. 6).

Исследованный образец коричневого пигмента из Фаяз-тепе (рис. 20б) состоит из гипса (положение полос поглощения, как в других спектрах), каолинита (полосы при 3700, 3620, 1620, 1100, 1030, 920, 695 $см^{-1}$) [45], кальцита, примеси нитратов (см. выше) и кварца (дублет 780, 800 $см^{-1}$). Однако эта смесь скорее всего тонкий грунт: аналогичные спектры имеют другие пигменты росписей того же помещения Фаяз-тепе (см. ниже). Сам же пигмент — вероятно, содержащий окислы железа — в спектре не прослеживается.

[42] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История изобразительного искусства.

[43] J. L. White. Interpretation of Infrared Spectra.

[44] J. Riederer. Infrarotspektrographische Untersuchung.

[45] И. И. Плюснина. Инфракрасные спектры, с. 92—93; J. L. White. Interpretation of Infrared Spectra.

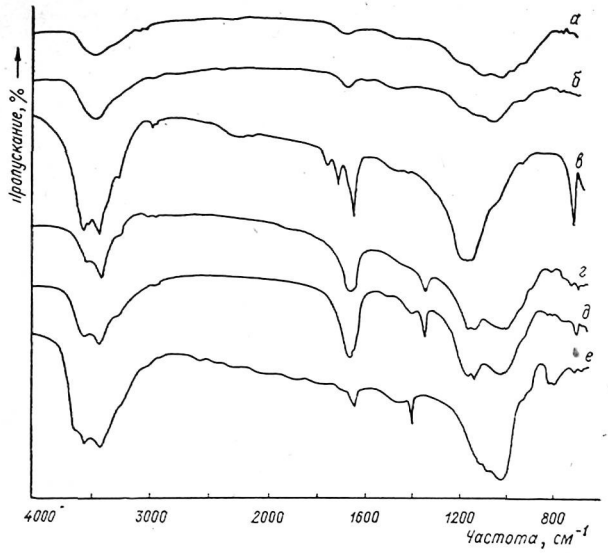

Рис. 21

Спектр пигмента из Пенджикента (в) несколько иной. Основной его компонент — гипс (характерные полосы, как в предыдущих спектрах). Четко видно присутствие глинистого минерала, возможно, монтмориллонита (полосы при 1040, 915, 800 $см^{-1}$) [46]. Можно считать, что гипс — это грунт, а роспись выполнена охрой, содержащей монтмориллонит.

Спектр пигмента из Туман-аки (г) напоминает предыдущий. В образце также много гипса; глинистый минерал в данном случае, по-видимому, иной; вероятно, это нонтронит — в спектре наблюдаются характерные для него полосы при 1040 и 790 $см^{-1}$.

Аналогичные желтые и коричневые минеральные пигменты (охры) обнаружены в росписях других среднеазиатских памятников [47].

4. *Образцы синего и зеленого пигментов*

1. Пигмент, приготовленный из минерала лазурита.

2. Кара-тепе, II—IV вв; ярко-синий пигмент с известняковой колонны, раскрашенной синими и красными квадратами.

[46] Там же.

[47] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа; И. П. Костров. Техника живописи; Г. А. Пугаченкова. Халчаян; В. М. Соколовский. Материалы шахристанских росписей.

3. Аджина-тепе, VII в.; синий пигмент росписи; слой пигмента очень тонкий, местами пигмент очень потемнел.

4. Туман-ака (г. Самарканд) XV в.; ярко-синий пигмент с деталей росписи купола мавзолея.

5. Тилля-кари (г. Самарканд) XVII в.; ярко-синий пигмент со стены мечети.

6. Кара-тепе, II—IV вв.; зеленый пигмент из входной ниши лещеры П-V комплекса В.

ИК-спектры лазурита и образцов красок представлены на рис. 21. Как видно из приведенных данных, синий пигмент из Кара-тепе — чистый лазурит, похожий на образец 1. Ранее уже отмечалось[48], что этот пигмент, возможно, лазурит. Лазурит был найден и в образце росписи из Аджина-тепе[49]. При анализе спектра (в) образца 3 из Аджина-тепе видно, что основной компонент вещества — гипс (интенсивные полосы при 3540, 3400, 1145, 1115 и 670 $см^{-1}$), присутствие лазурита едва улавливается (например, полосы при 1000 и 870 $см^{-1}$). Другими словами, снять красочный слой без грунта не удалось. Наличие в образе органического компонента (полосы при 2950, 2850, 1450 $см^{-1}$), по-видимому, указывает на присутствие связующего, которое было нами идентифицировано ранее.

Спектры (г, д) образцов 4 и 5 практически идентичны. Оба вещества — лазуриты (интенсивные полосы при ~1650, 1000 $см^{-1}$, слабые — при ~ 730, 640 $см^{-1}$). Кроме того, ясно прослеживается примесь гипса — полосы поглощения при ~3540 3400, 1145, 1120 и 670 $см^{-1}$. Является ли эта примесь просто загрязнением, попавшим при отборе образца,— сказать трудно. Следы органического вещества в образце 4 (полоса при 2950 $см^{-1}$), вероятно, объясняются присутствием связующего, которое пока нам не удалось выделить.

Вывод, сделанный на основании анализа ИК-спектров, во всех случаях подтверждался простейшей специфической реакцией, обнаруживающей лазурит: при добавлении HCl наблюдалось интенсивное выделение H_2S[50].

Анализ ИК-спектра зеленой краски из Кара-тепе (рис. 21 е) показывает, что исследованное вещество — смесь ряда компонентов: гипса, кальцита, нитратов (поглощение, как в предыдущих разделах), глинистых минералов (полосы при 3695, 3620, 1095, 1060, 920, 695 $см^{-1}$). По-видимому, можно считать, что это — глауконит с примесью гипса и кальцита[51]. Следует подчеркнуть, что зеленый цвет встречается относительно редко в среднеазиатских росписях памятников античного и раннесред-

[48] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская. Результаты исследования.
[49] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепа.
[50] G. Plesters. Ultramarine Blue, Neutral and Artificial.— «Studies in Conservation». Vol. 11. L., 1966, с. 62—91.
[51] Н. Н. Осипова. Об определении минеральных компонентов; J. L. White. Interpretation of Infrared Spectra.

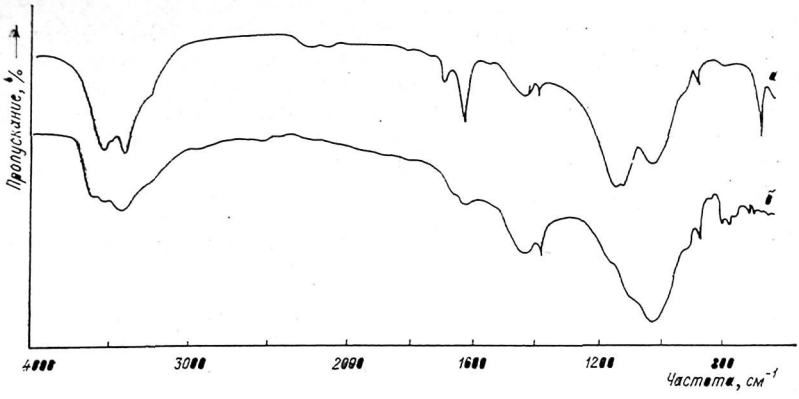

Рис. 22

невекового времени. Однако недавно среди пигментов росписей шахристанского дворца VII в. найден малахит [52].

5. *Образцы черного пигмента*

Фаяз-тепе, I—IV вв.:

а) черный пигмент росписи западной стены храмового двора;

б) то же, северная стена помещения № 8.

Спектры обоих веществ почти одинаковы (рис. 22) и практически идентичны описанному выше спектру коричневого пигмента (рис. 20 б). Это — смеси из гипса, каолинита, кальцита, нитратов, кварца (песка). По-видимому, данные смеси — тонкий грунт. Сам же черный пигмент живописцы, очевидно, готовили из растолченного древесного угля: в соскобленной со стены краске под микроскопом явственно различимы обломки обугленных веточек.

Заключение

Как видно из полученных данных, ИК-спектроскопию можно успешно использовать для изучения пигментов настенных росписей. Этот метод позволяет определять минеральный состав красок, сопоставлять количественное содержание входящих в них компонентов (для точного определения количества необходимо строить концентрационные кривые, мы же ограничивались лишь качественной их идентификацией), в результате чего оценивать сходство или различие материалов, использовавшихся для живописи. К сожалению, применявшийся нами спектрофото-

[52] Л. П. Вязьменская, А. И. Косолапов. Изучение технологических особенностей.

метр не позволял исследовать область спектра 600—400 $см^{-1}$ — важную для детализированного изучения ряда минералов [53].

Наиболее успешно удалось сравнить грунты разных росписей, однако интересные результаты были получены и при изучении ряда красок, особенно из Фаяз-тепе и Кара-тепе. Оба памятника относятся примерно к одному времени и расположены недалеко друг от друга. Так, можно заключить, что в ряде помещений обоих памятников технология росписей была одинаковой: росписи в пещерных храмах Кара-тепе, храмовом дворе и помещении № 2 Фаяз-тепе выполнены на толстом гипсовом грунте. Кроме того, обращает на себя внимание почти идентичность красной краски помещения № 2 Фаяз-тепе и наземных помещений комплекса Б Кара-тепе. Из этого следует, что в комнате № 2 Фаяз-тепе росписи выполнялись одновременно с росписями комплекса Б Кара-тепе или по крайней мере теми же материалами.

В комнате № 8 Фаяз-тепе роспись иная: полихромная фигуративная живопись наносилась по белой подготовке, состоявшей из белой глины и гипса, причем в коричневой и черной красках глинистого минерала больше, чем гипса, а в розовом — больше гипса. Поскольку пигменты были сняты со стены вместе с белой подготовкой, невозможно сказать, присутствовали ли глинистые минералы в составе коричневой охры и гематита, применявшихся для живописи. Все эти данные указывают на принципиальные отличия техники живописи в помещении № 8 Фаяз-тепе от таковой в большинстве помещений Кара-тепе.

Описанные эксперименты свидетельствуют о том, что ИК-спектроскопические исследования пигментов, в частности красных и желтых, необходимо сопровождать рентгеноструктурным анализом. Только применение обоих методов позволяет полностью охарактеризовать минеральный состав этих пигментов. Дальнейшее широкое использование физико-химических методов для изучения образцов красок других памятников Средней Азии даст возможность установить сходство и различие материалов, применявшихся для живописи в разные исторические эпохи.

---

[53] J. Riederer. Infrarotspektrographische Untersuchung.

Таблица 1

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний («кубик» красной краски, Кара-тепе)*

d/n Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
4,51	14	—
4,28	18	Кварц, гематит
3,70	21	Гематит
3,36	100	Кварц, гематит
3,20	14	Гематит
2,70	47	Гематит
2,52	35	Гематит, кварц
2,29	10	Кварц
2,21	14	Гематит
1,84	25	Гематит
1,82	19	Кварц
1,69	23	Гематит
1,54	14	Гематит, кварц
1,49	17	Гематит
1,45	18	Гематит

* Расшифровка всех дифрактограмм проведена по работе: В. И. Михеев. Рентгенометрический определитель минералов. М., 1957.

Таблица 2

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний (образец пигмента из П-I, восточная стена, Кара-тепе)

d/n, Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
9,96	4	Гидрослюда (?)
7,63	100	Гипс
4,27	78	Кварц, гипс
3,79	33	Гематит, гипс
3,66	15	Гематит
3,34	29	Кварц
3,07	73	Кальцит
2,87	20	Гематит, гипс, Ba $(NO_3)_2$ (?)
2,68	10	Гематит, гипс
2,59	20	Гематит
2,51	7	Гематит
2,28	5	Кварц, кальцит
2,21	12	Гипс, гематит
2,08	13	Гипс, гематит, кальцит
1,90	10	Кальцит
1,84	10	Гематит, кальцит, Ba$(NO_3)_2$ (?)
1,81	10	Гипс
1,78	8	Гипс
1,69	9	Гематит
1,62	5	Гематит, кальцит
1,48	7	Гематит, кальцит
1,45	7	Гематит, кальцит

Таблица 3

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний (образец пигмента росписи наземного помещения комплекса Б, Кара-тепе)

d/n, Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
9,96	7	Гидрослюда (?)
7,63	100	Гипс
4,27	43	Кварц, гипс
3,79	21	Гематит, гипс
3,66	13	Гематит
3,36	74	Кварц
3,20	13	Гематит
3,06	43	Кальцит
2,87	11	Гематит, гипс
2,68	22	Гематит, гипс
2,59	8	Гематит
2,51	15	Гематит
2,45	8	Гидрослюда (?)
2,28	9	Кальцит, кварц
2,21	5	Гипс, гематит
1,90	7	Кальцит
1,84	6	Гематит, кальцит
1,80	6	Гипс
1,78	6	Гипс
1,69	8	Гематит
1,62	7	Гематит, кальцит
1,48	6	Гематит, кальцит
1,45	8	Гематит, кальцит

Таблица 4

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний (образец пигмента красной краски комнаты № 2, Фаяз-тепе)

d/n, Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
9,96	8	Гидрослюда (?)
7,63	100	Гипс
4,27	38	Кварц, гипс
3,79	22	Гематит, гипс
3,68	11	Гематит
3,66	13	Гематит
3,36	46	Кварц
3,20	11	Гематит
3,06	76	Кальцит
2,87	10	Гематит, гипс
2,68	30	Гематит, гипс
2,61	10	Гематит
2,59	21	Гематит
2,51	11	Гематит
2,45	11	Гидрослюда (?)
2,28	12	Кальцит, кварц
2,22	10	Гипс, гематит
1,90	12	Кальцит
1,84	15	Гематит, кальцит
1,80	10	Гипс
1,78	10	Гипс
1,69	9	Гематит
1,62	9	Гематит, кальцит
1,48	8	Гематит, кальцит
1,45	10	Гематит, кальцит

Таблица 5

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний (образец пигмента красной краски стены храмового двора, Фаяз-тепе)

d/n, Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
9,96	20	Гидрослюда (?)
7,63	52	Гипс
7,08	18	Хлорит (?)
4,70	12	Гидрослюда (?)
4,27	48	Кварц, гипс
3,68	10	Гематит, гипс
3,67	24	Гематит
3,34	100	Кварц
3,23	36	Гематит
3,04	43	Кальцит, гипс
2,87	10	Гематит, гипс
2,68	40	Гематит, гипс
2,61	9	Гематит
2,51	31	Гематит
2,27	11	Кальцит, кварц
2,22	9	Гипс, гематит
1,84	12	Гематит, гипс
1,78	10	Гипс
1,69	10	Гематит, кальцит
1,48	11	Гематит, кальцит
1,45	10	Гематит, кальцит

Таблица 6

Экспериментальные значения межплоскостных расстояний (образец желтого пигмента, Афрасиаб)

d/n, Å	Интенсивность, I	Минеральный состав
7,17	11	Каолинит
4,24	9	Кварц
4,18	27	Гидрогетит
3,88	25	Каолинит
3,35	100	Кварц
2,68	11	Гидрогетит
2,56	14	Каолинит
2,49	11	Каолинит, гидрогетит
2,45	18	Кварц
2,34	9	Каолинит
2,28	6	Кварц
2,18	6	Гидрогетит
2,13	8	—
1,98	6	Каолинит
1,82	11	Кварц
1,71	9	Гидрогетит
1,70	10	—
1,54	10	Кварц

З. М. Желнинская, С. В. Витт, М. Б. Сапоровская, Е. А. Пасконова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СВЯЗУЮЩЕМ КРАСКИ НАСТЕННОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

В 1969—1971 гг. нами были сделаны единичные анализы связующих настенных росписей из Кара-тепе [1] по методике, разработанной главным образом для станковой живописи. Приступая в 1975 г. к серийному химико-аналитическому исследованию археологической среднеазиатской живописи, мы приняли участие в экспедиции на Варахшу, где непосредственно отобрали фрагменты живописи для анализа и ознакомились с условиями их многовекового существования. В результате появилось убеждение в том, что связующие археологических образцов не могут быть опознаны посредством методик, применяемых к станковой и неархеологической монументальной живописи. В случае археологической живописи прежде всего необходим количественный анализ компонентов связующего не только в красочном слое с грунтом, но также в штукатурке и желательно в почве, так как достоверные выводы о связующем могут быть сделаны только путем сопоставления полученных количественных данных. Мотивы такого подхода обоснованы нами ранее [2].

С этих позиций изучен сохранившийся с 1971 г. каратепинский фрагмент красной краски на белом ганчевом грунте и лессовой штукатурке размером 5×9 см, откуда прежде на анализ были взяты две микроскопические пробы по 0,5 мг. Тогда в одной из них не удалось обнаружить отыскиваемых углеводов, а в другой были найдены аминокислоты в таком количестве, которое могло быть приписано белковому связующему, что и было сделано. При этом количество аминокислот оценивалось ориентировочно в пределах возможностей используемого метода (ТСХ) по интенсивности хроматографических пятен.

[1] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская. Результаты исследования красок из Кара-тепе.— «Кара-тепе III», с. 112.

[2] З. М. Желнинская. Научный отчет за 1975 г.— Архив ВЦНИЛКР; она же. Анализ пигментов и связующих среднеазиатской живописи на ганчевом грунте и лессовой штукатурке.— РИХМХЦ. 1976, вып. 1, с. 16—18; она же. К методике исследования связующих монументальной живописи (обзор и постановка вопроса).— РИХМХЦ. 1978, вып. 3, с. 20—27.

Теперь был собран весь оставшийся красочный слой с грунтом, которые не удалось разделить между собой, что составило около 600 мг, т. е. две навески примерно по 300 мг на анализ аминокислот и сахаров. Кроме того, отобрали две навески штукатурки по 300 мг для анализа тех же компонентов. Эти четыре пробы были исследованы посредством следующих методов.

Методы исследования

Съемка ИК-спектров. Пробу (1—5 мг) растирали с 700 мг бромистого калия в агатовой ступке, затем в микромельнице. Полученную смесь запрессовывали в пресс-форму под вакуумом. Хлороформные экстракты наносили порциями на окошки из хлористого натрия до испарения растворителя. Съемку ИК-спектров осуществляли прибором ИКС-22 фирмы ЛОМО при следующих условиях: усиление 1,5; баланс моста 1,5; апертура 0,7. Рабочий диапазон сканирования спектров 5000—650 $см^{-1}$.

Экстрагирование липидов. Пробу встряхивали 5 минут с 100-кратным количеством хлороформа. По осаждении осадка экстракт отбирали пипеткой.

Микропроба на аминокислоты и белки (по Файглю). Две капли раствора нингидрина (0,1% в цитратном буфере—21,01 г лимонной кислоты в 200 мл 1N раствора гидроокиси натрия, разбавленных до 1 л дистиллированной водой) наносили на фильтровальную бумагу и высушивали в шкафу при 100°С. Затем наносили две капли предварительно нагретой с 2N азотной кислотой испытуемой микропробы, и бумагу вновь сушили в течении 10 минут при той же температуре. Открываемый минимум 1—0,5 мкг.

Микропроба на углеводы (по Файглю) в отработанном нами варианте. Испытуемую пробу обрабатывали в ампуле при нагревании каплей о-фосфорной кислоты. Через две минуты на край ампулы накладывали фильтр, смоченный каплей анилина и 30% уксусной кислоты. Открываемый минимум по глюкозе 0,02 мкг.

Гидролиз белков выполнялся по Муру и Штейну. В ампулу загружали пробу и 150-кратное количество перегнанной 6N соляной кислоты. Содержимое ампулы замораживали смесью ацетона с сухим льдом, после чего ампулу, запаянную под вакуумом, выдерживали 24 часа при 105°С. Гидролизат высушивали упариванием, затем дважды с дистиллированной водой и с очищенным хлористым метиленом.

Гидролиз углеводов проводили в 5% серной кислоте 100-кратным избытком по отношению к пробе 8 часов при 100°С с обратным холодильником. Нейтрализацию гидролизата осуществляли углекислым барием.

Отделение гидролизатов от осадков проводили центрифугированием в течение 15 минут при 3000 об/мин.

Высушивание экстрактов и гидролизатов осуществляли на роторно-вакуумном испарителе.

Получение N-трифторацетильных производных N-бутиловых эфиров аминокислот[3]. К высушенной пробе добавляли 1 мл 3N раствора хлористого водорода в N-бутаноле и выдерживали при 103°С. Затем раствор лиофильно высушивали и дважды — с хлористым метиленом. К полученным N-бутиловым эфирам аминокислот добавляли 1 мл 10% раствора трифторуксусного ангидрида (ТФА) в хлористом метилене. Смесь выдерживали 30 минут при комнатной температуре, затем высушивали и разбавляли 1 мл 2% раствора ТФА в хлористом метилене для введения в хроматограф.

Газо-жидкостное хроматографирование аминокислот. Хроматограф Carlo Erba Fractovap Mod. GT (Италия). Колонки длиной 2,5 м, диаметром 3,5 мм, жидкая фаза — 0,65% полиэтиленгликольадипинат, носитель — хромосорб WAW с размером частиц 100—120 меш. Температурная программа: 75°С — 5 минут, затем повышение температуры на 2,5°С в 1 минуту, последние 15 минут — 190°С. Детектирование пламенно-ионизационное. Газноситель — гелий.

Тонкослойная хроматография (ТСХ) сахаров. Целлюлозный порошок FND фирмы Filtrak, ГДР (11,7 г) и дистиллированную воду (35 мл) перемешивали 30 минут на магнитной мешалке. На пластину 13×18 см наносили по 7 мл суспензии. Пластины сутки высушивали на воздухе. Использовали смесь растворителей изо-бутанол — этилацетат — вода (16 : 4 : 6), реагент для проявления пятен сахаров — 0,1% раствор нафторезорцина в этаноле с добавлением 0,1 объема о-фосфорной кислоты. Открываемый минимум по глюкозе 5 мкг.

Очистку аминокислот проводили на колонке длиной 3,5 см, диаметром 0,4 см со смолой Dowex 50×8 (100—200 меш) с режимом смыва продуктов — 5 мл воды, 15 мл 3,5N раствора аммиака.

Результаты и обсуждение

Обе испытанные пробы показали положительные реакции на аминокислоты, красочный слой с грунтом — наиболее яркую. По едва различимым микрореакциям на углеводы можно предположить присутствие их следов как в красочном слое с грунтом, так и в штукатурке. Однако тонкослойной хроматографи-

[3] С. В. Витт, М. Б. Сапоровская, Е. А. Пасконова, С. Б. Никитина, В. М. Беликов. Количественный газохроматографический анализ аминокислот в виде N-трифторацетил н.бутиловых эфиров.— «Изв. АН СССР. Сер. хим.». 1974, № 6, с. 1318.

ей, как и прежде[4], сахаров обнаружить не удалось ни в одной пробе.

Инфракрасные спектры штукатурки и краски с грунтом выявили полосы поглощения глинистых минералов, кварца (3700—3300 $см^{-1}$, 1100—900 $см^{-1}$, 800 $см^{-1}$, 780 $см^{-1}$), а также гипса (3500 $см^{-1}$, 1690 $см^{-1}$, 1620 $см^{-1}$, 1200—1100 $см^{-1}$) и мела (1500—1400 $см^{-1}$, 880 $см^{-1}$). Такие ИК-спектры характерны для лесса и железоокисной красной с примесью гипса. Эти результаты подтверждают уже полученные ранее[5]. Полосы поглощения (2900 $см^{-1}$, 2800 $см^{-1}$), присущие ИК-спектрам всех органических связующих живописи, проявились достаточно отчетливо.

Ниже приведен аминокислотный состав[6] проб (в %):

Название аминокислот	Красочный слой с грунтом	Штукатурка
Аланин	0,004	0,003
Валин	0,009	0,002
Глицин	0,017	0,003
Изолейцин	0,006	0,001
Лейцин	0,008	0,002
Пролин	0,010	—
Треонин	0,006	0,001
Серин	0,012	0,001
Метионин	0,009	0,002
Оксипролин	0,001(?)	—
Фенилаланин	0,005	0,003
Аспарагиновая кислота	0,016	0,003
Глутаминовая кислота	0,014	0,002
Сумма . . .	0,117	0,023

Из приведенных результатов видно, что общее количество аминокислот в красочном слое с грунтом (0,117%) превышает в 5 раз количество их в штукатурке (0,023%). Если предположить, что найденные аминокислоты мигрировали в роспись и основу из почвы, то следовало ожидать большего их количества в штукатурке, более рыхлой и адсорбционноспособной. Против проникновения аминокислот извне свидетельствуют также различия между частями системы (краска, грунт — штукатурка) в качественном и количественном аминокислотном составе — в штукатурке отсутствует пролин, а глицина, серина, ас-

[4] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская. Результаты исследования красок из Кара-тепе, с. 112.

[5] Там же; З. М. Желнинская. Анализ пигментов и связующих, с. 16—18.

[6] ГЖ-хроматограммы аминокислот и расчеты их процентного содержания находятся у автора.

парагиновой и глутаминовой кислот в ней значительно меньше, чем в живописи и грунте. Эти факты, вероятно, указывают на использование в качестве связующего белкового клея, идентификация которого весьма затруднительна. Лишь соотношение глицина и пролина (1,7) и предположительное присутствие оксипролина склоняет в пользу глютинового (животного) клея.

Таким образом, ранее полученный результат[7] в данной работе подкреплен более точным методом — ГЖХ, а также соотнесением состава компонентов в красочном слое с грунтом к штукатурке.

Однако для твердых выводов о связующем настенных росписей Кара-тепе необходимо накопление достаточного статистического материала. Что касается аминокислот штукатурки, то они скорее всего почвенного происхождения.

---

[7] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская. Результаты исследования красок из Кара-тепе, с. 112.

З. М. Желнинская

К ВОПРОСУ ОБ АНАЛИЗЕ СВЯЗУЮЩЕГО В СТЕННЫХ РОСПИСЯХ, ОТКРЫТЫХ НА КАРА-ТЕПЕ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопрос о том, какое связующее использовалось в красках и грунтах древней монументальной живописи Средней Азии,— один из самых сложных вопросов, встающих перед исследователями ее техники и технологии.

В литературе содержатся указания на использование в качестве связующих монументальной живописи Средней Азии, Восточного Туркестана, Индии различных природных материалов: белковых (глютиновых, куриного яйца), белково-полисахаридных (пшеничного отвара), полисахаридных (камедей, эремурана) клеев, а также масел. В одних работах[1] данные о связующих строятся на свидетельствах средневековых трактатов и современных художников, воспринимающих традиционные приемы мастерства из поколения в поколение на протяжении многих веков, а также на интуиции археологов, раскрывших те или иные памятники; в других[2] — приводятся экспериментальные доказательства.

Недавно была предпринята попытка определить связующее живописи Кара-тепе, а заодно и других археологических памятников Средней Азии с привлечением современных методов

---

[1] И. П. Костров. Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента.— «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, с. 162; В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, с. 151; С. М. Дудин. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерных храмах Западного Китая.— «Сборник музея антропологии и этнографии». Пг., 1918, т. 5, с. 34, 49, 54.

[2] R. I. Gettens. The Materials in the Wall Paintings of Bamian, Afganistan.— «Technical Studies in the Field of Fine Arts». Vol. 6. Ox., 1937—1938, с. 186—193; он же. The Materials in the Wall Painting of Kizil in Chinese Turkestan.— Там же, с. 132—138; S. Paramasivan. The Pallava Paintings at Conjeevaram — an Investigation into the Methods.— «Proceedings of the Indian Academy of Sciences». Vol. 10. Habbal — Bangalore, 1939, с. 77—95; он же. An Investigation into the Methods of the Mural Paintings.— «Journal of the Indian Society of Oriental Art». Vol. 7. Calcutta, 1938, с. 18—38; он же. Ajanta and Ellora Wall Paintings.— «Institut royal du patrimoine artistique. Bulletin». Vol. 15. Bruxelles, 1975, с. 302—318.

анализа. Эта попытка нашла отражение в статье В. Я. Бирштейна, опубликованной в четвертом сборнике материалов экспедиции на Кара-тепе[3], а также в ряде других публикаций и сообщений[4].

Решение сложного вопроса о связующем древней среднеазиатской монументальной живописи посредством современных методов исследования заслуживает всяческого поощрения. Однако, на наш взгляд, попытка В. Я. Бирштейна оказалась неудачной.

В работе В. Я. Бирштейна[5] утверждается, что связующим росписей Кара-тепе и трех других археологических памятников Средней Азии были камеди (изучено семь образцов, из них четыре — каратепинских). Автор выбирает (после предварительной подготовки[6]) следующий порядок исследования проб: 1) детектирование методом инфракрасной спектроскопии (ИКС), 2) детектирование хроматографическими методами — тонкослойной (ТСХ) и газожидкостной (ГЖХ).

Это часть общей схемы, ранее предложенной[7] для анализа связующих живописи, относящаяся к полисахаридам. Ее использование в работе В. Я. Бирштейна[8], с нашей точки зрения, вполне оправдано.

---

[3] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе и других памятников Средней Азии — проблема изучения связующего красок и грунта.— «Кара-тепе IV», с. 149—163.

[4] В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Древняя живопись в инфракрасных лучах.— «Химия и жизнь». М., 1973, № 12, с. 52; V. J. Birstein. On the Technology of Central Asian Wall Painting: the Problem of the Binding Media.— «Studies in Conservation». Vol. 20. L., 1975, с. 8—19; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Исследование и идентификация полисахаридов, выделенных из археологических образцов.— «Химия природных соединений». Таш., 1976, № 1, с. 15—19; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, А. В. Троицкий. Исследование органических компонентов древних стенных росписей Средней Азии и Крыма.— «Вестник МГУ». Биология, почвоведение. 1976, № 3, с. 33—38; V. Birstein. A Study of Organic Components of Paints and Grounds in Central Asian and Crimean Wall Paintings.— «ICOM Committee for Conservation 4-th Triennial Meeting». Venic, 1975, 1/10; он же. Исследование органических и неорганических компонентов красок и грунта стенных росписей некоторых памятников Средней Азии.— РИХМХЦ. 1976, вып. 1, с. 7—9; он же. Принципы и методы исследования органических и неорганических компонентов материалов настенной живописи Средней Азии и Крыма.— Там же. 1977, вып. 1, с. 10—15; он же. Некоторые вопросы технологии среднеазиатских и причерноморских стенных росписей античного времени.— «Художественное наследие». М., 1977, вып. 2, с. 19—33; он же. К вопросу технологии раннесредневековой среднеазиатской монументальной живописи — исследование связующего росписей.— Там же, 1977, вып. 3, с. 3—7.

[5] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.

[6] Выделение пробы из образца живописи, диализ ее для избавления от низкомолекулярных веществ.

[7] L. Masschelein-Kleiner, I. Heylen, F. Tricot-Marckx. Contribution à l'analyse des liants, adhésifs et vernis anciens.— «Studies in Conservation». Vol. 13. L., 1968, с. 105—121.

[8] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.

Чтобы понять соотношение этих методов (ИКС и хроматографических) в идентификации полисахаридного связующего, обратимся к предмету исследования — камедям, а затем и к самим методам.

Камеди — это группа полисахаридов, продукт патологического функционирования некоторых деревьев. Они представляют собой высокомолекулярные соединения, построенные из различных структурных единиц — моносахаридов (арабинозы, ксилозы, глюкозы, глюкуроновой кислоты и т. д.), высвобождающихся при гидролизе. Камеди (как и другие полисахариды) могут быть кислыми или нейтральными в зависимости от содержания или отсутствия в их составе глюкуроновой или других уроновых кислот.

В монографии американских ученых[9] приведен состав камедей более 50 деревьев. Рассмотрим два примера из нее. Камедь вишни Prunus cerasus состоит из арабинозы (55%), галактозы (21%), глюкуроновой кислоты (12%), маннозы (10%), рамнозы (следы). Камедь акации Acacia verec состоит из арабинозы (19%), галактозы (52%), глюкуроновой кислоты (16%) и рамнозы (14%). Из приведенных примеров видно, что эти две камеди имеют качественные и особенно количественные различия. Так обстоит дело и в отношении камедей остальных деревьев.

Эти различия могут служить верным критерием их идентификации. Чтобы идентифицировать камеди, надо установить их качественный и количественный состав. Классическими методами такого определения являются ТСХ и ГЖХ. Первый[10] позволяет установить качественный, второй[11] — качественный и количественный состав. Качественные возможности этих методов определяются их способностью разделять моносахариды таким образом, что каждый из них занимает на хроматограмме строго фиксированное положение. Однако известно много случаев, когда вещества, относящиеся к разным классам, занимают одинаковое положение на хроматограмме. Поэтому для строгой идентификации исследуемые вещества должны быть очищены от сопутствующих веществ[12].

Обратимся к экспериментальным данным рассматриваемой работы[13], полученным посредством ТСХ и ГЖХ. На рис. 55, 57 представлены две ГЖ-хроматограммы. Пики 2, 3, 4, 5 настолько слабо выражены, что по ним нельзя с уверенностью делать выводы о качественном составе. Они могут быть вызваны при-

---

[9] F. Smith, R. Montgomery. Chemistry of Plant Gums and Micilages. N. Y., 1959, с. 106—109.

[10] Н. К. Кочетков, А. Ф. Бочков, Б. Д. Дмитриев, А. М. Усов, О. С. Чижов, В. Н. Шибаев. Химия углеводов. М., 1967, с. 410.

[11] Там же, с. 415.

[12] Там же, с. 412.

[13] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.

месями, «шумами». Неполноценность этих пиков не позволила автору сделать необходимых для идентификации расчетов процентного содержания моносахаридов, т. е. использовать количественные возможности метода.

Надо учитывать, кроме того, что ГЖ-хроматограммы смесей должно интерпретировать с осторожностью, даже если пики хорошо выражены, так как различные вещества могут локализоваться на близких позициях[14]. А испытуемые пробы, приготовленные автором к детектированию, по его утверждению (с. 155), содержат не только камеди, но белки и гипс, т. е. представляют собой смеси не только высоко-, но и низкомолекулярных соединений органической и неорганической природы.

Что касается результатов ТСХ, то о них вообще невозможно судить, ибо не приведена ни одна ТС-хроматограмма[15]. Таким образом, опытные материалы, добытые методами ТСХ и ГЖХ, не позволяют сделать даже заключений о качественном составе испытанных проб — об обнаружении маннозы, глюкозы, галактозы и глюкуроновой кислоты в образцах Кара-тепе и Пенджикента; ксилозы, маннозы, глюкозы в образце из Аджина-тепе; галактозы, маннозы, глюкозы, арабинозы в образце из Топракалы.

А теперь предположим, что автору удалось доказать, что вышеназванные моносахариды обнаружены в испытанных пробах. Может быть, тогда его выводы о связующем окажутся обоснованными? Рассмотрим этот вопрос. На с. 156 и 159 так говорится относительно связующего образцов из Кара-тепе и Аджина-тепе: «...подобный состав не предоставляет возможности даже предположительно указать камедь растения, употреблявшуюся для клея», «... назвать растение, камедь которого применялась для клея, не представляется возможным». Связующим пенджикентской живописи автор считает камеди «близких (к Кара-тепе), но неидентичных растений» (с. 158), т. е. «близких» к совершенно неизвестным камедям. Но насколько правомерно здесь понятие «неизвестные камеди»?

Автор вынужден признать, что состав испытанных им проб по полисахаридам не соответствует ни одной из известных камедей. Но тогда нет основания считать эти вещества камедями. Это могут быть другие полисахариды, растительного и животного происхождения, и их смеси (в нативном, частично или полностью разрушенном виде), которые использовались в качестве связующего или проникли в живопись из почвы и штукатурки: крахмал, слизи, целлюлозы, гемицеллюлозы и т. д. Они имеют тот же моносахаридный[16] состав, что и изученные

[14] Н. К. Кочетков и др. Химия углеводов, с. 412.

[15] Научные отчеты, отражающие результаты этих работ (1972—1976 гг.), содержат только семь ТС-хроматограмм, приложенных к отчету за 1972 г. (рис. 11, № 3, 4, 5 и рис. 12, № 1, 2, 3, 4). В первых трех совсем нет пятен, в остальных четырех имеются лишь намеки на пятна в районе гексоз.

[16] Н. К. Кочетков и др. Химия углеводов, с. 523—551.

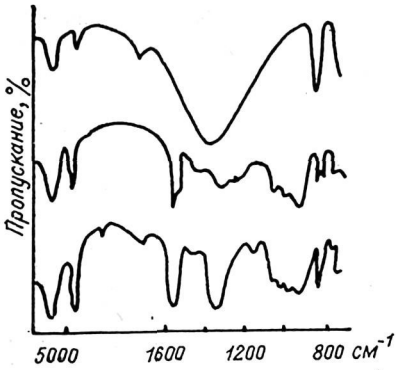

Рис. 23

пробы: глюкозу, маннозу, галактозу, ксилозу, арабинозу, глюкуроновую кислоту.

Таким образом, вещества, названные неизвестными камедями и близкими к ним, справедливо признать неизвестными веществами.

Связующим Топрак-калы на основании найденных им моносахаридов (с. 158: «галактоза, манноза, глюкоза и, по-видимому, арабиноза») автор считает камедь вишни или урюка. Однако камедь вишни Prunus cerasus (см. выше), как и камедь урюка [17] Armeniaca vulgaris (арабиноза, ксилоза, рамноза, галактоза, глюкоза, манноза, глюкуроновая кислота), собранная автором в Ташкенте, имеет иной состав, причем в обеих камедях преобладает арабиноза. В рассматриваемой же работе [18] присутствие арабинозы лишь предполагается, т. е. ее или меньше, чем других моносахаридов, или вовсе нет.

Более того, неизвестна камедь, состав которой был бы идентичен составу пробы из Топрак-калы. Таким образом, о связующем Топрак-калы автор вправе сказать то же, что выше сказано о связующих остальных памятников. Следовательно, методы ТСХ и ГЖХ не дают повода к признанию камедей связующими исследованных памятников Средней Азии.

По-видимому, эту уверенность внушают автору ИК-спектры, иными словами, испытуемые вещества он идентифицирует по их ИК-спектрам. Но это нельзя считать оправданным.

В основе метода ИКС лежит способность веществ поглощать инфракрасное излучение. Причем определенные группы атомов поглощают ИК-излучение в определенных диапазонах волн. Например, карбонильная группа поглощает в диапазоне 1650—1850 $см^{-1}$, гидроксильная — в районе 3000—3700 $см^{-1}$ и т. д.[19]. Конкретные положения поглощений атомных групп в названных диапазонах волн зависят от строения вещества в целом. Например, карбонильная группа насыщенных алифатических кислот поглощает в районе 1725—1700 $см^{-1}$, карбонильная группа смоляных кислот в области 1710—1690 $см^{-1}$, карбонильная группа ациклических ангидридов в области 1840—1800 $см^{-1}$. Это позволяет распознавать не только индивидуальные вещества различных классов по ИК-спектрам, но и их смеси.

---

[17] В. Я. Бирштейн. К вопросу технологии, с. 5, 201.
[18] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.
[19] И. Кесслер. Методы ИКС в химическом анализе. М., 1964, с. 105.

Последнее возможно, поскольку спектры смеси складываются из спектров составляющих компонентов. Пример. На рис. 23 запечатлены ИК-спектры: вверху — мела, в центре — белковополисахаридного (пшеничного) клея, внизу — дублировочного состава картины П. Гогена «Сбор плодов». Из рисунка видно, что нижний спектр является суммарным спектром двух других, т. е. дублировочный состав картины является смесью мела с пшеничным клеем.

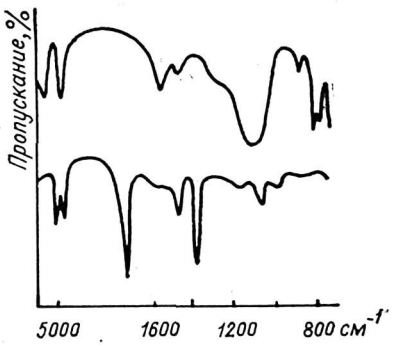

Рис. 24

Однако полосы поглощения некоторых различных групп атомов совпадают. Например, группы C=N и C=C поглощают в диапазоне 1580—1700 $см^{-1}$, группы C—O и C—N — в диапазоне 900—1300 $см^{-1}$ и т. д., т. е. различные вещества, содержащие такие группы, могут давать сходные спектры. То же можно сказать и о близких по строению веществах, в частности различных полисахаридах. Из этого следует, что идентификация сложных смесей веществ методом ИКС чрезвычайно затруднительна.

Трудность усугубляется еще и тем, что ИК-спектр зависит не только от числа компонентов смеси, но и от их количественного соотношения. На рис. 24 представлены ИК-спектры: вверху — полимента иконостаса Успенского собора Белозерского монастыря, внизу — хлороформного экстракта из полимента. В первом спектре угадываются полосы поглощения белкового клея, глинистых минералов, мела, во втором — липидного связующего. Из рис. 24 видно, что ИК-спектр полимента, представляющего смесь белкового, липидного клеев, глинистых минералов и мела, не выявил ни одной полосы липидного клея из-за недостаточной доли его в смеси. Можно себе представить и такие соотношения этих компонентов в пробе, когда при постепенном увеличении количества липидного клея в ИК-спектре начнут проявляться сначала более сильные его полосы, затем менее сильные, а потом уже и слабые. Таковы объективные возможности метода ИКС, весьма ограниченно пригодного для идентификации сложных смесей.

Мы уже говорили, что в испытанных автором пробах кроме камедей могут быть другие полисахариды. Все они поглощают в тех же диапазонах волн, что и камеди (3400 $см^{-1}$, 2900—2800 $см^{-1}$, 1650—1620 $см^{-1}$, 1200—1000 $см^{-1}$, 1460—1200 $см^{-1}$). ИК-спектры нейтральных и кислых полисахаридов имеют ма-

Рис. 25

лое различие, последние поглощают на частоте 1740 см$^{-1}$. Однако эта полоса характерна и для такого нейтрального полисахарида, как целлюлоза сосны [20] на первых стадиях ее развития, а другой нейтральный полисахарид (крахмал) приобретает ее при разрушении [21] в результате облучения. Не исключено, что те же черты присущи как целлюлозам среднеазиатских растений, так и нейтральным полисахаридам, разрушившимся в процессе старения и деятельности микроорганизмов. Такие же спектры, которые автор рассматриваемой работы считает спектрами камедей (рис. 25 б, в) [22], могут дать самые различные композиции, например силикаты, фосфаты и сульфаты с примесями разнообразных органических веществ и т. д. Нам такой спектр дала водная вытяжка из почвы Варахши (рис. 25 а), где определенно нет камедей.

Из сказанного ясно, что в данном случае ИКС не может быть средством однозначной идентификации пробы, а лишь способом предварительного суждения о ней, которое необходимо подтвердить результатами более точного и надежного анализа.

Необходимо, кроме того, отметить следующее. На основании сходства всех спектров, а также малых различий между ними автор говорит об идентичности камедей урюка и вишни со связующим Топрак-калы и соответствии связующих других памятников иным камедям [23]. Действительно, на рис. 54 и 56 видно, что все зафиксированные на них спектры очень схожи, однако неидентичны. Но это обстоятельство еще ничего не доказывает. Малые различия в ИК-спектрах появляются для одного и того же вещества при малых различиях в количествах

[20] Р. Г. Жбанков. ИК-спектры и структура углеводов. Минск, 1972, с. 81—82.

[21] Там же, с. 209—210.

[22] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе, рис. 54, 56.

[23] Там же, с. 155, 158.

и толщине пробы, неминуемых при используемой автором методике приготовления вещества к съемкам ИК-спектров. Все сказанное верно для смесей веществ, где ИК-спектры, как мы видели, во многом зависят от количественных соотношений компонентов.

Более того, по логике идентификации веществ, прежде чем уподоблять ИК-спектр урюка и вишни ИК-спектру связующего Топрак-калы, следовало снять ИК-спектры камедей других растений и, сопоставив их, убедиться, что они отличны как от ИК-спектров урюка и вишни, так и от ИК-спектра связующего Топрак-калы. Между тем этого сделано не было. Значит, не доказано, что ИК-спектр связующего Топрак-калы менее схож с ИК-спектром другой камеди, нежели с ИК-спектрами урюка и вишни. Следовательно, нет доказательств и тому, что этот клей не может быть уподоблен камедям других (не урюка и вишни) деревьев.

Ранее мы говорили о том, что ход анализа, выбранный автором статьи[24], является частью схемы, предложенной зарубежными коллегами для анализа не только полисахаридного, но и белкового и других связующих живописи[25]. В связи с этим непонятна приверженность автора именно к полисахаридному связующему. Предвзятость поиска полисахаридов и игнорирование других возможных связующих (белков, липидов и т. д.), присущие этой работе[26], также вызывают недоумение. Примем во внимание следующее. На первом этапе исследования в красном пигменте из Кара-тепе найдены «в основном аминокислоты» и лишь «следы моносахаридов» (с. 153). Там же высказана справедливая, с нашей точки зрения, мысль: «чтобы достоверно убедиться в наличии связующего, его необходимо выделить». Казалось бы, следуя своему заключению, автор должен был направить поиск по пути выделения прежде всего белкового связующего, поскольку в образце преобладают аминокислоты (структурные единицы белков), а не моносахариды (структурные единицы полисахаридов). Однако В. Я. Бирштейн приступает к выделению не белкового, но полисахаридного компонента. Обнаруженные же в пигментах Кара-тепе аминокислоты автор склонен без экспериментального обоснования причислить к спутникам полисахаридов (с. 156). Само по себе утверждение о примесном характере найденных в преобладающем количестве аминокислот кажется странным. Для доказательности этого положения надлежало, по нашему мнению, данные по аминокислотному составу различных камедей сопоставить с результатом количественного анализа, представленного на с. 156, и убедиться в их соответствии.

[24] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.
[25] L. Masschelein-Kleiner, I. Hylen, F. Tricot-Marckx. Contribution à l'analyse des liants, adhésifs et vernis anciens.
[26] В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе.

Необходимо еще иметь в виду, что все изученные памятники археологического происхождения. Однако в методическом подходе к их исследованию не приняты во внимание их особенности. Дело в том, что в погребенной под землей живописи в течение столетий в результате старения, деятельности микроорганизмов и циркуляции грунтовых вод могло происходить взаимодействие составляющих системы (красочного слоя, грунта, штукатурки, почвы) и перераспределение в них водорастворимых веществ. Поэтому количественный анализ компонентов красочного слоя и грунта, по нашему мнению, должен быть соотнесен с количественным анализом штукатурки и желательно почвы. Иначе легко прийти к ошибочным выводам.

В заключение приходится констатировать, что факт использования камедей в качестве связующего пигментов и грунтов стенных росписей Кара-тепе и других памятников Средней Азии вопреки утверждению В. Я. Бирштейна в рассматриваемой [27] и прочих его работах [28] остается недоказанным.

---

[27] Там же.

[28] В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Древняя живопись в инфракрасных лучах; V. Birstein. On the Technology of Central Asian Wall Painting; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский. Исследование и идентификация полисахаридов; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, А. В. Троицкий. Исследование органических компонентов; V. Birstein. A study of Organic Components; он же. Исследование органических и неорганических компонентов красок и грунтов; он же. Принципы и методы исследования; он же. Некоторые вопросы технологии; он же. К вопросу технологии.

И. Г. Равич, М. С. Шемаханская

О ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ МИНЕРАЛИЗОВАННОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕТАЛЛА

Когда речь идет об археологических изделиях из металла, отмечается, что «прежде, чем стать предметом изучения и войти в коллекцию музея, такие предметы должны быть своевременно реставрированы и защищены от дальнейшего разрушения»[1]. Можем ли мы согласиться с предложенным порядком при работе с минерализованным археологическим металлом? Обычно такой металл покрыт толстым слоем продуктов коррозии и почвы. Первой и одной из самых ответственных операций при реставрации является очистка. Причем степень очистки зависит от сохранности предмета. Если на нем плотная равномерная патина и сам металл не нарушен, то счищаются только посторонние загрязнения; при здоровом металле и рыхлых продуктах коррозии очистка производится до металла. Часто предмет оказывается полностью минерализованным, удаление продуктов коррозии в этом случае привело бы к его ослаблению и обнажению неестественной минерализованной поверхности, поэтому очистка сводится к удалению рыхлых продуктов коррозии и стабилизации оставшихся. И последний, самый безнадежный случай, когда форму предмета образуют рыхлые продукты коррозии, которые после незначительной поверхностной очистки стабилизируются и закрепляются.

Следующим этапом при реставрации является сборка предмета, если он найден во фрагментах, а также укрепление и окончательная консервация, чтобы защитить предмет от воздействия окружающей среды.

При всем желании реставраторов вдохнуть в древний предмет новую жизнь, вылечить от тяжелого заболевания, приведшего к необратимым изменениям, это не всегда удается. В результате мы, к сожалению, весьма часто имеем набальзамированную мумию, залог сохранности которой — ее неприкосновенность.

---

[1] М. К. Калиш. Реставрация древних художественных предметов из меди и бронзы.— «Сообщения ВЦНИЛКР». 13, 1964, с. 5.

Таким образом, говорить об изучении вещи (если под изучением понимать не только искусствоведческое, но и химико-технологическое исследование) после ее реставрации не приходится. Кроме того, в процессе реставрации археологического металла теряется часть информации. Так, например, при очистке металла вместе с продуктами коррозии уничтожаются следы других материалов: текстильных отпечатков, четко прослеживаемых на керамике[2] и фиксируемых также и на поверхности продуктов коррозии (ил. 29а), другого металла, так или иначе сопряженного с изучаемым предметом, следы авторской декоративной отделки поверхности и т. п.

Кроме того, фактура и характер распределения трещин корродированного металла имеют зачастую не случайный, а закономерный характер. Образуясь в местах концентрации напряжений в кованых изделиях, они однозначно связаны со схемой обработки (ил. 29б). Вообще, степень сохранности металла в большой мере связана с технологией его изготовления: литой металл сохраняется значительно лучше, нежели кованый, и если предмет изготовлен по сложной технологии, то кованая часть (ил. 29в — донышко бутылочки) имеет большие разрушения по сравнению с литой (ил. 29в — тулово бутылочки).

В последнее время большое значение придается металлографическому анализу массовых серий изделий для определения технологии изготовления, уровня владения техническими процессами и т. д. Для проведения такого исследования обычно берется кусочек здорового металла от предмета и изготовляется шлиф. Если такую задачу поставить перед собой до реставрации, то для приготовления шлифа[3] можно использовать естественный скол или приготовить шлиф непосредственно на поверхности предмета (ил. 29г).

До сих пор металлографическому анализу подвергались вещи, сохранившие здоровый металл, изделия с плохой сохранностью исключались из исследования[4]. Однако, исходя из того, что процесс коррозии очень чувствителен к любым неоднородностям металла (разной степени деформации, различным структурным неоднородностям, различиям по химическому составу и пр.), можно предположить образование продуктов коррозии металла, которые воспроизводят первоначальную структуру сплава. О возможности такого процесса сообщалось в работе

---

[2] Б. А. Литвинский, Э. Гулямова и А. Е. Павлова. Из истории ткачества в Западной Фергане.— «Изв. АН ТаджССР». Отделение общественных наук. 1962, 1 (28), с. 46.

[3] Методику изготовления шлифов на поверхности предмета см.: C. Penseri, M. Leoni. Advanced Methods foı the Metallurgical Examination of Archaeological Metal Object.— Recent Advances in Conservation. L., 1963, с. 101—103.

[4] Н. Н. Терехова. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.— Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 16.

по исследованию коррозии древнекитайских бронз, в которой приводится фотография микроструктуры патины литого сплава, сохранившей характерную для исходного литого металла дендритную структуру [5]. Однако в данной работе речь идет об атмосферной коррозии бронзы. Проведенное нами изучение ряда археологических предметов из бронзы, относящихся к находкам из памятников кушанского времени Северной Бактрии (Кара-тепе, Ак-тепе II, Тепаи-шах и Каменное городище), показало, что некоторые особенности структуры исходного металла сохраняются и после практически полной его минерализации. Для металлографического анализа разрушенного металла были отобраны вещи в различной степени минерализованные вследствие процессов почвенной коррозии: фрагмент зеркала [6], киаф [7], фрагмент курильницы [8].

Исследование предметов мы начали с рассмотрения структуры предмета сначала при минимальных увеличениях с помощью бинокулярной лупы. Затем отдельные характерные участки изучались при больших увеличениях с использованием металлографического микроскопа.

Уже исследование с помощью бинокулярной лупы показало, что в корродированном металле наблюдается весьма характерное волокнистое расположение продуктов коррозии, повторяющее форму изделия (ил. 30а, б). Продукты коррозии располагались не хаотично, а строго закономерным образом, в виде чередующихся колец в сечении ручки киафа (ил. 30а) или в виде изогнутых, а затем прямолинейных слоев в соответствии с формой поперечного сечения курильницы (ил. 30б). Слоистая структура наблюдалась и в сечении центральной части зеркала. Подобное явление, а именно закономерное, слоистое, сходное со структурой дерева строение, наблюдается обычно после деформации металла. При этом слои повторяют обычно форму изделия [9]. Известно, кроме того, что в медных сплавах наблюдается явление полосчатой коррозии, которая связана с текстурой обработанного металла, причем коррозия сопровождается преимущественным растворением определенных граней кристаллитов [10]. В ряде изделий наблюдались характерные трещины, расположенные в участках наибольших напряжений, на-

---

[5] W. F. Collins. The Corrosion of Early Chines Bronzes.— «Journal of the Institute of Metals». Vol. 45. L., 1931, № 1, с. 48.

[6] Б. А. Литвинский. Работа Южно-Таджикистанского отряда в 1972 году (памятники Шаартузского района).— «Археологические работы в Таджикистане». Вып. 12 (1972). Душ., 1976.

[7] А. В. Седов. Работы в Бешкентской долине.— АО-77, 1978, с. 564.

[8] И. Р. Пичикян, А. Ф. Дубровин, В. Д. Сарабьянов. Открытие ботроса на Каменном городище.— АО-77, 1978, с. 561.

[9] Г. А. Кащенко. Основы металловедения. М., 1949, с. 261; И. И. Новиков, М. В. Захаров. Термическая обработка металлов и сплавов. М., 1962, с. 58.

[10] Ф. Тодт. Коррозия и защита от коррозии. Л., 1967, с. 38.

пример в переходе от криволинейной к плоской поверхности (ил. 30б — трещины указаны стрелками). Все это, вместе взятое, заставляет предположить, что процесс коррозии отражает особенности деформированной структуры исходного металла.

Исследование минерализованного металла начали с анализа не подвергшегося коррозии участка от бортика зеркала; он имел весьма характерную микроструктуру: на фоне мелкоигольчатой структуры наблюдались светлые фазы в виде овальных крупных включений (ил. 27а). Качественное исследование состава фаз методом лазерного спектрального анализа [11] показало, что они состоят из меди и олова. Аналогичные структуры зеркал и их интерпретация уже отмечались в литературе: состав сплава и характер микроструктуры позволил М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной сделать вывод, что изученная ими высокооловянистая бронза (15% олова) была подвергнута специальной термообработке — отжигу после литья при температуре «красного каления» металла, а затем закалке его в воде [12].

По мнению этих авторов, такая термообработка нужна для увеличения пластичности металла, необходимой для его последующей холодной обработки, а также для улучшения полируемости зеркала. Однако обработка, приводящая к характерной игольчатой структуре, не вызывает, как известно, значительного смягчения металла, что и исключает возможность холодной обработки высокооловянистых бронз [13], а допускает лишь горячую деформацию их при температурах «красного каления» металла. Поэтому можно предположить, что изученные М. Г. Мошковой и Н. В. Рындиной зеркала обрабатывали вгорячую, а затем охладили в воде, что и привело к образованию характерной игольчатой микроструктуры.

Такая же трактовка технологии изготовления применима, по-видимому, и к исследованному нами зеркалу с аналогичной микроструктурой. Важно отметить, что особенности ее (крупная круглая фаза, игольчатый фон) сохранялись и в корродированных участках зеркала (ил. 27б).

Своеобразной особенностью микроструктуры зеркала было наличие в ней участков чистой меди (ил. 27в), обладающих полиэдрической структурой, которая связана с восстановлением меди в процессе коррозии (ил. 27г).

Идентичен зеркалу по характеру микроструктуры и, следовательно, по технологии изготовления киаф (ил. 28а). При этом различные его области с большей и меньшей деформацией бы-

[11] Анализ выполнен в отделе физико-химических методов исследования ВЦНИЛКР В. П. Голиковым, которому мы, пользуясь случаем, выражаем свою признательность.

[12] М. Г. Мошкова, Н. В. Рындина. Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование).— Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 127.

[13] А. Шиммель. Металлография технических медных сплавов. М., 1933, с. 86.

ли особенно четко видны при бинокулярном наблюдении шлифов (ил. 28б). В областях с большой степенью деформации наблюдалось характерное для деформированного металла слоистое строение, сохранившееся и после коррозии; встречались также участки крупнозернистой структуры, характерной для меди (ил. 28в).

Суммируя вышеизложенное, можно утверждать, что полностью минерализованный археологический металл вопреки установившейся точке зрения поддается металлографическому структурному анализу и может исследоваться наряду с предметами, сохранившими металлическое ядро.

В.В. Вертоградова

ИНДИЙСКИЕ НАДПИСИ НА КЕРАМИКЕ ИЗ РАСКОПОК 70-х ГОДОВ НА КАРА-ТЕПЕ

I. Надписи кхароштхи

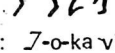
Еще совсем недавно — в 1963 г. — известный исследователь индийской письменности А.Х. Дани отметил в своей книге «Индийская палеография», что подтвердилось предположение А. Каннингэма, и нет ни одного примера, который бы свидетельствовал о распространении алфавита кхароштхи к северу от Гиндукуша[1].

Ряд осуществленных в последнее время публикаций, в том числе и та, которую мы предлагаем на страницах этой книги, предоставляют в распоряжение исследователей значительный материал, позволяющий говорить не только о широком распространении письменности кхароштхи к северу от Гиндукуша, но и о типологии надписей кхароштхи, об эволюции этого письма, равно как и о некоторых тенденциях развития буддийского учения в районе древней правобережной Бактрии.

Приводим новые тексты надписей алфавитом кхароштхи, сохранившиеся на 25 фрагментах керамических сосудов, найденных на Кара-тепе в 1970-1977 гг.

Три фрагмента (А-1872) размером 11,5 x 8 см; 6,5 x 3,7 см и 5,5 x 4 см, принадлежащие одному сосуду (ил. 18 аб), были найдены в наземном помещении между комплексами А и Б. На фрагментах представлен связный текст.

Сосуд покрыт оранжевым ангобом. Надпись расположена в средней части тулова.

Текст надписи:

Транслитерация: *ɟ*-o-ka vi-ha-ra-mi

Первые два знака oka представляют конец слова. Второе слово viharami — мест. пад. ед.ч. от существительного vihara (скр. vihāra) — «буддийский монастырь, вихара».

Перед нами, несомненно, дарственная надпись буддийскому монастырю с указанием его названия. Подобные названия вихар, например pravari-

[1] A.H. Dani. Indian Palaeography. Ox., 1963, c. 251.

ka-vihara или cutaka-vihara, сохранились во многих индийских надписях алфавитами брахми и кхароштхи[2]. Надпись с упоминанием слова «вихара» в форме viharomi была найдена ранее вблизи Термеза в районе Дуньо-тепе[3].

Фрагмент А-1871 размером 10 х 8,5 см был обнаружен во входной нише пещеры № 3 комплекса Б (ил. 19а). Сосуд покрыт красным ангобом с сетчатым лощением. Надпись расположена в средней части тулова.

Текст надписи:

Транслитерация: kha-de-va-ka-vi-ha-

В первом слове khadevaka начальная акшара (kha) в отличие от обычной (kha) написана с дополнительным диакритическим знаком (горизонтальной чертой вправо от основания акшары), передающим, видимо, фрикативный характер kh (=x) в иранских словах. Написание некоторых акшар с таким диакритическим знаком особенно характерно для рукописных документов Нийи и Крорайны[4]. Второе слово на этом фрагменте — viha- со следами следующего знака легко может быть восстановлено, как и в предыдущей надписи, — viharami.

Забегая вперед, отметим, что начало слова khade-, начертанное в надписи на большом сосуде (А-1885), о котором речь пойдет ниже[5], по-видимому, представляет часть аналогичного текста.

Сравнивая эти три надписи, можно заключить, что первая (А-1872) скорее всего содержит вариант того же слова khadevaka, записанного в виде khadeoka, и все три надписи могут быть восстановлены следующим образом:

1. [kha-de]-o-ka vi-ha-ra-mi
2. kha-de-va-ka-vi-ha-[ra-mi]
3. kha-de-/va/o-ka-vi-ha-ra-mi/

---

2 «Epigraphia Indica». Vol. 17, 1927, с. 67-68; см. также: Konow, с. 96; H. Lüders. Mathura Inscriptions. Göttingen, 1941, с. 121 и др.

3 М.Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. — «Труды УзФАН». Серия I. Вып. 2. 1941, с. 81; М.И. Воробьева-Десятовская. Памятники индийской письменности из Средней Азии. Индия в древности. М., 1964, с. 210-212.

4 T. Burrow. The Language of the Kharosthi Documents from the Chinese Turkestan. L., 1938, с. 6, 11; A.M. Boyer, E. Rapson, E. Senart. Kharosthi Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. P. 1. Ox., 1920, табл. 249. Несколько скругленный характер этой дополнительной черты в надписи А-1871 не дает права исключить возможность интерпретации этой акшары как khva (-xva), что представлялось бы еще более заманчивым для предлагаемого ниже толкования надписей. Однако недостаточная заглубленность нижней части знака и отсутствие загиба к его основной части скорее свидетельствуют в пользу чтения kha. Надо заметить, что акшара kha и без диакритического знака часто передает иранское фрикативное х.

5 См. ниже, с. 145, 147, рис. 26.

Таким образом, все три надписи являются дарственными надписями монастырю, называемому *khadevaka-vihara*.

Поскольку слово *khadevaka* (=*xadevaka*) не находит удовлетворительного объяснения на почве индоарийских языков, мы склонны предположить, что оно является рефлексом бактрийского ΧΟΑΔΗΟ.

Бактр. ΧΟΑΔΗΟ (*xwadēw*) восходит к др.-ир. **hvatāvya*[6] «владыка, властелин». Эта этимология впервые была установлена А. Мейе[7] применительно к н.-перс. *hudāy*. Отсутствие производных от **hvatāv-* в ахеменидских надписях и в Авесте позволило Мейе сделать предположение, что слово **hvatāv-* могло быть скалькировано иранцами во времена Аршакидов с греч. αὐτοκράτωρ, которое было для того времени обычной передачей лат. imperator.

Иная этимология этого слова была предложена В. Эйлерсом[8], который видит в нем образование от др.-ир. **hva-* (в форме авест. *xᵛata-*) с помощью ряда суффиксов, так что н.-перс. *xudā(i)* возводится к авест. **xᵛata-vant*. Эта этимология представляется менее обоснованной.

Производные от др.-ир. **hvatāv-* засвидетельствованы во многих среднеиранских языках: парфянском, среднеперсидском, согдийском. Что касается содержания этого термина, то в разных иранских языках и в разновременных государственных образованиях он мог иметь разные значения, являвшиеся вариантами основного значения «властелин». Специального исследования значений этого термина по всем иранским языкам не проводилось[9]. Здесь мы ограничимся привлечением только бактрийских надписей, сохранивших наиболее раннее употребление этого термина. Эти надписи неоднократно рассматривались исследователями. Отметим, что обе упомянутые заметки по этимологии н.-перс. *xudā(i)* были написаны до открытия бактрийских текстов.

В кушанский период слово ΧΟΑΔΗΟ засвидетельствовано дважды в большой сурхкотальской надписи[10]. В первом случае в контексте: ΜΑΡΗΓΟ ΠΙΔΟ Ι ΧΟΑΔΗΟ ΦΡΟΜΑΝΟ (версии М и В) «покорный приказу государя»[11],

---

[6] A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). — JA. T. 246, 1958, с. 347; W.B. Henning. The Baktrian Inscription. — BSOAS. Vol. 23, 1960, с. 50.

[7] A. Meillet. Notes iraniennes. — MSLP. Vol. 17, 1912, с. 109; см. также: M. Mayrhofer. Das Bemühen um Surkh-Kotal Inschrift. — ZDMG. Bd 112, 1962, с. 326.

[8] W. Eilers. Der Name Demawend II. — «Archiv Orientální». 1956, № 2, с. 184-185.

[9] Лишь отчасти этот пробел восполнен Э. Бенвенистом применительно к парфянскому и согдийскому языкам. См.: E. Benveniste. Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966, с. 20, 29.

[10] A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan), с. 345-440; E. Benveniste. Inscriptions de Bactriane. — JA. T. 249, 1961, с. 113-152.

[11] W.B. Henning. The Baktrian Inscription, с. 50. Об ином толковании этого сочетания см. с. 152, примеч. 64.

во втором случае – в сочетании ФРЕІХОАΔНОГО (все три версии), которое толкуется исследователями этой надписи либо как почетный эпитет («любимец государя»)[12], относящийся к наметнику (КАРАЛРАГГО), либо как имя собственное с патронимическим суффиксом -ГО, т.е. «сын Фрихвадева»[13]. Это сочетание находит аналогию в надписи на гемме, изданной А. Каннингэмом[14], где читается ФРЕІХОАΔНО[15].

Оставляя пока в стороне разногласия в интерпретации этого словосочетания, мы считаем, что слово ХОАΔНО, без сомнения, имеет значение «царь», а в большой сурхкотальской надписи – в этом можно согласиться с В. Хеннингом – «it clearly denotes the Kusan emperor».

Тем не менее место термина ХОАΔНО в титулатуре кушанского времени не совсем ясно. Дело в том, что в большой сурхкотальской надписи этот термин употребляется наряду с термином ҎАО, засвидетельствованном в титуле ВАГО ҎАО «владыка государь».

Недавно термин ХОАΔНО был прочтен в найденных при раскопках на Дильберджине фрагментах бактрийской надписи на каменном блоке. Однако смысловой контекст этого слова недостаточно ясен[16].

Других упоминаний термина ХОАΔНО, кроме указанных надписей, для этого периода нет.

Некоторое косвенное свидетельство о титуле ХОАΔНО дают легенды монет эфталитских правителей (IV-VII вв.), которые, завоевав Бактрию, приняли в качестве официального языка бактрийский и, видимо, заимствовали бактрийскую титулатуру.

На эфталитских монетах употребляются параллельно оба титула: ХОАΔНО (или ХΔНО) и ҎАО (или ҎАУО).

Ср.: ҮІОNО ХΔНО[17]
ҎАУО ХІОNО[18] } «государь хионитов».

Многие эфталитские монеты засвидетельствовали полный титул ВАГО ХОАΔНО. Например: СРІ ВАГО ОZҎОВАΔІГО САNАΝО ВАГО ХОАΔНО

---

[12] J. Harmatta. The Great Baktrian Inscription. – «Acta Ant. Hung». T. 12, 1964, c. 471.

[13] W.B. Henning. The Baktrian Inscription, c. 50. См. также: В.А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе. – «Кара-тепе II», с. 58.

[14] A. Cunningham. Later Indo-Scytian. – NC. 1893, Third Series, табл. XII, № 18, с. 116.

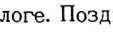
[15] Чтение этой надписи более точно было установлено А. Мариком (A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan), с. 362).

[16] В.А. Лившиц, Т.И. Кругликова. Фрагменты монументальной бактрийской надписи из Дильберджина. – Древняя Бактрия. Т. 2. М., 1979, с. 103.

[17] R. Ghirshman. Les Chionites-Hepthalites. – MDAFA. T. 13. Le Cairo, 1948, № 7, 9-12.

[18] Там же, № 5, 15.

«Достопочтенный владыка Озробадиго (?) одолевший врагов (?) владыка государь»[19].

На этой же монете засвидетельствована одновременная передача этого титула алфавитом брахми:

Надпись читается: vakhudivaḥ[20] и соответствует полному титулу: ВАГО ХОАΔНО.

Сравнивая индийскую передачу термина ХОАΔНО в надписях из Каратепе и в эфталитской монетной легенде, можно заметить, что каратепинское khadevaka достаточно точно воспроизводит современное ему бактрийское написание этого слова в сурхкотальской надписи. Отказ от передачи начального xwa (инд. kha = ир. xa) можно объяснить либо отсутствием в каратепинском варианте кхароштхи лигатуры (khva) для передачи ир. xwa (впервые встречается в текстах из Нийи), либо стремлением воспроизвести в этом слоге реальное звучание ХОАΔНО, которое должно было в это время произноситься в соответствии с осуществившимся уже переходом xwa > xə, причем краткое ə̆ в начальном слоге могло выступать по диалектам в виде любого краткого редуцированного гласного (ə̆, ĭ, ŭ), т.е. слово это могло реально существовать в трех фонетических вариантах: xə̆dēw, xŭdēw, xĭdēw с последующим возможным сужением ē > ī в последнем слоге. Поздняя индийская передача vakhudivaḥ, видимо, вполне точно воспроизводит реальное произношение того времени: vakhudivaḥ < vak-khudivaḥ < βαγ-xudiw[21].

Что касается суффикса -ka в слове khadevaka, то надо заметить, что этот суффикс получил большое распространение как в среднеиндийских, так и в среднеиранских языках (в бактрийском он выступает в виде -ГО). В среднеиндийский период этот суффикс чаще всего представляет так называемое ka svarthe, т.е. ka, не изменяющее основного значения слова[22], или же может иметь значение, приближающееся к значению определенного артикля[23]. В каратепинских надписях для khadevaka можно предполагать и то и другое значение.

---

19 R. Göbl. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen. Wiesbaden, 1967, Em. 244; см. также: H. Humbach. Kušan und Hepthaliten. München, 1961, c. 30; В.А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 71.

20 Некоторые исследователи, в том числе Р. Гебль, транслитерируют эту надпись как vakhudevaḥ. Более правильным представляется чтение vakhudivaḥ.

21 Не исключено, что в данном случае может иметь место гаплология, т.е. vakhudivah < vakhu-khudivah. См.: Х. Хумбах. Кара-тепе – Точи – Сурх-Котал. – «Кара-тепе III», с. 122.

22 F. Edgerton. Buddhist Hybrid Sanskrit. Vol. 1. Grammar. New Haven, 1953, § 22, 23; 22, 24.

23 Там же, § 22, 26.

Кажется, инд. khadevaka свидетельствует о том, что и в большой сурхкотальской надписи суффикс -ГО употребляется в том же значении, что и в каратепинской, а не для передачи патронимических отношений, тем более что для передачи последних в самой надписи два раза употребляется слово ПОУРО «сын» (ср. КОΖГАРКІПОУРО, ВОРΖОМІРОПОУРО). Во всяком случае, следует обратить внимание на полную грамматическую аналогию:

khadeva-ka } ср. ΟΖРОВАΔІ-ГО (возможно, соотв. инд.
ФРЕІ-ХОАΔНО-ГО } vajrapati-ka).

Как свидетельствуют рассмотренные выше тексты, оба слова могут употребляться и без суффикса -ka (-ГО):

va-khudivah }
ФРЕІ-ХОАΔНО }

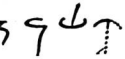
В связи с этим трактовка ФРЕІХОАΔНОГО («king's favorite») как почетный эпитет, относящийся к наместнику, представляется более убедительной.

Сравнительно небольшое количество текстов не дает возможности сделать окончательные выводы о соотношении двух терминов: РАО и ХОАΔНО. Пока что можно согласиться с предположением Я. Харматты, что ХОАΔНО есть чисто бактрийское обозначение царя[24]. (Термин РАО заимствован из среднеперсидского языка.)

Исследовавшие бактрийские надписи сасанидского времени Я. Харматта и В.А. Лившиц при всех разногласиях в чтениях сходятся на возможности восстановить термин ХОАΔНО в надписи-граффити № 61 (по нумерации Я. Харматты), где сохранилось написание ОАΔНО. Однако контекст этого слова не совсем ясен и вызывает разногласия[25].

Итак, возвращаясь к трем рассмотренным каратепинским надписям, следует напомнить, что все они соедржат, видимо, один и тот же текст (фрагмент дарственной надписи), который восстанавливается как kha-deva/o-ka-vi-ha-ra-mi «Вихаре Государя».

Фрагмент А-1878 размером 6,5 х5 см, обнаруженный в свалке, расположенной к северу от северного двора комплекса Б, содержит четыре знака надписи (первый сохранился не полностью). Надпись сделана в средней части тулова (ил. 20 б).

Текст надписи:

Транслитерация:]-ṣa/ṣu-me-ra-ka-[

Интерпретация текста затруднительна. Лишь очень отдаленно он может быть сопоставлен с палийским sumeru (скр. meru), названием известной мифической горы, центра мироздания. В буддийских текстах на гиб-

---

[24] J. Harmatta. The Great Baktrian Inscription, c. 431; он же. The Baktrian Inscriptions from Kara-tepe. — «Кара-тепе, II», с. 94.

[25] J. Harmatta. The Bactrian Inscriptions from Kara-tepe, c. 94-95; В.А. Лившиц. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. — «Кара-тепе IV», с. 60. Пользуюсь случаем выразить признательность В.А. Лившицу за ценные консультации.

ридном санскрите sumeru встречается в качестве имени собственного, а sumerukalpa– в качестве имени Будды[26].

Однако возможно и другое членение текста: ṣa/ṣu meraka, т.е. ṣa или ṣu представляет конец первого слова. В этом случае второе слово meraka может быть сопоставлено с именем mera или merekhisu, которое засвидетельствовано в надписях-граффити из Гильджита[27].

На фрагменте А-1890 размером 13,5 x7 (ил. 19 г) надпись была сделана в средней части тулова на поверхности, покрытой коричневым ангобом вдоль границы верхней, более светлой поверхности. От надписи сохранилось два знака, по обеим сторонам которых заметны следы еще двух знаков.

Текст надписи:

Транслитерация:]-me-la-[

Интерпретация текста затруднительна. Не исключена возможность видеть здесь вариантное написание того же слова meraka, которое засвидетельствовано в предыдущей надписи.

Два фрагмента А-1899 размером 18 x7 и 16 x6 см принадлежат одному сосуду, покрытому красным ангобом с полосчатым лощением. На нижнем фрагменте видна граница неангобированной поверхности. На верхнем фрагменте сохранилась надпись[28].

Текст надписи:

Транслитерация:]-la-de-ya-dhaṃ

Первый знак la, по всей вероятности, представляет конец имени собственного типа dharmapāla или sanghapāla (перед la заметны следы еще двух знаков).

Второе слово - deyadhaṃ легко восстанавливается как deyadhaṃme «посвятительное даяние»[29]. Однако слева от лигатуры dhaṃ на значительном протяжении нет никаких знаков. Возможно, надпись была не закончена. Ее предполагаемое содержание: «посвятительное даяние такого-то».

Фрагменты А-1851 размером 4,5 x3,5 см и А-1852 размером 2,5 x2 см принадлежат сосуду, покрытому красным ангобом с сетчатым лощением (ил. 21 б, а). На фрагментах сохранилась надпись из пяти знаков. Нижние части знаков утрачены, однако легко восстанавливаются.

Текст надписи:

Транслитерация: bu-dha-śi-ra-sa

---

[26] Sukhavativyūha, 5, 10; 98, 15.

[27] G. Fussman. Inscriptions de Gilgit. – BEFEO. T. 65, 1978, c. 14, 18.

[28] Из-за плохой сохранности эта надпись дается только в прорисовке.

[29] Это слово засвидетельствовано в надписи на большом сосуде, см. с. 145, 147.

Имя Budhaśira (Buddhaśira) видимо, принадлежит известному проповеднику буддийского учения и засвидетельствовано на Кара-тепе в надписях брахми и кхароштхи[30].

На фрагменте А-1847 размером 3,7 х 4,5 см представлена одна акшара , которая читается -śi- и скорее всего принадлежит тому же слову budhaśira (ил. 21 в).

Фрагмент А-1860 размером 4,5 х 4 см сохранил два знака надписи. Надпись сделана вдоль границы, отделяющей верхнюю, ангобированную поверхность (ил. 19 в).

Текст надписи:

Транслитерация: su-ha

Слово suha (скр. sukha) «счастье» — обычный элемент вотивной формулы hidasuhae «для блага и счастья». Однако слева от акшары ha не видно следов каких-либо знаков, указывающих на флексию косвенного падежа.

Фрагмент А-1879 размером 3,5 х 3,5 см был найден во входной нише пещеры 3 комплекса В. Надпись расположена ближе к верхнему краю сосуда (ил. 19 б).

Текст надписи:

Транслитерация: ⟨-ya-da-e-bha-⟩

По-видимому, текст является концом надписи и может быть восстановлен как ⟨yadae bhava⟨tu⟩. Часть первого слова – -yadae можно характеризовать лишь грамматически как среднеиндийскую форму дательного падежа имени или причастия. Т.В. Грек[31] был опубликован фрагмент надписи, близкой по характеру рассматриваемой: ⟨daṭhayabhavatu. Видимо, оба текста выполняли функцию завершающего надпись призыва: «Пусть будет для того-то!»

Аналогичная грамматическая форма восстанавливается на фрагменте А-1902 размером 14 х 5,5 см. На этом фрагменте близко к самому краю сосуда (видимо, блюда) сохранились три знака надписи (ил. 20 в).

Текст надписи:

Транслитерация: -kha-ya

Слева от акшары ya на поверхности длиной 6 см нет никаких знаков. По-видимому, текст является концом известной вотивной формулы: sarvasatvanaṃ hitasukhaya в санскритизированном ее варианте или sarvasatvanahidasuhae — в среднеиндийском[32].

---

[30] Т.В. Грек, В.А. Лившиц. Двуязычная надпись из Кара-тепе. — «Кара-тепе III», с. 118-121; Т.В. Грек. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе. — Там же, с. 114-117.

[31] Т.В. Грек, В.А. Лившиц. Двуязычная надпись из Кара-тепе, с. 116.

[32] См. с. 142.

Фрагмент $\frac{\text{КГ-77}}{\text{В-4н}}$ размером 9,5 х6 см был найден в завале ниши двора комплекса В. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Надпись расположена у самого верхнего края сосуда и содержит еле заметные следы около десяти знаков[33]. Читаются только три знака с правого края фрагмента.

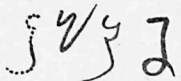
Текст надписи:

Транслитерация: ⁄-di-śa-mi

Текст легко восстанавливается как часть известной вотивной формулы: saṃghami⁄cadu⁄diśami «сангхе четырех сторон света»[34].

Фрагмент А-1901 размером 3 х3 см содержит один знак , читающийся ⁄-mi, и следы предшествующего знака. Возможно, здесь представлена та же вотивная формула, что и на предыдущем фрагменте. Чтение viharami исключается, так как знак ra должен был бы кончаться на том же уровне, что и вертикаль знака mi, чего в надписи не наблюдается.

Фрагмент А-1869 размером 11,5 х10 см представляет верхнюю часть сосуда. С правого края фрагмента видны остатки отбитой ручки. На уровне середины ручки проходит граница, отделяющая верхнюю ангобированную поверхность. Под этой линией находится надпись. Часть надписи, представленная на фрагменте, служит продолжением той части, которая расположена по другую сторону ручки (ил. 20 а).

Текст надписи:

Транслитерация: ⁄-rva-sa-tva-na(ṃ)

Здесь легко восстанавливается сложное слово: sarvasatvanaṃ «всех живых существ» (род. пад. мн. ч.), возможно являющееся частью вотивной формулы: sarvasatvanaṃ hitasukhaya «ради блага и счастья всех живых существ». Эта формула засвидетельствована в надписи на сосуде, найденном неподалеку от Термеза в виде: sarvasatvana hidaye suhaye[35]. В форме sarvasatvanaṃ agre pratiyaṃśo «в будущем благая доля для всех живых существ» это сочетание встречается на сосуде из Дхераи[36]. В ином контексте встречается это сочетание в публикуемой ниже надписи.

Фрагмент А-1888 размером 6 х5 см принадлежит тонкостенному сосуду, найденному во входной нише перед маленькой комнатой пещеры 1 комплекса В. На покрытой светло-желтым ангобом поверхности сохранилась надпись из трех знаков (ил. 18 в).

Текст надписи:

Транслитерация: a-tma-na/no

---

[33] Из-за плохой сохранности надпись дается только в прорисовке.

[34] См. с. 147.

[35] М.И. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхароштхи из Термеза. – ВДИ. 1974, № 1, с. 116.

[36] Konow, c. 66.

Огласовка последней акшары не показана, однако скорее всего можно предполагать чтение no.

atmano — род. пад. ед. ч. от atman «я» в значении «свой». Сличение с другими надписями кхароштхи позволяет угадать здесь также известную вотивную формулу: atmano (atvano) arogadakṣinae ñatimit(r)asalohidana arogadakṣinae «ради своего здравия и ради здравия родственников, друзей и кровных сородичей»[37].

Фрагмент $\frac{КТ\text{-}77}{Н\text{-}3}$ размером 10 x 6 см (ил. 22) был найден в северном коридоре пещеры 5 комплекса Г. Сосуд покрыт красным ангобом. Надпись сделана в верхней части тулова.

Текст надписи:

Транслитерация: o/a-sva-vha-ra-sa

Первых два знака надписи расположены несколько ниже остальных и хитро соединены друг с другом. При таком стилизованном написании очертания первого знака не совсем ясны. Во всяком случае, это может быть либо о , либо а . Второйи знак представляет лигатуру sva, засвидетельствованную в этой форме в документах из Нийи[38]. Загиб вправо петли акшары sva и соединение ее с серединой акшары o (или a) создает комбинацию o-sva или a-sva.

Следуюший знак , который раньше транслитерировали как pha или p̀ha[39], в настоящее время принято передавать как vha[39]. Что касается значения vha, то на этот счет выдвигались разные мнения. В документах из Нийи и в некоторых надписях кхароштхи эта акшара обычно передает иноземный глухой фрикативный. Стоит напомнить ряд имен иранского происхождения, образованных с элементом -vhara, восходящим к авест. hvarna[40], например имя известного парфянского правителя guduvhara (греч. Γονδοφάρης), засвидетельствованное на монетах и в надписи кхароштхи из Тахти-Бахи, имя tiravhara, встречающееся в документах из Нийи. Известно и бактрийско-индийское соответствие Ф = vh на печати из Британского музея: ΦΡΑΜΑΝΟ — vhramanasa[41].

Однако в ряде других случаев знак vha варьирует с bha и va (ср. употребление этого знака в последовательностях типа bhagavha и karavhaena).

---

37 Там же, с. 110.

38 G. Bühler. Indische Palaeographie. Strassburg, 1896, табл. 1:; A.M. Boyer, E. Rapson, E. Senart. Kharosthi Inscriptions, табл. 249.

39 J. Brough. The Gāndhāri Dharmapada. Londres, 1962, Introduction, §12. A.H. Dani. Indian Palaeography, табл. XXIII b; G. Fussman. Documents epigraphiques Kouchans. — BEFEO. T. 61, 1974, с. 22.

40 H. Lüders. Mathura Inscriptions, с. 121; Konow, с. 62.

41 Corpus inscriptionum iranicarum. P. III, vol. VI. L., 1968, табл. XXVII, 1; см. также: Х. Хумбах. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе. — «Кара-тепе IV», с. 64.

По справедливому замечанию Дж. Брафа, акшара vha могла употребляться для передачи как звонкого билабиального фрикативного β, так и для глухого f[42].

Следующие акшары надписи ra и sa никаких затруднений не вызывают. Так что текст на фрагменте может быть прочитан как osvavharasa (или asvavharasa), т.е. род пад. от osvavhara. Можно думать, что каратепинское osvavhara передает известное имя, засвидетельствованное во многих иранских языках: авест. aspabāra, перс. asabāra, хот. aśśabāra, в текстах из Крорайны aśpavara, и заимствованное в санскрит в форме aśvavāra. Примечательно, что это слово, которое имело значение «всадник», могло употребляться и как титул, относящийся к представителю военной знати[43]. Возможность прочтения первой акшары как o наталкивает на мысль, что индийская надпись воспроизводит бактрийскую форму этого слова, которая засвидетельствована в послекушанское время как АСВАРО[44] по-видимому из более раннего АСВАВАРО или ОСВАВАРО (= osbaβaro).

Форма род. пад. имени osvavhara-sa заставляет думать, что перед нами еще один донатор, видимо из числа местных знатных упасак.

Фрагмент $\frac{\text{КТ-79}}{\text{В-1}}$ [45] размером 8 х5 см принадлежит сосуду, покрытому красным ангобом с сетчатым лощением (ил. 21 д). На фрагменте сохранилось пять знаков надписи:

Текст надписи: 𐨨𐨿𐨣𐨱𐨪

Транслитерация: bu-dha-saṃ-ma-ta

Первая часть этого сложного слова — budha (= buddha), вторая — saṃmata — причастие от глагола sam + man, засвидетельствованное в палийских текстах и в текстах на гибридном санскрите в значении: «рассматриваемый в качестве...», «почитаемый как...»

Ср. пали sādhu-saṃmata «рассматриваемый как благо».

Сочетание budhasaṃmata «рассматриваемый как будда», «почитаемый как будда» скорее всего является именем собственным одного из буд-

---

[42] J. Brough. The Gāndhāri Dharmapada. Introduction, §12.

[43] E. Benveniste. Titres et noms propres en Iranien ancien. P., 1966, с. 98-99; Э.М. Грантовский. Ранняя история иранских племен передней Азии. М., 1970, с. 266, 310; В.А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 66.

[44] Ср. АСВАРОВІΔО «начальник кавалерии» в бактрийской надписи на хионитской гемме (см.: Б.Я. Ставиский. Хионитская гемма-печать. — СГЭ. 20, 1961, с. 54-56; интепретация надписи: W.B. Henning. A Bactrian Seal Inscription. — BSOAS. Vol. 25, 1962, p. 2, с. 335; см. также: В.А. Лившиц. К открытию бактрийских надписей, с. 66), во всяком случае, фонологически asbaβaro представляет собой стадию, через которую не могло не пройти бактр. АСВАРО на своем пути от др.-ир. *aspabara.

[45] Этот фрагмент, найденный при раскопках 1979 г., материалы которых в данное издание не включены, помещен здесь ввиду его особой важности для интерпретации других публикуемых текстов. — *Примеч. ред.*

дийских учителей Термеза, возможно образованным по аналогии с mahā-sammata, именем знаменитого предка и основателя рода Шакьев, засвидетельствованным в Джатаках и Цейлонских хрониках[46].

В связи с этим следует напомнить, что в третьем выпуске «Кара-тепе» Т.В. Грек упоминается фрагмент надписи кхароштхи ($\frac{КТ-65}{1к-4}$)[47], где, по словам автора, читается buddhas-, что позволяет предположить и в этом случае чтение buddhasaṃmata (к сожалению, текст этой надписи в указанном автором таблице отсутствует).

Во время полевого сезона 1973 г. на Кара-тепе было найдено 8 фрагментов одного большого сосуда диаметром около 60 см. Все фрагменты обнаружены в нише, расположенной в юго-восточном углу пещеры 1 комплекса В. На фрагментах сохранилась надпись, сделанная в одну строку и опоясывающая сосуд в наиболее широком месте. Надпись расположена на желтовато-серой поверхности под самой линией границы, отделяющей верхнюю, ангобированную поверхность (ил. 16, 17).

На фрагментах представлены начало надписи, конец и значительная часть остального текста. Некоторые частично утраченные слова достаточно надежно реконструируются. Текст надписи:

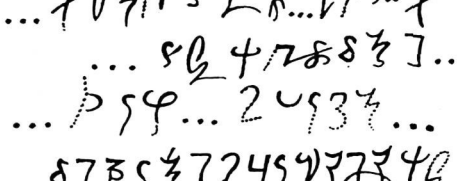

Рис. 26

Транслитерация:

i-yo-(pa/pu)-ṇe-/ /-(gho)-jha-de-ya-dhar-me-ni-/ /-va-caṃ-du-diṃ-śa-mi-kha-de-/ /-ca-rya-na-ma-ha-/ /-ga-na-(pa)-/ /-(kha)-mi-sa-rva-sa-tva-naṃ-da-ho-va-ce-da-bha-va-tu

Переходим к подробному разбору надписи. iyo — одна из среднеиндийских форм указательного местоимения м.р. (соответствует скр. ayam). В надписях кхароштхи употреблялась параллельно форме ayam.

Восстановление второго и третьего слов надписи представляет наибольшие затруднения. Вследствие того что нижняя часть акшары ꤐ сколота, нельзя точно установить ее огласовки: pa или pu. Следующий знак, также несколько поврежденный, скорее всего дает чтение ꤁ ṇe. Таким образом, чтение этих знаков, представленных на первом фрагменте А-1886, может быть либо paṇe, либо puṇe. Поскольку дальше текст прерывается, можно предложить две реконструкции: в первом случае paṇeghaṭa (или

---

[46] Jātaka, II, 311: Mahāvaṃsa, II, 1; см. также с. 157.

[47] Т.В. Грек. Новые индийские надписи из раскопок Кара-тепе, с. 116.

paṇeghaḍe), сопоставимое с палийским pānīyaghaṭa[48] «сосуд для питьевой воды», во втором случае puṇaghaṭa, соответствующее пал. puṇṇaghaṭa букв. «наполненный сосуд». Этим термином обозначался большой сосуд, наполненный пищей, который приносился буддийским монахам в праздничные дни[49].

Наконец, есть еще одна возможность — прочесть надпись iyo puṇe как «эта пунья», т.е. накопление благих заслуг за совершение благочестивых дел, в частности даяний. Слово puṇe засвидетельствовано в некоторых надписях кхароштхи[50]. Возможно, после этого фрагмента часть надписи утрачена. Наиболее вероятно, что следующим по порядку должен быть фрагмент А-1881.

Первый знак на этом фрагменте сохранился лишь наполовину и предположительно восстанавливается как , т.е. gho. Второй знак представляет так называемое угловатое ǰha , написанное с дополнительным диакритическим знаком.

Акшара jha, которая редко встречается в собственно индийских надписях, хорошо известна по документам из Нийи, где две формы — круглая и угловатая — имеют разное значение. Угловатое jha находится в свободном варьировании со знаками sa и ṣa. Кроме того, оно употребляется как эквивалент греческого в надписях на монетах царя Зоила. Ср. jhoilasa, греч. [51]. Все это привело издателей документов из Центральной Азии к выводу, что угловатое jha представляло звонкий сибилянт za, хотя иногда могло служить для записи sa[52]. Можно думать, что такое же значение имеет акшара jha и в нашей надписи. Видимо, на это же указывает и диакритический знак, который поставлен, чтобы отличить ǰha от обычного индийского jha.

Таким образом, первое слово на этом фрагменте реконструируется как ghoǰha (= ghoza или ghosa) и, возможно, соответствует ср.-инд. ghoṣa. Это слово сохранилось во многих текстах как имя, известное в форме ghoṣa, ghoṣaka и ghoṣita, а также как вторая часть собственных имен типа buddhaghoṣa, aśvaghoṣa (скр. aśvaghoṣa), и восходит к слову ghoṣa «звук» (скр. ghoṣa).

---

48 Написание церебрального ṇ вместо зубного n в надписях кхароштхи встречается довольно часто. См.: Konow, c. CII-CIII; см. также: G. Fussman. Intailles et empreintes indiennes du cabinet des medailles de Paris. — «Revue Noumismatique». 6e serie. T. 14, 1972, c. 30.

49 Dhammapada-Atthakathā, I, 147.

50 Konow, c. 58.

51 См.: British Museum Catalog, табл. XII, 10.

52 A.M. Boyer, E. Rapson, E. Senart. Kharosthi Inscriptions, c. 18. К тому же выводу независимо пришел Ст. Конов (St. Konow. The Royal Dates in the Niya Inscriptions. — «Acta Orientalia», 2, 1923/24, c. 127). См. также: J. Brough. The Gāndhāri Dharmapada. Introduction, § 6.

Следующее слово на том же фрагменте сохранилось полностью и ясно читается: deyadharme (пали dayyadhamma) «посвятительное даяние». Под этим термином понимался круг предметов, которые могли предназначаться для даяния буддийской общине. На ритуальный характер таких даяний указывает то, что в палийских текстах они именуются также старым термином yañña (скр. yajña), который в данном случае выступает синонимом deyyadhamma.

От следующего слова на том же фрагменте сохранился только один знак ni. Однако целое слово достаточно легко восстанавливается как niyaide, пали niryatita — прич. пасс. залога от глагола nir + yat «давать в обмен», «приносить в качестве даяния», «посвящать». Ср. пали te ca mama sammukhaṃ sāvakasaṃghassa niryatitā «Они были в моем присутствии переданы в качестве даяния сангхе шраваков»[53]. Характерная для эпиграфики форма этого причастия niyaide, образованная путем озвончения и выпадения интервокальных смычных, засвидетельствована во многих надписях кхароштхи и употребляется обычно со словом danamukhe, также обозначающим ритуальное даяние. Ср. danamukhe niyaide «принесено даяние»[54].

Следующие два фрагмента, А-1885 и А-1884, хорошо стыкуются и дают непрерывный текст.

Первое слово, перед которым в тексте лакуна, — частица va (скр. eva) «ведь, только, именно, же». За ним читается caṃdudiṃśami, что позволяет без сомнения реконструировать перед фрагментом А-1885 слово saṃghami, т.е. здесь имеется в виду известная формула многих вотивных надписей: saṃghami cadudiṃśami «сангхе четырех сторон света», в данном случае употребленная с усилительной частицей va : saṃghami va caṃdudiṃśami[55].

Следующее слово читается ḱhade-. Реконструировать его помогает полная аналогия с написанием этого слова на фрагменте А-1871, где, как мы установили, читается ḱhadevakaviha⟨rami⟩. По-видимому, и на фрагменте А-1885 упоминается тот же основатель вихары ḱhadevaka, а исходя из контекста надписи, можно думать, что текст должен быть восстановлен, как на фрагменте А-1871, ḱhade⟨vakaviharami⟩.

Далее следует фрагмент А-1887, на котором сохранились верхние части акшар, однако чтение достаточно легко восстанавливается как ⟨caryanamaha⟩.

Следующий фрагмент А-1883 окончательно подтверждает чтение предыдущего. Здесь представлены акшары, читающиеся как gana и часть акшары pa.

Таким образом, на этих двух фрагментах вполне надежно восстанав-

---

53 Cullaniddesa, 523.

54 Konow, табл. X.

55 Сравнение этой формулы с фрагментом $\frac{КТ\text{-}62}{I\text{-}2н}$, опубликованным Т.В. Грек, где достаточно ясно читается va cadu, позволяет думать, что на этом фрагменте представлена аналогичная формула: ⟨saṃghami⟩ va cadu⟨diṃśami⟩. См. «Кара-тепе I», с. 73, рис. 43ж.

ливается известная формула: /a/caryanamaha/saṃghi/ganap/arigrahe/ «с соизволения учителей махасангхика»[56].

Возможно, разбираемый текст был построен в виде двух предложений. На слове parigrahe, видимо, заканчивается первое предложение. Далее в тексте лакуна. Затем следуют еще два фрагмента, А-1882 и А-1889, которые завершают текст. Разлом между этими фрагментами проходит по самой середине знаков вдоль линии строки. Однако верхний и нижний фрагменты хорошо стыкуются, что дает возможность прочесть надпись.

Первое слово этого текста представлено частью акшары, которая скорее всего восстанавливается как kha, и акшарой mi. Далее ясно читается sarvasatvanaṃ «всех живых существ». Это слово уже встречалось в публикуемых нами надписях[57].

Следующее слово — ḍaho восходит к глаголу ḍah «сжигать», «опалять» (ср. пали ḍāha «сожжение»). За ним следует упомянутая уже частица va. Следующее слово — ceda соответствует пали cetas/citta. Значение этого важнейшего буддийского термина очень трудно передать по-русски. Отчасти его можно понять из противопоставления cetas — kaya — vaca, т.е. области, которая охватывает сферу умственной деятельности и деятельности чувств в противоположность сфере физической (телесной) и сфере речевой деятельности. Иногда cetas можно передавать как «сознание», иногда как «ум» или «сердце».

В палийских текстах засвидетельствовано употребление слова cetas с глаголом ḍah. (При этом глагол ḍah может выступать с приставкой pari, тогда церебральное ḍ переходит в ḷ.) Ср. ḍayhamanena kayena cetasā букв. «им, сгорающим телом и сердцем» или: pariḷaho kayiko cetasiko букв. «сожжение, относящееся к телу и сердцу». Чаще всего глагол при этом выступает в форме пассива. Так, например, в «Самьюттаникае»:

kamaragena ḍayhami cittam me pariḍayhati[58] «Страстью любви сгораю, сердце у меня сжигается». Можно привести и другие примеры, где cetas с глаголом ḍah имеет метафорическое значение «испытывать мучения, терзаться».

Последнее слово на этом фрагменте — bhavatu — повел. накл. 3 л. ед. ч. от глагола bhu «быть».

---

56 Упоминание школы махасангхика засвидетельствовано ранее на Кара-тепе в надписи, опубликованной Т.В. Грек (см.: «Кара-тепе I», рис. 42б) и интерпретированной Я. Харматтой (см.: Я. Харматта. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе, с. 34), и в надписи из близлежащего монастыря Фаяз-тепе (см.: М.И. Воробьева-Десятовская. Новые надписи письмом кхароштхи из Термеза, с. 116).

57 См. с. 142.

58 Saṃyuttanikāya, 188. Ср. синонимичную конструкцию производных от ḍah с термином hadaya "сердце" (напр. nibbapehi me hadaya-pariḷāhaṃ "потуши пожар моего сердца", Milindapañha, 3, 181), что заставляет нас и в публикуемом тексте скорее передавать как "сердце" (имея в виду вместилище мысли и чувства).

Принимая во внимание все сказанное выше, можно думать, что в конструкции ḍaho va ceda bhavatu форма ḍaho скорее всего представляет пассивное причастие (ср. пали ḍaḍḍho)[59], что же касается текста ⟨khami, то его, кажется, можно восстановить как ⟨du⟨khami «в страдании» или «в страданиях». Таким образом, часть текста, сохранившаяся на этих двух фрагментах, может быть понята: «в страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!» (или «страданиями всех живых существ пусть же терзается сознание!»).

Теперь, возвращаясь ко всему тексту, можно предложить следующую его реконструкцию и перевод:

iyo (pa⟨pu)ne⟨ ⟩(gho)jhadeyadharme ni⟨yaide saṃghami⟩ va caṃdudiṃsami khade⟨vakaviharami a⟩caryana maha⟨saṃghi⟩gana (p)⟨arigrahe ... du⟩(kh)ami sarvasatvanaṃ ḍaho va ceda bhavatu «Этот сосуд (?)... посвятительное даяние Гхосы (?) передано сангхе четырех сторон света в Вихаре Государя с соизволения учителей Махасангхика... В страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!»

Рассмотренный материал с привлечением надписей, опубликованных ранее на Кара-тепе, дает нам возможность представить тип вотивной надписи кхароштхи, характерный именно для этого памятника.

Полный тип надписи кхароштхи можно представить как состоящий из четырех значимых элементов. Первый элемент — обозначим его А — есть наименование предмета даяния, иногда он может быть определен как относящийся к твердо установленной категории посвятительных даяний.

Второй элемент надписи — В — указывает, кому предназначается даяние. Третий элемент — С — регистрирует, от чьего лица совершается даяние. И, наконец, четвертый элемент — D — сообщает цель, ради которой совершается даяние. Эта часть надписи иногда бывает построена в виде призыва или воззвания, заканчивающегося глаголом bhavatu «да будет!». Часть надписи — D — наиболее интересна в том отношении, что она содержит определенную теоретическую установку и, как можно заметить, чутко реагирует на изменения, происходящие в религиозном учении.

Некоторые надписи содержат полный набор этих элементов — ABCD, другие, видимо, представляли тот или иной редуцированный его вариант. Исходя из этого, содержание наиболее значительных опубликованных надписей представлено нами в виде таблицы (с. 150), где кроме публикуемых здесь надписей кхароштхи приводятся некоторые надписи, изданные Т.В. Грек, с учетом их толкования, предложенного Я. Харматтой и автором этих строк.

Теперь попробуем в самых общих чертах представить жизнь мона-

---

[59] Если учесть, что выпадение интервокальных церебральных в целом не характерно для среднеиндийских языков, то можно предположить, что ḍaho в этом тексте есть существительное со значением «сожжение», «пожар», а частица va может иметь значение «как», «подобно» (=скр. iva), т.е. вся конструкция будет значить: «путь будет, как пожар, сердце». Однако это толкование не меняет общего смысла.

стыря на холме Кара-тепе, стараясь не выходить за рамки наших надписей.

Три надписи, найденные в разных помещениях Кара-тепе, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что перед нами «Вихара Государя».

Таблица

A	B
1. deyadham⌈me⌋ 2. iyo pane⌈ghade⌋... deyadharme 3. ⌈i⌋yo kodika[5] 4. ayaṃ pā⌈niyaghaṭa⌋[2] 5. i⌈yo⌋ bhikṣughaṭa[1]	1. kʰadevakaviha⌈rami⌋ 2. ⌈kʰade⌋okaviharami 3. kʰade⌈vakaviharami⌋ 4. ⌈saṃghami⌋ va caṃdudiṃśa-mi ⌈a⌋caryana maha⌈saṃghi⌋-gana p⌈arigrahe⌋ 5. ⌈saṃghami cadu⌋diṃśami 6. saṃghami cadudiśa⌈mi⌋[3] 7. ⌈saṃghami⌋ va cadu⌈diśami⌋[2] 8. ⌈ma⌋(ha)saṃghika(naṃ)
C	D
1. budhaśiramahadharmaka-thikasa[4] 2. budhaśirasa 3. budhasaṃmata 4. ghojha? 5. asvavharasa 6. meṙaka 7. buddhas⌈aṃmata⌋[5]	1. ⌈du⌋khami sarvasatvanaṃ ḍa-ho va ceda bhavatu 2. ḍaṭhaya bhavatu[4] 3. sadae bhavatu 4. sukhaya 5. suha 6. ⌈sa⌋rvasatvanaṃ 7. atmano

[1] Текст опубликован Т.В. Грек в «Кара-тепе I», с. 62-80.

[2] Там же. Дается в нашей интерпретации.

[3] Там же. Дается в интерпретации Я. Харматты «Кара- тепе II», с. 34).

[4] Текст опубликован в «Кара-тепе III», с. 114-115.

[5] Там же. Дается в нашей интерпретации.

Что касается времени надписей, то хотя надежных критериев датировки для кхароштхи пока не выработано (вследствие малой изменчивости знаков и больших различий, зависящих от используемого материала для письма), тем не менее некоторые заключения все же могут быть сделаны.

По отсутствию в надписях знака (sa) с полузакрытой петлей, характерного для периода индо-парфянских и ранних кушанских правите-

лей[60], можно думать, что ранняя временная граница каратепинских надписей располагается после правления ранних кушан. С другой стороны, распространенность с остроугольной средней частью и отсутствие завершающего эволюцию этого знака [61] как будто свидетельствует в пользу времени правителей группы Канишки, причем скорее о начале этого периода.

С точки зрения стилевых различий все надписи можно разделить на два вида: одни ориентированы на стиль надписей на камне (знаки характеризуются простотой, прямыми линиями, четкой линией вертикали), другие – на рукописную традицию. Из последних выделяется часть надписей, обнаруживающих несомненное сходство с рукописными документами из Центральной Азии[62]. Для них характерен излом основной вертикали знака и загиб нижней части вертикали влево.

Если сравнить с этой точки зрения три надписи, содержащие название монастыря, то можно заметить, что фрагмент А-1871 представляет первый стиль, а два другие фрагмента (А-1872 и А-1885) – второй. Вот, к примеру, одни и те же акшары разных надписей:

vi: и

ka: и

kha: и

С известной осторожностью можно предположить, что надпись А-1871 выполнена ранее двух других и может быть отнесена к самому раннему периоду Канишки, тогда как две другие, представляющие так называемый «истинно кушанский стиль», видимо, были выполнены позже (заметим, что постепенное закрытие верхней петли акшары kha отражает эволюцию этого знака)[63].

В целом рассмотренные надписи из Кара-тепе, видимо, охватывают период правителей группы Канишки, и, возможно, лишь немногие надписи выходят за верхнюю границу этого периода.

Таким образом, основание каратепинского монастыря, по данным палеографии, можно относить к началу правления Канишки.

---

60 A.H. Dani. Indian Palaeography, табл. XXIII (в.); B.N. Mukherjee. An Interesting Kharoṣṭhī Inscription. – «Journal of Ancient Indian History». Vol. 11, 1978, рис. A-D.

61 A.H. Dani. Indian Palaeography, табл. XXXIII (в).

62 Там же, с. 270; A.M. Boyer, E. Rapson, E. Senart. Kharoṣṭhī Inscriptions, табл. 249.

63 A.H. Dani. Indian Palaeography, с. 269.

Теперь, естественно, рождается вопрос, кто же мог быть государем, который скрывается под бактрийским титулом ХОАДНО — khadevaka и который основал царский монастырь в кушанском Термезе.

Прежде всего можно предположить, что это был бактрийский правитель-наместник. Однако, как свидетельствует близкая по времени большая сурхкотальская надпись, для наместника употреблялся специальный термин (КАРАЛРАГГО). При этом, как мы уже говорили, наместник определяется в надписи развернутыми почетными эпитетами: «любимец императора (ХОАДНО)» и «послушный приказу императора (ХОАДНО)»[64]. В связи с этим интерпретация ХОАДНО как наместника если не исключается, то вызывает сомнение.

Это сомнение дает некоторые основания сделать другое предположение: видеть в основателе каратепинского монастыря выходца из Бактрии и могущественного покровителя буддизма Канишку I (быть может, в самый ранний период его правления), который не без оснований предстает в

---

64 Новые попытки интерпретации МАРНГО ПІΔО I ХОАДНО ФРОМАNО были предложены недавно Х. Хумбахом (Х. Хумбах. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе) и Н. Симс-Уилльямсом (N. Sims-Williams. A Note on Iranian Syntax. — IF. Bd 78, 1973, c. 95-99). Первый толкует его в том смысле, что колодец и лестница были сделаны наместником, слугой (МАРНГО), по приказу императора (ПІΔО I ХОАДНО ФРОМАNО) второй — в том смысле, что колодец и лестница были сделаны Борзмихром и Астилоганцигом, слугой (МАРНГО) наместника, по приказу властелина, т.е. наместника (ПІΔІ ХОАДНО ФРОМАNО).

Однако толкование В. Хеннинга и Н. Гершевича «покорный приказу императора» кажется более убедительным, ибо это сочетание стоит в одном синонимическом ряду и в той же позиции (после слова наместник), что и другие развернутые эпитеты, относящиеся к титулатуре наместника: «любимец императора», «наиболее преданный царю, сыну бога» и пр., которые являются формулами и не имеют прямого отношения к реалиям надписи. Кроме того, поскольку цель надписей, подобных сурхкотальской, не чисто мемориальная, а прежде всего регистрация святой заслуги, влекущей за собой воздаяние, то едва ли вероятно, чтобы святая заслуга (восстановление акрополя) могла быть приписана одновременно императору (приказавшему сделать) и наместнику (сделавшему) или наместнику (приказавшему сделать) и Борзмихру и Астилоганцигу (сделавшим), ибо в языке подобных надписей «сделал» = «приказал сделать».

Понятно, что попытка нового толкования Н. Симс-Уилльямса вызвана желанием устранить неудобство, связанное с последним местом, которое якобы занимает наместник в перечне имен. Кажется, эта трудность более аргументированно преодолевается, если идти по пути, предложенному Х. Хумбахом, и видеть в большой сурхкотальской надписи лишь наместника с полным набором почетных эпитетов и его сына Михрамана, составлявшего текст надписи.

буддийской литературе на разных языках своего рода вторым Ашокой[65].

Отсутствие надписей, которые позволили бы установить объем термина ХОАДНО в бактрийском языке кушанского времени, пока не дает возможности сделать окончательные выводы. Поэтому, невзирая на контекст сурхкотальской надписи, где ХОАДНО относится к кушанскому императору, можно допустить, что в бактрийском языке ХОАДНО могло иметь широкое значение «государь» и употребляться по отношению к любому правителю.

Еще два вопроса, которые возникают в связи с тремя рассмотренными надписями: почему монастырь назван в них «Вихара Государя», а не по имени правителя, что, казалось бы, более естественным для индийских посвятительных надписей, и почему для названия вихары использовано бактрийское, а не индийское слово?

Окончательно ответить и на эти вопросы затруднительно. Однако следует напомнить, что наименование буддийских монастырей (арам и вихар) как «царских» или по имени царя (кажется, второй способ появляется несколько позже) относится в Индии к самому раннему периоду распространения буддизма. Так, в «Самьюттаникае» и в «Джатаках» упоминается rājakārāma[66] «Царский монастырь», основанный близ города Саваттхи царем Пасенади, где Будда проповедовал свое учение. Видимо, после Ашоки с его знаменитым монастырем aśokārāma, сыгравшим важную роль в развитии буддийского учения, практика подобного наименования в Индии исчезает — прежде всего потому, что последующие династии (Шунга и Канва) становятся покровителями бхагаватизма. Но можно заметить, что вместе с буддизмом эта традиция перекочевывает на Цейлон, где уже в III в. до н.э. царь Деванампиятисса основывает монастырь, называвшийся tissārāma[67], а позже известный как mahāvihāra. В дальнейшем на Цейлоне мы застаем ряд монастырей, основанных правящими царями и именованных rājavihāra или rājamahāvihāra (ср. rājavihāra в Анурадхапуре, основанная в VII в. царем Силамегхванной)[68].

Что касается Индии, то в кушанский период (особенно при Канишке и Хувишке), когда мы снова наблюдаем покровительство буддизму со стороны царской власти, видимо, возрождается и древняя практика наименования монастырей или именем царя, или словом «царский».

---

[65] Достаточно напомнить сообщение Сюань Цзана о строительстве буддийских сооружений в Пурушапуре, подтвердившееся археологическими раскопками и находкой знаменитого реликвария с надписью, обращенной к «вихаре Канишки» (см.: D.B. Spooner. Excavations at Shāh — Jī — Kī — Dheri. — «Archeological Survey of India». Annual report 1908-9. Calcutta, 1912, c. 38-59), а также поздний хотанский текст, опубликованный Г.В.Бейли, сохранивший легенду о постройке сангхарамы, которая называлась kaniṣkavihara. См.: H.W. Baily. Kanaiṣka. — JRAS. 1942, c. 14.

[66] Jātaka, II, 15; Saṃyuttanikāya, 360.

[67] Mahāvaṃsa, XV, 203-213.

[68] W. Rahula. History of Buddhism in Ceylon. Colombo, 1956, c. 304.

Употребление же для названия каратепинского монастыря бактрийского слова, вероятнее всего, связано с влиянием очень сильной местной традиции.

Уже при Виме Кадфизе[69] в Бактрии на основе местного разговорного языка создается официальный бактрийский язык – язык культуры. Этот язык проникает не только в сферу государственного управления (ср. бактрийские монетные легенды, появившиеся при Канишке), но и в культ, в частности в буддийские дарственные надписи, по традиции составлявшиеся лишь на индийских языках[70].

На Кара-тепе мы встречаем индо-бактрийские билингвы и надписи на бактрийском языке на некоторых сосудах[71]. Все это, видимо, способствовало тому, что за монастырем, основанным царем, сразу же закрепилось местное бактрийское название «Вихара Государя»[72].

В монастырь шел бесконечный поток того, что составляло deyadharma «посвятительные даяния». Надо заметить, что практика даяний, сложившаяся в Индии уже в поздневедийский период, на рубеже нашей эры приобретает особое значение в религиозной практике буддизма. Даяние, в представлении буддистов, было связано с накоплением «благочестивых заслуг» (puṇya) и с соответствующим воздаянием человеку определенного количества счастья (sukha) в этой или будущей жизни[73].

Монастырю дарились статуи, ступы, колодцы и пр., но в Кара-тепе мы встречаем только различные виды сосудов: puṇeghaṭa (?), kọḍika (kuṇḍika), bhikṣughaṭa.

Давно уже «вселенская» сангха распалась на отдельные общины, но даяния продолжали адресовать «сангхе четырех сторон света», указывая при этом, какой именно части «вселенской» сангхи (находящейся в такой-то вихаре) делается даяние.

Что касается донаторов, то из надписей мы видим, что это и монахи, весьма известные буддийские учителя монастыря, – такие, как «превосходный проповедник дхармы» Буддхашира, Буддхасаммата и, возможно, Гхо-

---

69 G. Fussman. Documents epigraphiques Kouchans, c. 8-15. См. также: H. Humbach, Ch.D. Davary. Die baktrische Inschrift IDNI von Dasht-e-Nawur. Mainz, 1976.

70 Характерно, что в самом алфавите кхароштхи здесь употребляются особые знаки для передачи фрикативных звуков бактрийских слов.

71 Т.В. Грек, В.А. Лившиц. Двуязычная надпись из Кара-тепе, с. 118.

72 На особое положение монастыря Кара-тепе среди буддийских сооружений Бактрии и на возможность покровительства ему со стороны кушанских властей не раз обращали внимание исследователи Кара-тепе. См.: Б.Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 190.

73 Har Dayal. The Bodhisattva-doctrine in the Buddhist Sanskrit Literature. L., 1932, с. 184 и сл.

са (скорее всего монах, имя его сопоставимо с именем известного участника буддийского собора при Канишке – Гхошаки), и миряне-упасаки, видимо из числа горожан Термеза. К числу последних прежде всего относится сам государь (khadevaka), основавший для сангхи вихару, а также osvavhara – тоже, видимо, мирянин, скорее всего из местной бактрийской знати.

Теперь постараемся представить, о чем шли беседы и споры в «Вихаре Государя». Две надписи прямо указывают (и еще три – косвенно) на то, что на Кара-тепе пребывала школа махасангхиков.

О школе махасангхиков мы знаем довольно мало. Единственное сочинение, которое сохранилось от этой школы в подлиннике, – это «Махавасту», повествующее о жизни Будды и принадлежащее одной из ветвей этой школы, называемой локаттаравада. Так что основные сведения об истории учения махасангхиков мы черпаем из высказываний представителей других буддийских школ. Из цейлонских хроник нам известно, что махасангхики рано отклонились от ортодоксального буддизма, пересмотрев Дхарму и Винаю[74], и их учение называлось ачарьявада.

В 414 г. Фа Сянь привез в Китай из Паталипутры полный текст Винаи махасангхиков, который через два года перевел на китайский язык. Переводы некоторых ее разделов значатся в каталоге китайской Типитаки, но *они пока никем не изучены*[75].

Хотя школа махасангхиков принадлежала к числу ранних буддийских школ и свой канон (питаку) считала более ортодоксальным, чем канон тхеравадинов, она более других ранних школ была склонна «к сочинению нового учения, против установленного»[76]. Достаточно напомнить о знаменитых «пяти тезисах Махадевы», посвященных низведению архата (упоминание о них встречается уже в «Катхаваттху»[77]). Как недавно было показано А. Вайманом, развитие этих положений, касающихся низведения архата, нашло продолжение в махаянском сочинении «Шримала-сутра»[78].

На основании разных буддийских источников и текста «Махавасту» мы знаем, что в начале нашей эры махасангхики развивали учение о трансцендентной природе Будды (lokottara)[79] и разрабатывали доктрину бодхисаттвы.

---

74 Dīpavaṃsa, V, с. 32-38.

75 N. Dutt. Early History of the Spread of Buddhism and Buddhist Schools. L., /б.г./, с. 64.

76 Dīpavaṃsa, V, 34.

77 Kathavatthu, II, 31.

78 A. Wayman. The Mahāsaṃghika and the Tathāgatagarbha (Buddhist Doctrinal History, Study I). – JIABS. Vol. 1, 1978, с. 35-36.

79. E. Konze. Buddhist Thought in India. L., 1962; Har Dayal. The Bodhisattva-doctrine in the Buddhist Sanskrit Literature, с. 94.

Что касается религиозного ритуала, то махасангхики, видимо, первыми ввели, точнее, телеологически оправдали культ ступы[80].

В «Махавасту», например, утверждается, что большая пунья достигается простым обходом ступы[81].

В целом почти всеми исследователями буддизма признается большая роль махасангхиков (наряду с саравастивадинами) в разработке ряда положений, способствовавших формированию нового направления в буддизме — махаяны[82].

В связи с этим те сведения, которые дают каратепинские надписи об учении махасангхиков, сведения, идущие из их собственных уст, представляют значительный интерес для истории буддизма.

В каратепинских надписях мы встречаем несколько формул (они реконструированы и разобраны выше), сопровождающих ритуал даяния и засвидетельствованных во многих индийских надписях. Однако призыв, которым заканчивается надпись на большом сосуде: «в страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!» в эпиграфических документах аналогий не имеет. При этом он, кажется, проливает некоторый свет на характер буддийского учения на Кара-тепе, особенно если сравнить его с уже опубликованным нами текстом, составленным на брахми[83].

По-видимому, в обоих текстах речь идет об идеале бодхисаттвы. Напомним, что первый текст провозглашал устранение различий между личностями, что практически реализовалось в проповеди равенства себя и других.

Заметим также, что многие рекомендации, дающиеся в текстах о поведении бодхисаттвы, заключаются в том, что он должен любить других так же, как он любит себя. Таким образом, не делая различий между собой и другими, бодхисаттва совершает благие поступки ради своей пользы (svārtha) и ради пользы других (parārtha).

Непосредственное отражение этой точки зрения мы видим в одной надписи из Кара-тепе, где слово atmano скорее всего указывает на формулу atmano hitasukhaya sarvasatvanaṃ hitasukhaya, «для своего блага и счастья и для блага и счастья всех живых существ».

Однако в ряде буддийских сочинений термин svārthaṃ «ради своей пользы» исчезает, и постепенное усиление идеи parārthaṃ «ради пользы других» определенно прослеживается по текстам, т.е. бодхисаттва не должен думать о себе, когда он думает о благе других.

Так постепенно вызревает идея самопожертвования бодхисаттвы.

В «Джатакамале» мы встречаем такое утверждение: na paraduhkhā-

---

80 A. Wayman. The Mahāsaṃghika and the Tathāgatagarbha, c. 42.

81 Mahāvastu, II, 362.

82 E. Konze. Buddhist Thought in India, c. 65; он же Buddhism. Ox., 1953, c. 119-121; E. Lamotte. Histoire de bouddhisme Indien. Louvain, 1958, c. 670; A. Wayman. The Mahāsaṃghika and the Tathāgatagarbha.

83 В.В. Вертоградова. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе. — «Кара-тепе IV», с. 70-81.

turaḥ svasukhamavekṣante mahākāruṇīkāḥ «Посвятившие себя махакаруне терзаются страданиями других и не думают о своем счастье»[84].

Сравнивая это утверждение с надписью на нашем сосуде, мы можем заключить, что призыв: «в страданиях[85] всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!» есть не что иное, как провозглашение абсолютного самопожертвования бодхисаттвы, относящегося к концепции махакаруны.

Если рассмотреть этот призыв с точки зрения уровней или ступеней (bhūmi) бодхисаттвы на его пути к просветлению, которые описываются в «Махавасту», то можно предположить, что в нашем тексте фиксирован восьмой уровень бодхисаттвы. На этом уровне бодхисаттва становится не подверженным возвращению на более низкие уровни и основным его признаком является махакаруна — беспредельная любовь и сострадание.

Так, в «Махавасту» говорится: ...teṣāṃ saptamāto bhūmito aṣṭamāṃ bhūmiṃ saṃkramantānāṃ mahākāruṇasaṃprayuktaṃ cittamutpadyate[86] «Когда они (бодхисаттвы) с седьмого уровня переходят на восьмой, у них появляется сознание, наделенное махакаруной».

Кроме того, в «Махавасту» утверждается, что на восьмом уровне бодхисаттвы рассматриваются как будды: aṣṭamāṃ bhūmiṃ prabhṛti... bodhisatvāḥ samyaksambuddhapūjayā pūjayitvayā iti[87] «Начиная с восьмого уровня бодхисаттвы должны чтиться почитанием, какое /оказывается/ совершенным буддам».

Или:

aṣṭamāṃ prabhṛti bhūmiṃ bodhisatvā jinātmaja/
samyaksambuddhā iti dṛṣṭavyā ataḥ prabhṛtyanivartiyāḥ//[88]

«Начиная с восьмого уровня, о сын победителя, бодхисаттвы должны рассматриваться как совершенные будды, с этого момента они не подвержены возвращению».

В связи с этим положением «Махавасту» следует еще раз обратить внимание на опубликованный выше фрагмент с надписью budhasaṃmata «почитаемый» или «рассматриваемый как будда», где причастие saṃmata заключает в себе именно те два значения, которые в «Махавасту» переданы глаголами pūj «почитать» и dṛś «видеть», «рассматривать как». Из-за отсутствия контекста можно сделать два предположения: либо сочетание budhasaṃmata было частью заключающего надпись призыва, либо, как говорилось выше, именем собственным, но возникшим, видимо, среди махасангхиков как обозначение восьмого уровня бодхисаттвы.

---

[84] Jātakamālā, 41, 1.

[85] Именно в связи с контекстом «Джатакамалы» реконструируется это слово.

[86] Mahāvastu, I, 136.

[87] Mahāvastu, I, 105, 13-14.

[88] Mahāvastu, I, 105, 15-16.

Таким образом, призывы, фиксированные на сосудах и служившие, по-видимому, простейшей опорой для психической тренировки монахов, свидетельствуют о том, что одной из основных и наиболее злободневных тем был вопрос о бодхисаттве, и не только утверждение идеала бодхисаттвы в противовес идеалу архата, но и, видимо, ряд конкретных проблем, связанных с типом бодхисаттвы. Напомним, что вопрос о бодхисаттве вскользь был поставлен уже в палийском сочинении «Катхаваттху» (III в. до н.э.). Однако последовательной разработки ни в этом, ни в следующем веке доктрина бодхисаттвы не получила. Именно с появлением нового систематического учения о бодхисаттве (около рубежа н.э.) начинается развитие махаянистской доктрины[89]. По-видимому, к этому раннему периоду следует отнести учение об уровнях бодхисаттвы, которое засвидетельствовано в «Махавасту».

Вопрос о первоначальном количестве уровней исследователями решается по-разному. Одни считают, что вначале было шесть уровней, другие – семь. Но большинство авторов признает, что система, описанная в «Махавасту», является наиболее ранней схемой, при этом два последних уровня (девятый и десятый) скорее всего являются дополнением позднейших редакторов[90].

Действительно, эти два последних уровня в тексте «Махавасту» только названы, но не рассмотрены. Что касается каратепинских надписей, то изучение их позволяет предположить, что система уровней бодхисаттвы, на которую ориентированы эти тексты, содержала восемь bhūmi, и ее пафосом было утверждение восьмого уровня, на котором бодхисаттва почитается как будда, а главной его характеристикой является махакаруна.

Провозглашение этого уровня представляет значительный шаг на пути к махаяне и в то же время свидетельствует о бытовании на Кара-тепе системы достаточно простой и еще далекой от концепций развитой махаяны.

II. Надписи брахми

Надписей брахми за последние сезоны раскопок на Кара-тепе найдено значительно меньше, чем надписей кхароштхи. Здесь публикуются две из них.

Фрагмент А-1900 – тонкий черепок светло-желтого цвета размером 6 x 3 см. Все тулово опоясывают орнаментальные полосы.

Над одной из этих полос процарапана надпись, состоящая из трех знаков, последний сохранился частично[91].

---

89 W. Rahula. L'ideal du Bodhisattva dans le Theravada et le Mahāyāna. – JA. T. 246, 1971, c. 44.

90 B.T. Rahula. Critical Study of Mahāvastu. Delhi, 1978.

91 Ввиду плохой сохранности надпись дается только в прорисовке.

Текст надписи:

Надпись читается: dha-ma-pa[.] Под надписью проходят две горизонтальные полосы. Под ними на уровне знаков и процарапано изображение

Это изображение, по-видимому, представляет знак горы, который наряду со свастикой, деревом и другими знаками известен многим древним традициям мира от Месопотамии до Китая. В Индии знак горы, представленный в виде трех или шести пиков, встречается в памятниках, связанных с различными религиозными системами, где приобретает соответствующие коннотации. В буддизме этот знак отождествляется с учением, а позже – с личностью Будды [92].

Первое слово надписи – dhama, т.е. дхарма. Наличие следующего знака, видимо pa, позволяет предположительно прочесть надпись как dhamapalasa – род. пад. от имени dhamapala (dharmapala), засвидетельствованного во многих эпиграфических текстах. Однако не исключено, что в данном случае следует читать dhamapatisa «владыки дхармы» т.е. мастера (знатока) буддийского учения.

Термин dhamapati (dharmapati), видимо, был почетным титулом в буддийской общине (как и dānapati «мастер даяний»). Известность dhamapati давала право даже не называть его по имени.

Термин «дхармапати» засвидетельствован в заключительной части надписи кхароштхи из Дхераи[93], где говорится: dharmapatisa ca dirghayu bhavatu «да будет долгожизнен дхармапати!»

Фрагмент А-1865 размером 5 х5,4 см содержит три знака (ил. 21 г.).

Текст надписи:

Транслитерация: bhadanta.

Это слово обозначает «почтенный» и употребляется как эпитет и обращение к буддийским монахам.

Можно сравнить надпись брахми из Матхуры: deyadharmoyaṃ śakya-bhikṣor bhadaṃta-brahmasomasya «Это посвятительное даяние монаха из рода Шакьев, почтенного Брахмасомы»[94]. Ср. также: bhadata-jayasenasya aṃtevasiṃye «ученицы почтенного Джаясены»[95]. Этот же эпитет употреблялся при обращении к Будде.

---

[92] Ср. изображения на монетах: A.K. Coomaraswamy. History of Indian and Indonesian art. L., 1927, табл. XX, № 110, 113.

[93] Konow, c. 104.

[94] H. Lüders. Mathura Inscriptions, §186.

[95] Там же, 20.

В.В. Вертоградова

НАХОДКА НАДПИСИ НЕИЗВЕСТНЫМ ПИСЬМОМ НА КАРА-ТЕПЕ

В августе 1967 г. член французской геологической миссии в Афганистане М.А. Бутьер обнаружил в районе Деште-Навура (70 км к северо-западу от Кабула) на высоте 4320 м большую выбитую на скале надпись. После обследования археологами с надписи были сняты эстампажи и переданы проф. Э. Бенвенисту, который установил, что текст представляет билингву, высеченную бактрийским письмом и письмом кхароштхи. По имевшимся материалам расшифровка текста оказалась затруднительной.

В 1969 г. в Афганистан отправился французский исследователь Ж. Фюсман, чтобы прочесть надпись на месте. Однако она была значительно повреждена местными жителями, искавшими под знаками клад. (В настоящее время текст надписи почти полностью разрушен.) Тем не менее Ж. Фюсману удалось установить, что надпись трехъязычна: она составлена бактрийских письмом, письмом кхароштхи и неизвестным письмом, довольно близким к кхароштхи.

В 1954 г. в Сурх-Котале была найдна надпись, опубликованная А. Мариком[1], которая, по наблюдениям Ж. Фюсмана, была сделана тем же неизвестным письмом, что обнаружено в Деште-Навуре. Однако сопоставление двух текстов не дало возможности ни интерпретировать знаки, ни установить их инвентарь.

Сличение версии неизвестным письмом с версией кхароштхи позволило Ж. Фюсману прийти к выводам, что письмо, найденное в Деште-Навуре, – силлабическое, направление его – справа налево. Многие знаки его напоминают знаки кхароштхи. Попытки расшифровать неизвестное письмо с помощью бактрийской версии и версии кхароштхи исследователю не удались.

[1] A. Maricq. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). – JA. T. 246, 1958, с. 417, № 7.

В 1974 г. вышла публикация трехъязычной надписи с приложением инвентаря знаков неизвестного письма[2]. В этой публикации Ж. Фюсман делает предположение, что надпись неизвестным письмом была составлена на иранском языке, отличном от бактрийского, и что этот язык мог быть разговорным языком той области, где высечена надпись (район Джагады и гор вокруг Газни). Кроме того, автор публикации высказывает мнение, что народом, говорившим на этом языке, были древние камбоджи, упомянутые в V указе Ашоки, и что потомка их древнего языка можно найти в современном иранском языке ормури.

Между тем надпись на остраконе, содержащая два знака и выполненная, по определению Ж. Фюсмана, тем же неизвестным письмом, была найдена в Халчаяне и опубликована Г.А. Пугаченковой[3]. Об этом Ж. Фюсман упоминает в своей публикации, замечая, что остракон, видимо, попал туда случайно.

Во время раскопок памятника VI-VII вв. Теккуз-тепа (Южный Таджикистан), проводившихся под руководством Б.А. Литвинского, был найден фрагмент глиняного сосуда с надписью-граффити, которая, как установил В.А. Лившиц, сделана тем же неизвестным письмом[4].

Такова предыстория той небольшой публикации, которая предлагается на этих страницах.

В 1973 г. во время раскопок на Кара-тепе были найдены три фрагмента одного сосуда с надписями (А-1894, А-1895 и А-1896). Фрагменты обнаружены в круглой яме глубиной около 40 см, вырытой в юго-западном углу маленькой комнаты (2,0 x 1,8 м) пещеры 1 комплекса В.

Сосуд этот отличался от прочей керамики комплекса. В тонкостенностью и очень светлой, почти белой поверхностью тулова. Верхняя часть сосуда покрыта охристым ангобом. Надпись сделана на светлой поверхности под самой линией ангоба. Кроме того, сосуд опоясывали по тулову горизонтальные охристые полосы. Фрагменты знаков, сохранившиеся над такой полосой и под ней, свидетельствуют о том, что надпись была сделана не в одну, а, видимо, в три строки.

После ознакомления с вышедшей в 1974 г. публикацией Ж. Фюсмана стало очевидным, что знаки на описанных фрагментах относятся к той же неизвестной письменности, найденной в Деште-Навуре и обозначенной в публикации как DN III.

---

[2] G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans. P., 1974 (BEFEO. T. 61). Бактрийская версия этой надписи позднее была рассмотрена в специальном исследовании: H. Humbach, Ch.D. Davary. Die baktrische Inschrift IDNI von Dasht-e-Nawur. Mainz, 1976.

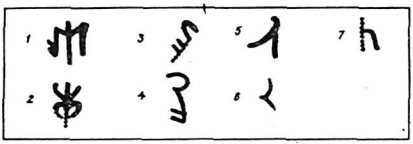
[3] Г.А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Таш., 1966, с. 59, рис. 35 (надпись опубликована вверх ногами).

[4] В.А. Лившиц. Надписи из Дильберджина. Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. М., 1976, с. 165-166.

Фрагмент А-1895 размером 5,3 x 3,2 см содержит два знака надписи (ил. 24 а):

Первый из них (см. табл. 1, № 1), соответствующий № 9 таблицы Ж. Фюсмана[5] и имеющий в исходном виде форму греч. , дается в ка-

Таблица 1

ратепинской надписи с иным диакритическим знаком – двумя косыми чертами, направленными влево от основной части знака. Этот диакритический знак засвидетельствован у других знаков DN III, например в № 8 № 26 , № 37 , и представлен Ж. Фюсманом в специальной таблице «Conspectus des marques» под № 56. Указанные в этой таблице знаки справедливо понимаются автором как огласовки.

Второй знак на этом фрагменте (нижняя часть знака слегка повреждена, но конфигурация достаточно ясна) соответствует № 4 G таблицы Ж. Фюсмана. Кроме DN III, этот знак встречается в надписи DN V[7], которая была выбита справа от DN III и расположена перпендикулярно к ней. При этом представляется, что близкие по конфигурации знаки и (DN III, № 5 F и E) со скругленной верхней частью и знак (№ 4 G) с остроугольной верхней частью скорее являются графическими вариантами одного и того же знака. Типологические параллели такого рода отождествления встречаются во многих алфавитах мира. Ср. кхароштхи Ашоки и cha[8], коринфский греческий и ps[9]. Интерпретация знака как лигатуры, составленной из знака и неизвестного знака, кажется маловероятной. Скорее всего и (с вариантом) являются самостоятельными знаками.

---

[5] G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans, табл. VI.

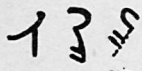
[6] Там же, табл. VIII.

[7] Там же, табл. VII; см. также с. 31. Надпись DN V состоит из двух строк.

[8] A.H. Dani. Indian Palaeography. Ox., 1963, табл. V.

[9] H. Jensen. Der Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. B., 1958, ил. 443.

Фрагмент А-1894 размером 5,2 x 4,2 см имеет три знака (ил. 24 в).

Первый знак на этом фрагменте (табл. 1, № 3) аналогичен № 37 надписи DN III и представлен с тем же диакритическим знаком. Этот знак можно сопоставить с кхароштхи па.

Знак (табл. 1, № 4) соответствует № 10 надписи DN III, где он представлен пятью образцами, и соответствует № 23, 30 и 31 надписи СК (тушь). Не возникает сомнений, что во всех этих случаях представлен один и тот же знак. Образец, засвидетельствованный в Кара-тепе, нанесенный ясно и старательно, показывает, что исходный знак имеет форму , соответствующую № 10 С и Д надписи DN III и № 30 надписи СК (тушь). Остальные засвидетельствованные формы даны с диакритическими знаками.

Знак (табл. 1, № 5) сопоставим с № 19 надписи DN III . Ж. Фюсман предполагает, что знак № 19 — неполный, и видит возможность рассматривать его как вариант № 14 Е, т.е. [10]. Между тем КТ № 5 подтверждает корректность написания этого знака в DN III и невозможность отождествления его с № 14 Е.

На фрагменте А-1896 размером 5,2 x 3 см сохранилось два знака (ил. 24 б). Верхний знак (табл. 1, № 6), по-видимому, соответствует № 23 надписи DN III, т.е. . Нижний знак (табл. 1, № 7) сохранился частично и может быть предположительно восстановлен либо как , т. е. как соответствующий № 6 А и В надписи DN III и № 19 надписи СК (тушь), либо как , т.е. как № 7 C-F надписи DN III. Аналогичный знак засвидетельствован на остраконе из Халчаяна в форме [11] и на сосуде из Теккуз-тепа в форме [12].

Соотношение знаков № 6 и № 7 надписи DN III пока недостаточно ясно.

Таким образом, из семи знаков неизвестной письменности, засвидетельствованной на Кара-тепе, все семь соответствуют знакам надписи DN III. Два или три из них имеют также аналогии в надписи СК (тушь).

---

[10] G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans, c. 29.

[11] Г.А. Пугаченкова. Халчаян, с. 59, рис. 35; в этой же надписи имеется еще два знака, соответствующие № 4 и № 20 надписи DN III.

[12] С этой надписью мне удалось ознакомиться благодаря любезности Б.А. Литвинского, по сообщению которого в слоях средневекового памятника Теккуз-тепа, выросшего на основе кушанского поселения, встречаются и кушанские находки. Поэтому датировка этой надписи кушанским временем не исключена.

Два знака (КТ № 1 и № 4) представлены на Кара-тепе с другим диакритическим знаком, нежели в DN III, так что они могут пополнить общий список знаков неизвестной письменности, который, видимо, еще не исчерпан. Знак КТ № 5 подтверждает корректность написания его в DN III.

Во время раскопок, проводившихся Г.А. Пугаченковой в поселении Хатын-Рабат в 30 км от Термеза, был обнаружен фрагмент горловины хума, вдоль самого края которого с внутренней и внешней стороны сделана надпись. Эта надпись была определена как кхароштхи. Внутренняя часть фрагмента опубликована в 1968 г. Г.А. Пугаченковой[13]. Надпись до сих пор не прочитана.

Благодаря любезности Г.А. Пугаченковой и Г.М. Бонгард-Левина я оказалась обладательницей фотокопии обеих сторон этой надписи, поэтому позволю сказать несколько слов и о внешней, неопубликованной части ее, поскольку это имеет отношение к рассматриваемой проблеме.

Изучение надписи приводит к заключению, что на внутренней (опубликованной) стороне ее представлено 7 знаков письмом кхароштхи:

Транслитерация:]-sa 1 gu-pa-yi e-yā-[

Первый знак на этом фрагменте – акшара 𐨯 sa. Это особое sa засвидетельствовано только в рукописи Пракритской Дхаммапады[14] и в документах из Центральной Азии[15]. О значении этого знака велось много споров: например, были попытки рассматривать его особым знаком для передачи звонкого сибилянта za. В связи с тем, что в документах из Центральной Азии sa чаще всего выступает в функции флексии родительного падежа, где эта акшара является вариантом -sya, Дж. Браф пришел к выводу, что 𐨯 представляло ученое написание морфемы sya, фонетически преобразовавшейся в среднеиндийский период в ssa. К этому же выводу пришел А. Сенар на основе надписи на сосуде из Вардака[16].

Второй знак на этом фрагменте — (почти горизонтальная черта), видимо, передает цифру 1.

Далее достаточно ясно читаются три знака: gu-pa-yi, за которыми следует пробел. Слово gupayi можно сопоставить с названием месяца, соответствующего греческому (точнее, македонскому) Γορπιαῖος «август–сентябрь» и засвидетельствованного в надписи брахми из Матхуры[17].

---

[13] Г.А. Пугаченкова. К изучению памятников Северной Бактрии. – «Общественные науки в Узбекистане». Таш., 1968, № 8, с. 32, 33, рис. 3.

[14] J. Brough. The Gāndhārī Dharmapada. Londres, 1962.

[15] A.M. Boyer, E. Rapson, E. Senart. Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. P. 1. Ox., 1920.

[16] J. Brough. The Gāndhārī Dharmapada. Introduction, §13.

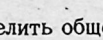
[17] St. Konow. Mathura Brahmi Inscription of the Year 28. – «Epigraphia Indica». 21, 1931/32, с. 55.

Это же слово в форме gapiu встречается в версии кхароштхи надписи из Деште-Навура[18].

После пробела в надписи читаются еще две акшары: e и yā. Последняя акшара интересна тем, что она еще раз подтверждает существование в индийских надписях из Бактрии долгих гласных, которые засвидетельствованы дважды на Кара-тепе[19]. Ранее обозначение долгих гласных было известно только в рукописных текстах из Центральной Азии.

Определить общее содержание текста ввиду его фрагментарности затруднительно. Не исключено, что здесь обозначена дата.

Что касается времени надписи, то наличие многих признаков (загиб нижней части вертикали знаков влево, обозначение долготы гласных, употребление акшары) позволяет датировать ее не ранее II в. н.э.

Теперь обратимся к внешней (неопубликованной) стороне сосуда. Здесь изображены две геммы, за которыми следуют три знака надписи (ил. 24 г):

Нетрудно заметить, что эти знаки не относятся к письменности кхароштхи. Сопоставление их с надписями из Деште-Навура и Сурх-Котала приводит к выводу, что здесь представлен образец того же неизвестного письма. Первый знак на этом фрагменте соответствует № 21 D надписи DN III. Употребление этого же знака в надписи из Теккуз-тепа с диакритическим знаком, т.е. в форме , кажется, говорит не в пользу связи знака с № 21 A надписи DN III и подтверждает высказанное самим Фюсманом предположение о самостоятельном характере этого знака[20].

Второй знак надписи, короткая вертикальная черта, соответствует № 21 C надписи DN III. По-видимому, знаки № 21 A (длинная вертикальная черта) и № 21 C (короткая вертикальная черта) должны рассматриваться особо как пунктуационные знаки. Длинная вертикальная черта (ее не следует смешивать с аналогичным знаком алфавита, выступающим иногда с диакритикой) указывает на конец строки, короткая, – возможно, на конец слова или словосочетания. Эту же функцию в СК (тушь) выполняют греческие буквы и , выделяющиеся в тексте размером и регулярной повторяемостью, как и короткая вертикальная черта.

Третий знак этой надписи не засвидетельствован в DN III, но трижды встречается в надписи тушью из Сурх-Котала. В СК 25 и СК 21 этот знак употребляется с диакритическими знаками. Можно предположить, что СК 21 и рассматриваемый знак из Хатын-Рабата с одной горизонтальной чертой влево представляют варианты того же знака,

---

[18] G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans, c. 22.

[19] «Кара-тепе I», рис. 42 А, Б. См. также: Я. Харматта. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе. – «Кара-тепе II», с. 53.

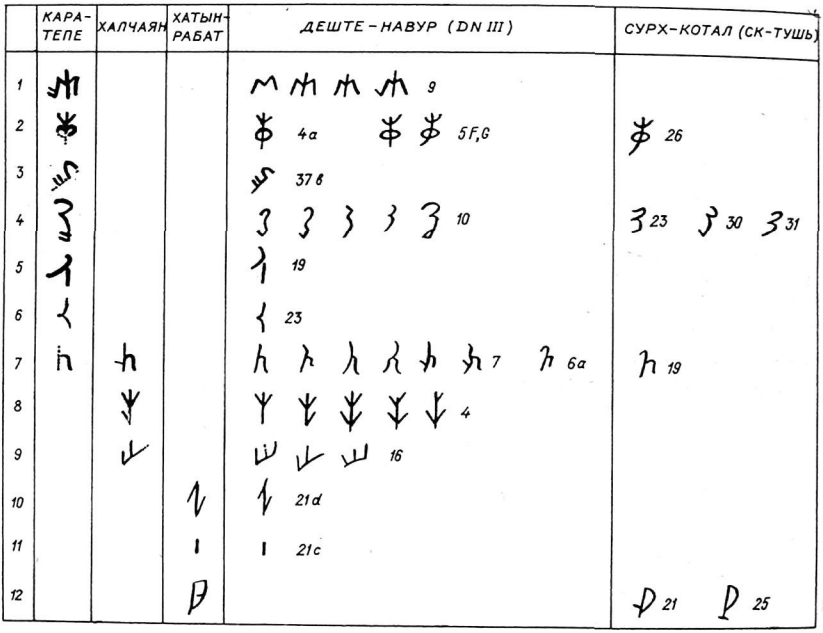
[20] G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans, c. 29.

восходящего либо к форме греческой β , как считает Ж. Фюсман, либо к брахми 𑀥 dha.

Таким образом, надпись на хуме из Хатын-Рабата, по-видимому, двуязычна. На внешней стороне хума надпись выполнена неизвестным письмом, знаки которого находят аналогии в Деште-Навуре и Сурх-Котале, на внутренней стороне – письмом кхароштхи.

Суммируя все эти наблюдения, я пыталась показать их в сводной таблице, которая представляет знаки неизвестного письма, засвидетельствованные на Кара-тепе, в Халчаяне и Хатын-Рабате, в сравнении с теми, что сохранились в Деште-Навуре и Сурх-Котале (табл. 2).

Таблица 2

Согласно мнению В.А. Лившица[21], надпись тем же неизвестным письмом, но в более архаичном варианте была сделана на серебряной чашке из кургана Иссык – V–IV вв. до н.э. (Южный Казахстан)[22].

В 1978 г. при раскопках Ай-Ханума (Афганистан) был обнаружен серебряный слиток (II в. до н.э.) с надписью, которая по характеру знаков чрезвычайно близка иссыкской. Опубликовавший надпись М.П. Бернар от-

21 В.А. Лившиц. Надписи из Дильберджана, с. 165.

22 Публикации надписи: А.С. Аманжолов. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. – "Вестник АН КазССР". 1971,

носит ее к той же группе недешифрованных надписей, которую справедливо считает "далеко не однородной"[23].

И В.А. Лившиц, и М.П. Бернар высказывают предположение о возможной связи неизвестного письма с арамейским алфавитом. Краткость большинства надписей пока что не позволяет сделать окончательные выводы, однако, не исключая арамейское происхождение письма, следует обратить внимание на ряд знаков надписи DN III (их специально отметил Ж. Фюсман[24]), имеющих прямое соответствие в кхароштхи. Причем эти знаки представляют не раннюю их форму в кхароштхи, а форму, характерную для начала новой эры.

Это позволяет предположительно говорить о двух видах неизвестного письма: раннем, весьма конфигуративно ограниченном, наиболее отчетливо представленном надписями Иссыка и Ай-Ханума, и позднем, более сложном и представленном, в свою очередь, несколькими вариантами. Эти поздние варианты неизвестного письма сложились, видимо, в самом начале новой эры, при этом использовалось, кроме знаков раннего, также некоторое количество знаков кхароштхи и греческого алфавитов, возможно, при новых коннотациях.

Общая структура неизвестного письма близка как арамейскому письму (слоговой принцип), так и индийским системам (слоговой принцип, диакритика), восходящим скорее структурно, чем фигуративно, к семитскому источнику.

Что касается языка неизвестной письменности, то, по-видимому, теперь следует говорить не о языке, как это делал Ж. Фюсман, предполагавший в нем "камбоджи или пра-ормури" (как древний местный язык Джагады[25]), а о языках, стоящих за разными видами этого письма. Во всяком случае, гипотеза М.П. Бернара[26], быть может, не без основания полагающая в языке айханумской надписи бактрийский, перешедший, по его мнению, при кушанах на греческий алфавит, никак не может быть приложима к надписи из Дешт-е-Навура, где, в таком случае, следовало бы признать одновременное употребление двух разных алфавитов для одного языка.

Все эти вопросы и соображения требуют дальнейших поисков памятников неизвестного письма и дальнейшего их исследования. При этом первейшей задачей является установление инвентаря инвариантов для всех видов неизвестного письма.

№ 12, с. 64-66 (надпись интерпретируется как выполненная руническим алфавитом орхоно-енисейского типа на древнетюркском языке): К.А. Акишев, Курган Иссык. М.,1978, с. 60 (кроме упомянутой точки зрения здесь приводится мнение В.А. Лившица и др., считающих эту надпись составленной неизвестным письмом, "арамейское происхождение которого не исключено").

23 M.P. Bernard. Campagne de fouille 1978 à Ai Khanoum (Afganistan).— «Academie des Inscriptions et Belles-Lettres.Contes rendus». P., 1980, с. 437-440.

24 G. Fussman. Documents épigraphiques Kouchans, с. 24.

25 Там же, с. 34-35.

26 M.P. Bernard. Campagne de fouille 1978 à Ai Khanoum, с. 439.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

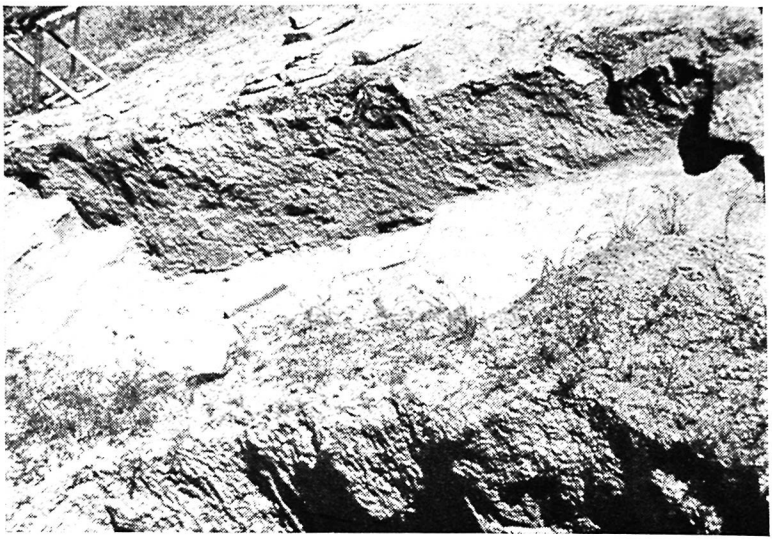
Рисунки в тексте

1. Общий план раскопа Кара-тепе 1977 г. (увязочный обмер и чертеж О. А. Тумановой): *а* — пещерные помещения; *б* — вторичные стенки; *в* — наземные помещения; *г* — сырцовые стены; *д* — лестницы.
2. План и разрезы помещения в юго-восточном углу комплекса Б.
3. Архитектурные разрезы постройки над храмом П-II и двора комплекса Б.
4. План постройки над храмом П-II (А — помещение Х-4 на разных этапах существования).
5. Аксонометрия постройки над храмом П-II с элементами реконструкции. Работа И. П. Луньковой.
6. Водоотводная система в постройке над храмом П-II.
7. Разрез заполнения айвана и помещений Х-4 и Х-3 постройки над храмом П-II.
8. Схема размещений остатков захоронений в помещении Х-4 (верхний слой).
9. Схема размещений остатков захоронений в помещении Х-4 (нижний слой).
10. Сцена с Буддой и монахами. Стенная роспись. Прорисовка.
11. Изображение сасанидского правителя (?). Рисунок-граффити. Прорисовка.
12. Каменная капитель декоративного пилястра. Рисунок И. П. Луньковой.
13. Черепки со штампованным орнаментом и часть керамического диска (крышка реликвария?).
14. Планы отдельных монашеских келий комплексов А и Б.
15. Размещение буддийских памятников кушанского Термеза. Схема.
16. Архитектурный разрез южного края двора комплекса В. Состояние в момент раскопок и реконструкция. Работа О. А. Тумановой.
17. Планы Фаяз-тепе и буддийских комплексов Кара-тепе.
18. Инфракрасные спектры образцов грунтов и белых красок.
19. Инфракрасные спектры образцов красных пигментов.
20. Инфракрасные спектры образцов желтых и коричневых пигментов.
21. Инфракрасные спектры образцов синих и зеленых пигментов.
22. Инфракрасные спектры образцов черных пигментов.
23. Инфракрасные спектры мела, пшеничного клея, дублировочного состава.
24. Инфракрасные спектры полимента и хлороформного экстракта.
25. Инфракрасные спектры водной вытяжки из почвы и продуктов, выделенных из фрагментов стенных росписей.
26. Прорисовка надписи кхароштхи на стенке сосуда из Кара-тепе.

Альбом иллюстраций

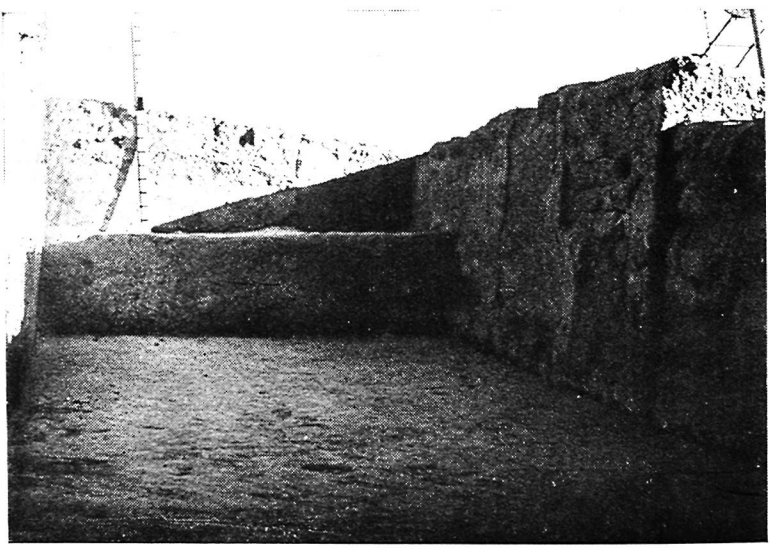
1. Помещение Х-1. Входная лестница и «умывальник».
2. Помещение Х-3. Северная часть.
3. «Умывальник» в помещении Х-1 (а) и линия кубуров (б).
4. Помещение Х-4. Суфа.
5. Комплекс В. Арочные айваны 4, 5, 6.
6. Помещение Х-4. Остатки алтаря: а) ранний период; б) поздний период.
7. Комплекс Г. Южный айван. База и юго-восточный угол пониженной части двора.

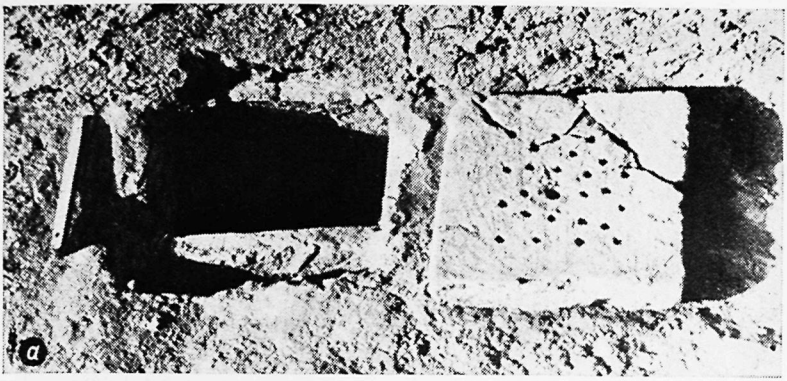
8. Комплекс Г. Восточная ниша в ходе расчистки входа в пещеру П-V.
9. Комплекс Г: а — ниша на месте заложенного прохода в пещерную келью; б) — закладка входа в пещерную келью.
10. Комплекс Г. Южный айван. Центральная ниша.
11. Каменная капитель пилястра. Детали.
12. Керамический диск (крышка реликвария?) и глиняная булла (?).
13. Куски ганчевой штукатурки.
14. Двуручные сосуды из слоя захоронений.
15. Одноручные кувшины и открытые сосуды из слоя захоронений.
16—20. Фрагменты сосудов с надписями кхароштхи.
21. Фрагменты сосудов с надписями кхароштхи (а, б, в, д) и брахми (г).
22. Фрагмент сосуда с надписью кхароштхи.
23. Фрагмент сосуда с неотождествленной надписью.
24. Фрагменты сосудов с надписями неизвестным письмом: Кара-тепе (а, б, в) и Хатын-Рабат (г).
25. Монеты из Кара-тепе (увеличены).
26. Надчеканы на эфталитских монетах из клада (увеличены).
27—30. Участки корродированного металла с деталями, позволяющими судить о составе, технике и других особенностях изделий.
27а — структура сохранившегося металла в бортике зеркала. ×200.
27б — структура полностью минерализованного участка зеркала. ×200.
27в — участки чистой меди в структуре зеркала. ×200.
27г — участки чистой меди в структуре минерализованной части зеркала. ×200.
28а — микроструктура киафа. ×200.
28б — поперечный шлиф стенки киафа. ×200.
28в — микроструктура минерализованной стенки киафа; виден участок горячедеформированной меди. ×200.
29а — отпечаток вышивки на корродированном металле.
29б — образование характерных трещин на кованом зеркале.
29в — разрушение бутылочки, изготовленной по сложной технологии (тулово — литое, донце — кованое).
29г — микрошлиф, изготовленный на поверхности металлического предмета, покрытого продуктами коррозии.
30а — слоистая структура ручки киафа (поперечный срез).
30б — слоистая структура и трещины в поперечном сечении стенки курильницы.

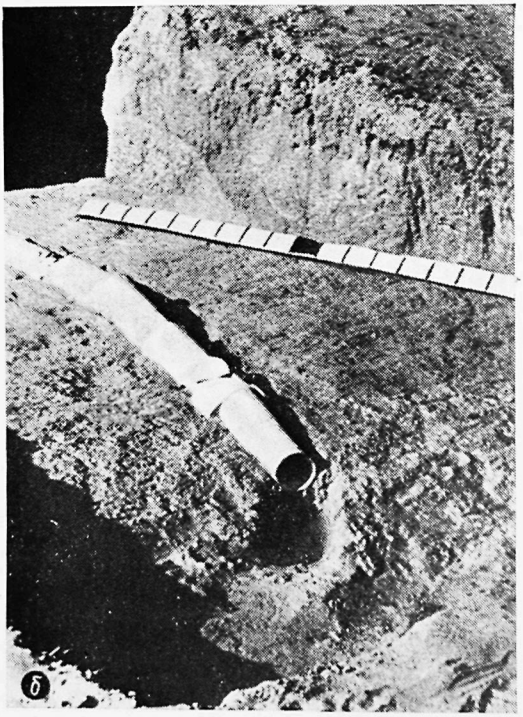
Ил. 1

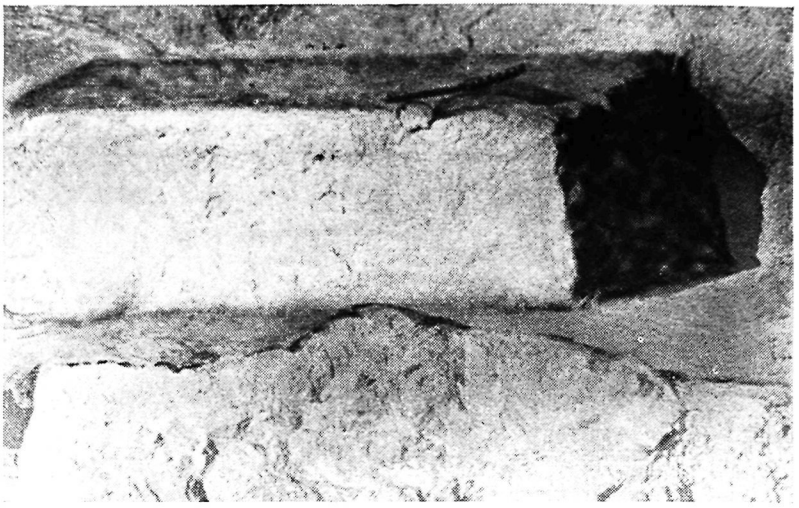
Ил. 2

Ил. 3

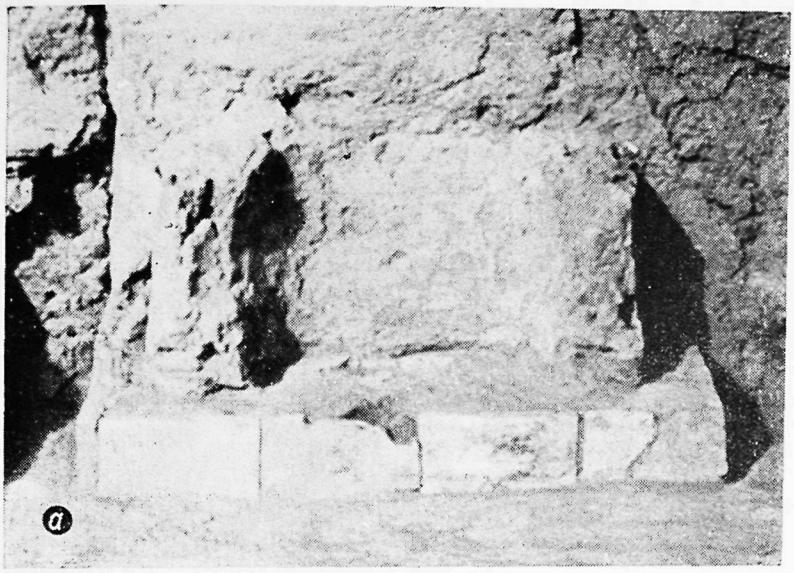

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

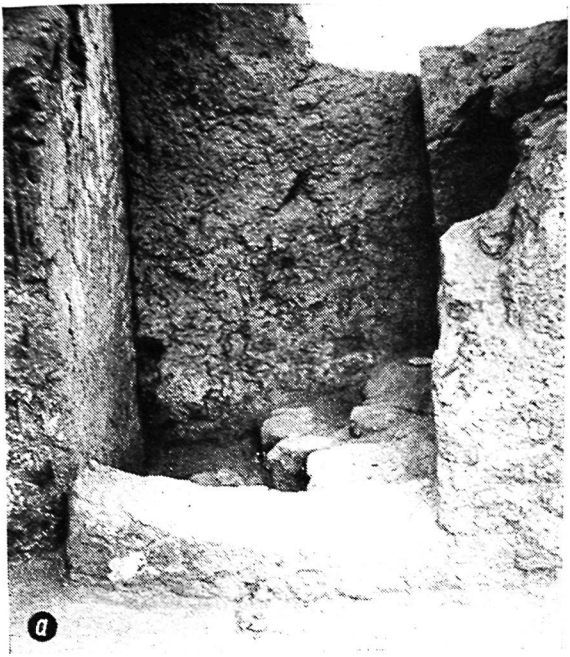

Ил. 7

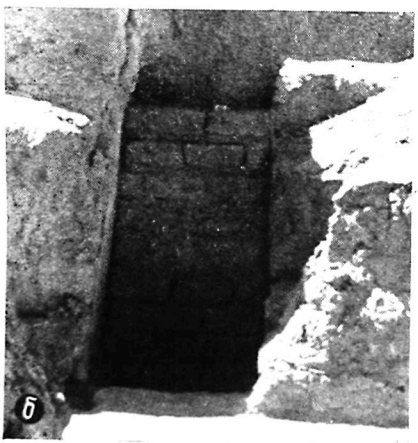
Ил. 8

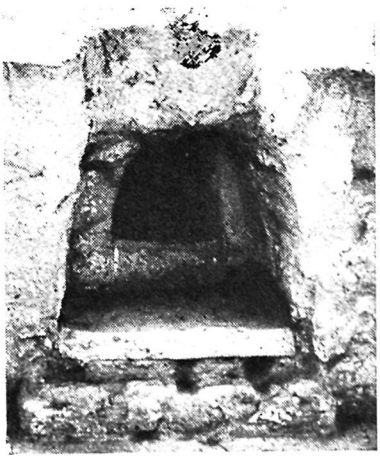

Ил. 9

Ил. 10

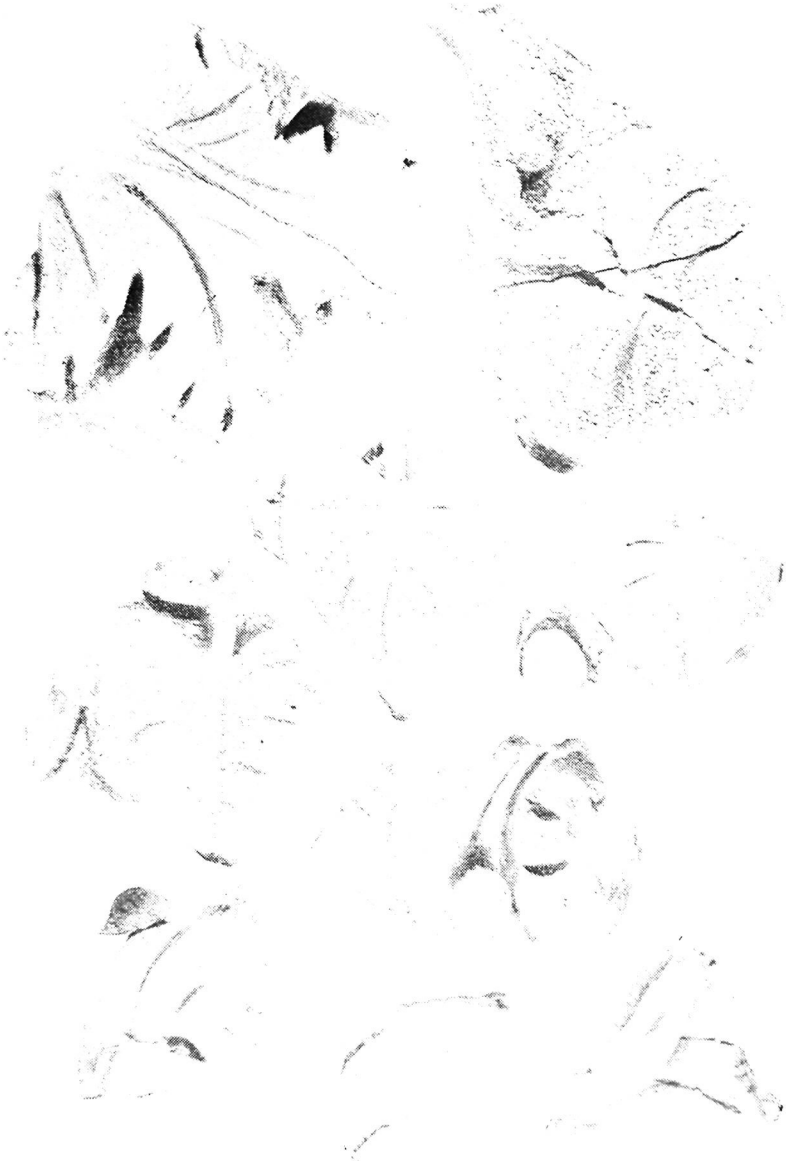

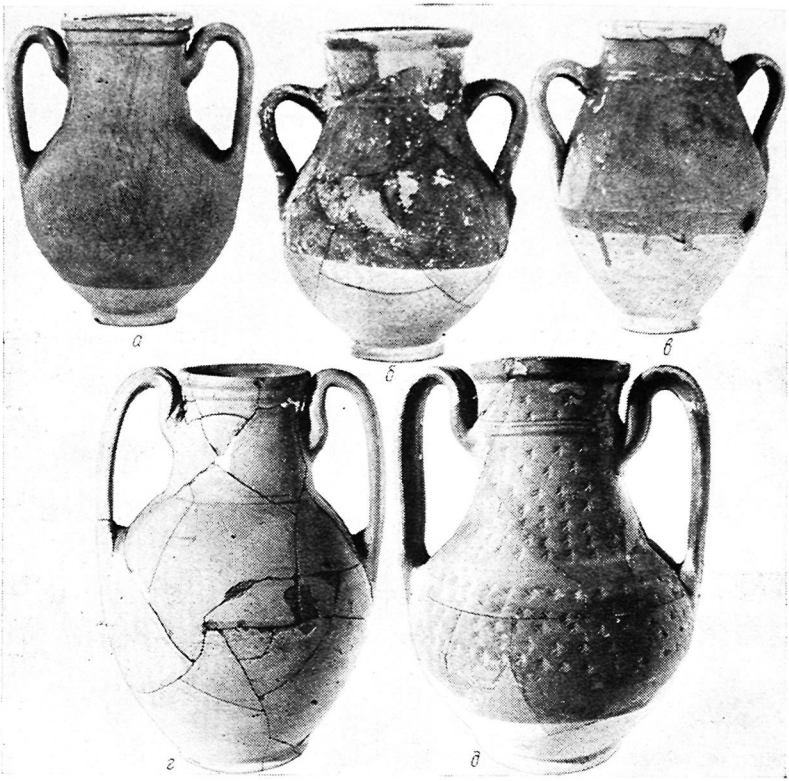

Ил. 11

Ил. 12

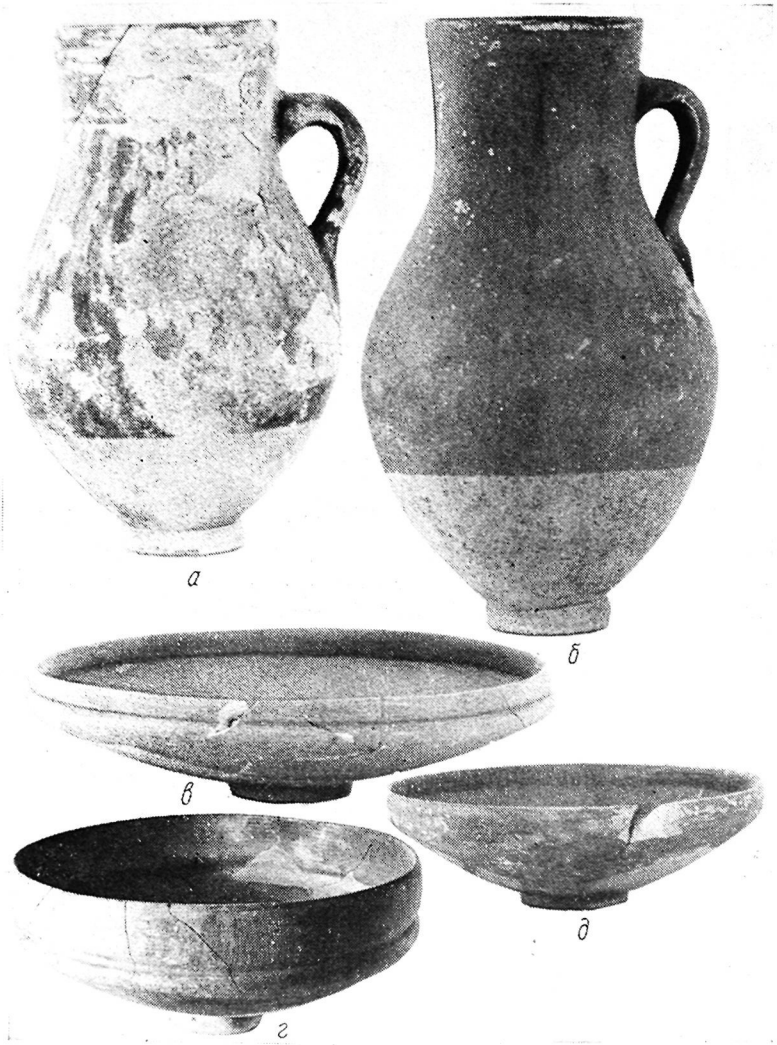

Ил. 13

Ил. 14

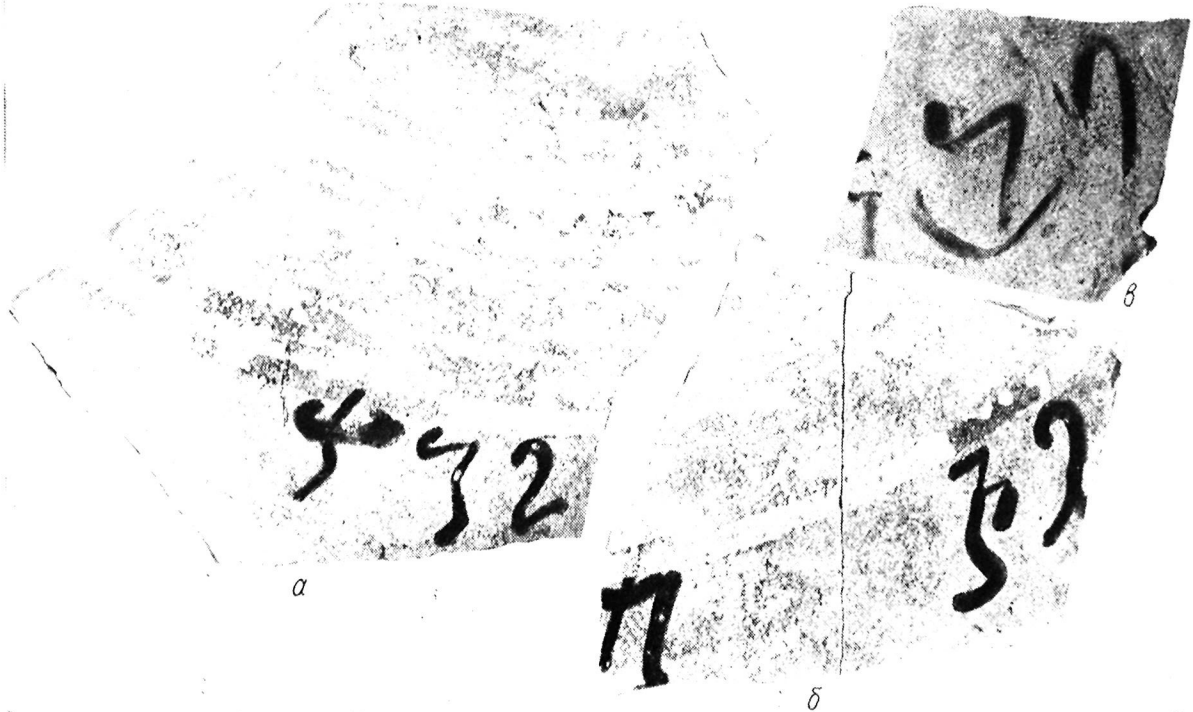

Ил. 15

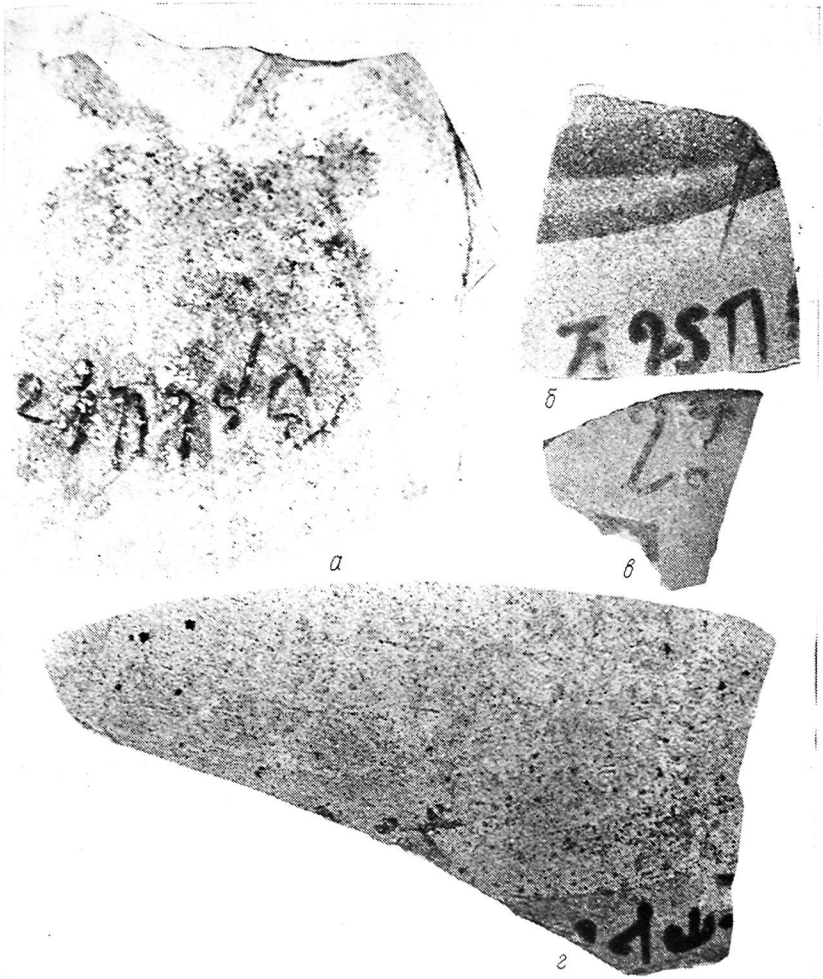

Ил. 16

Ил. 17

Ил. 18

Ил. 19

Ил. 20

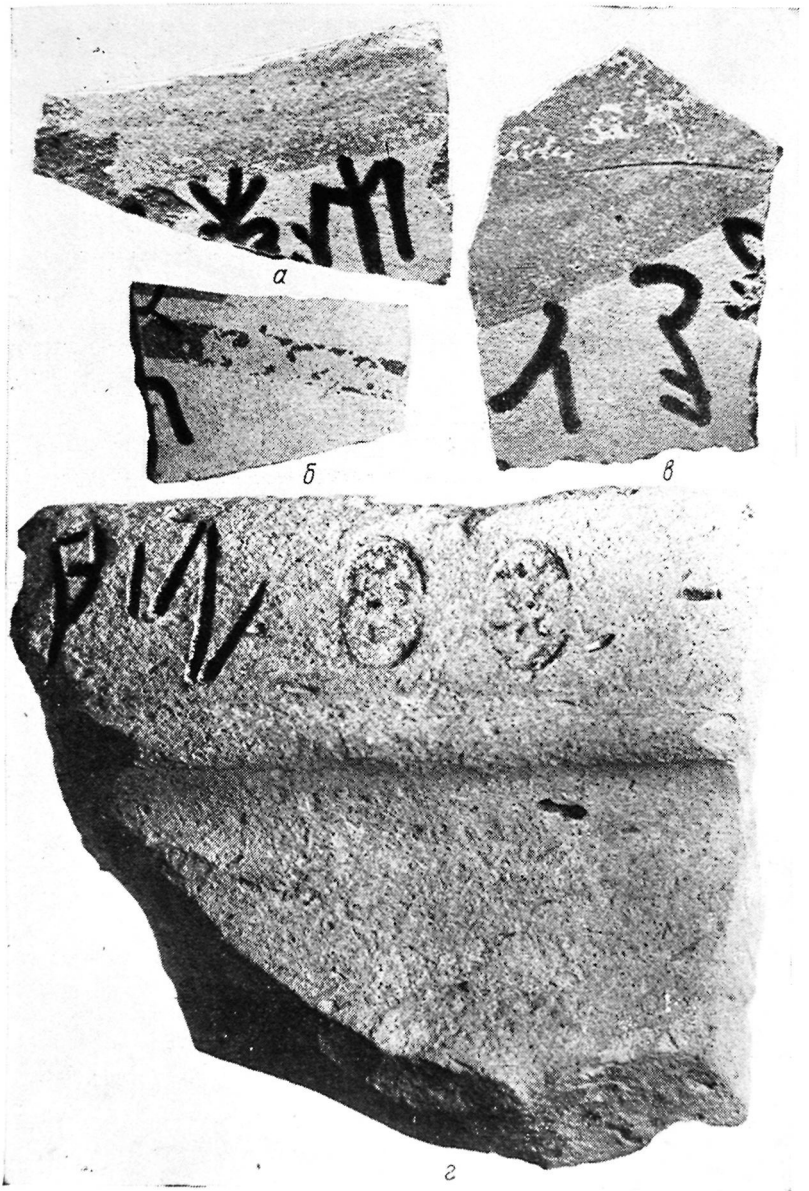

Ил. 21

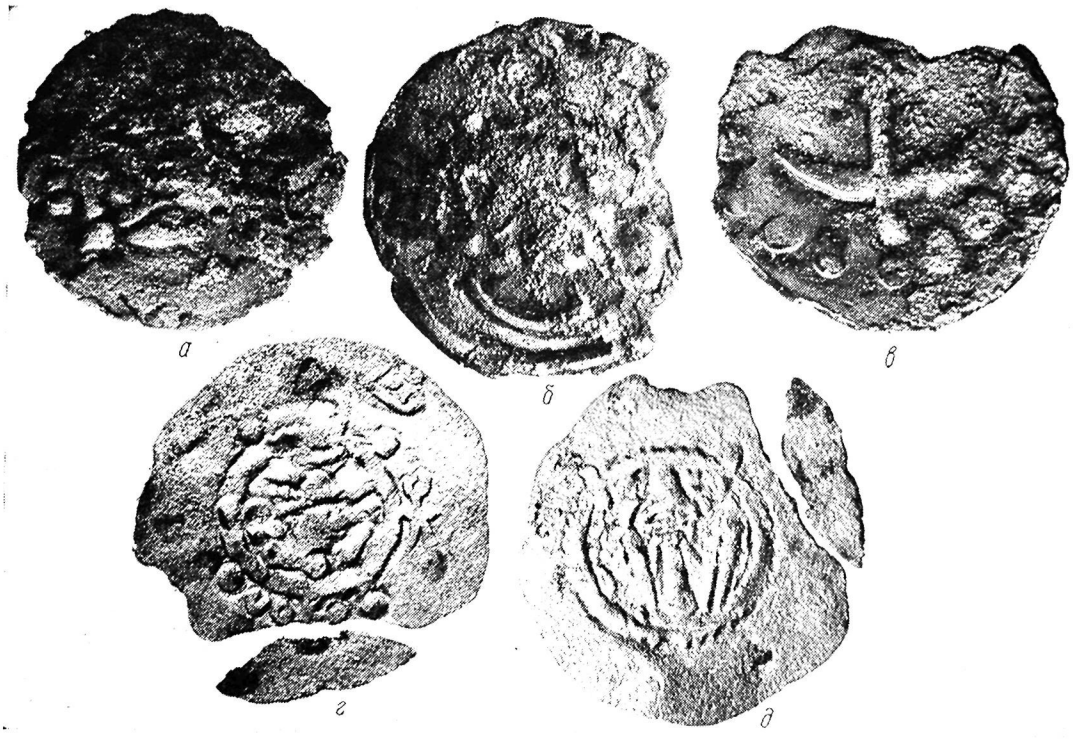
Ил. 22

Ил. 23

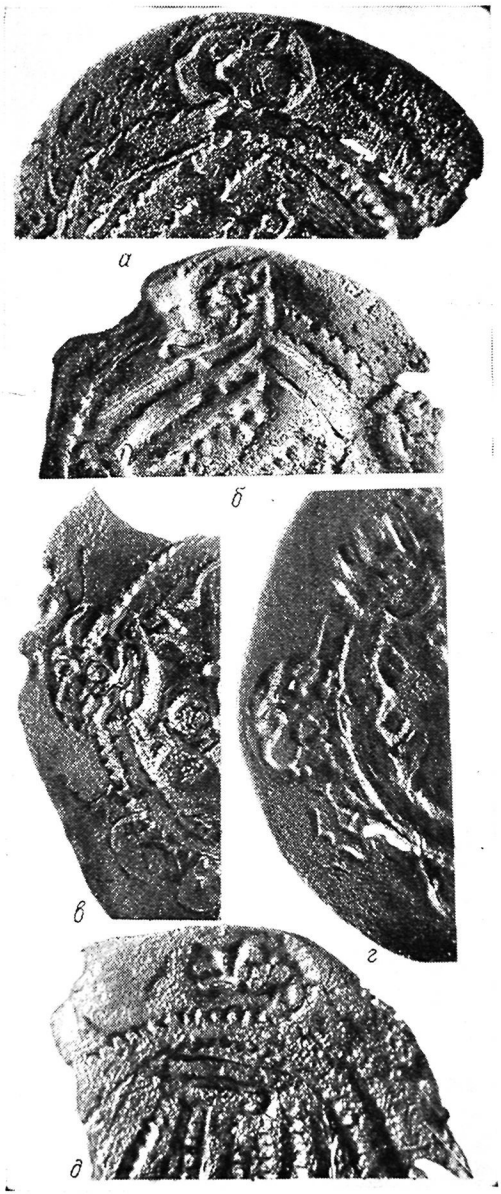

Ил. 24

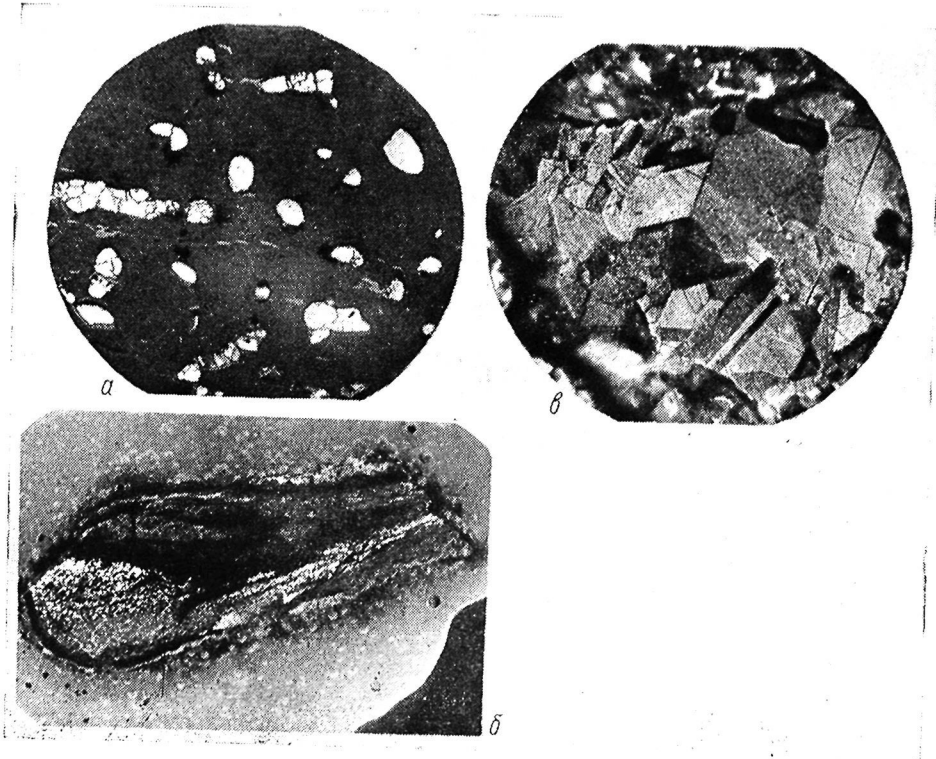

Ил. 25

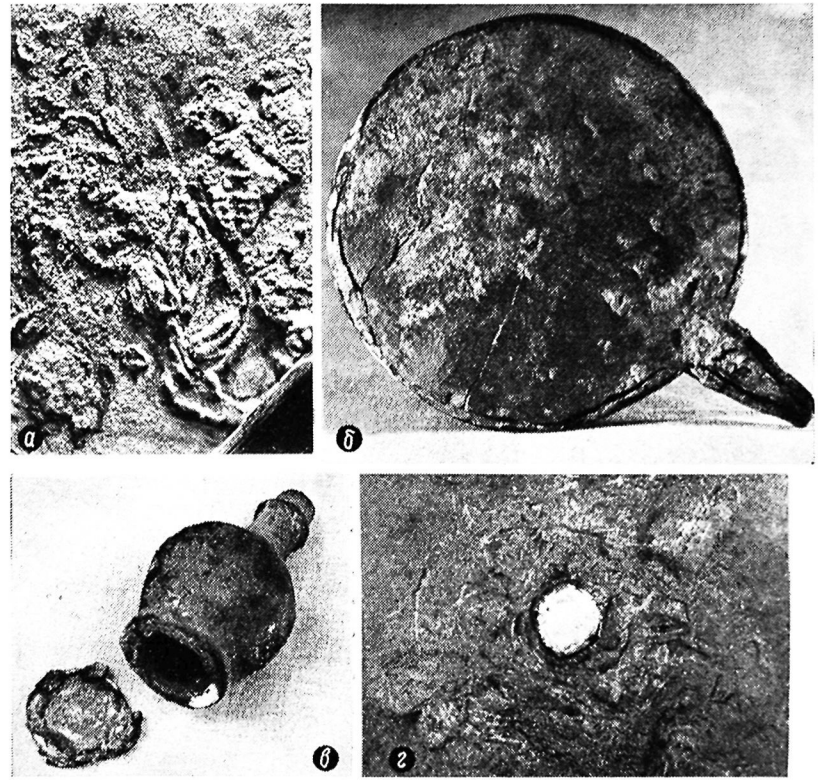
Ил. 26

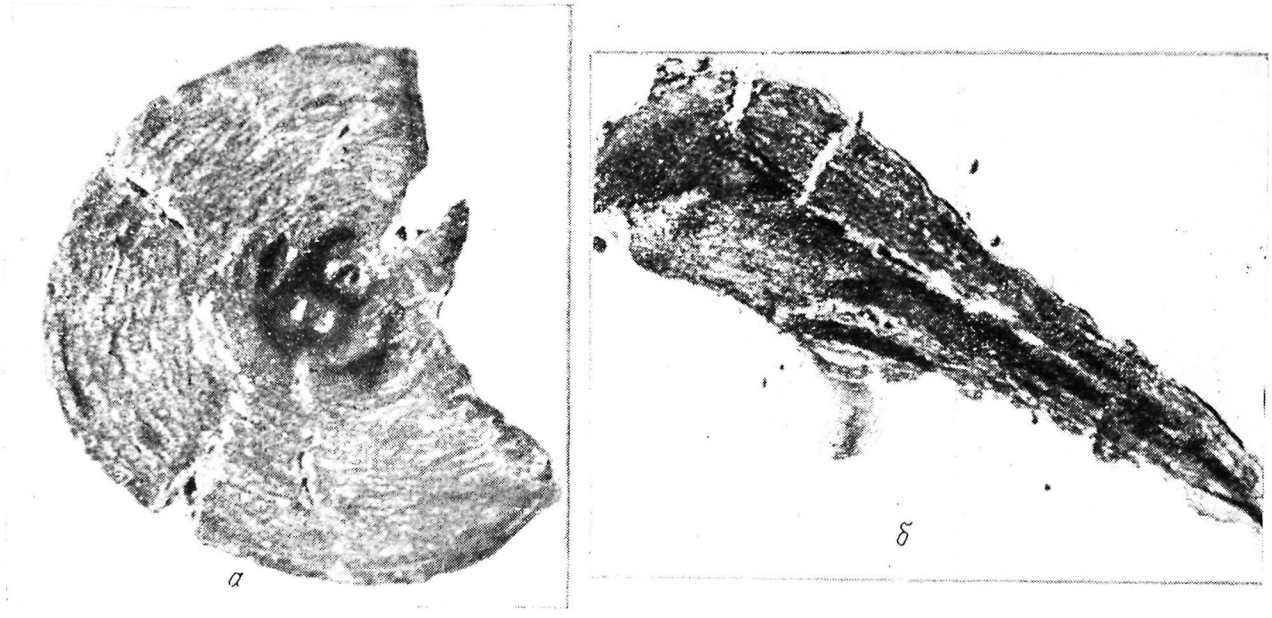
Ил. 27

Ил. 28

Ил. 29

Ил. 30

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — «Археологические открытия». М.
ВДИ — «Вестник древней истории». М.
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока.
«Кара-тепе I» — Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964.
«Кара-тепе II» — Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.
«Кара-тепе III» — Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
«Кара-тепе IV» — Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». М.
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л., М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР.
РИХМХЦ — «Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей». М.
СА — «Советская археология». М.
СЭ — «Советская этнография». М.—Л., М.
Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников старины.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР.
Acta Hung.— «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae». Budapest.
BEFEO — «Bulletin de l'École Française d'Extrème Orient». P.
BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». L.
IF — «Indogermanische Forschungen». B.
JA — «Journal Asiatique». P.
JIABS — «The Journal of the International Association of Buddhist Studies». Wisconsin.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». L.
Konow — «Corpus Inscriptionum Indicarum». Vol. II. Kharosthī Inscriptions with the exeption of those of Asoka. Ed. by St. Konow. Calcutta. 1929.
MDAFA — «Memoirs de la Délégation Archéologique française en Afghanistan». Paris — Le Cairo.
MSLP — «Memoirs de la Société Linguistique». P.
NC — «Numismatic chronicle». L.
ZDMG — «Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft». Wiesbaden.

SUMMARY

The present, fifth, collection of the Proceedings of the Kara-Tepe Expedition* deals with the results of field investigations between 1974 and 1977, and the processing of material obtained during this and also the preceding period in the excavations of Kara-Tepe, a Buddhist religious centre, existing from the 2nd to the 4th centuries, in Termez on the Amu Darya (Vakhshu; the Oxus of classical antiquity).

Similarly to the previous publications of the Proceedings, this collection opens with a report by the head of the Expedition on the course of excavations and the principal findings obtained in Kara-Tepe in the past few years. The report offers a description of premises excavated between 1974 and 1977 and the main finds, as well as information on the conclusions reached by the author and other researchers associated with the Kara-Tepe expedition during the recent period.

Following the report is an article by A. F. Berdnikov, who headed a group of researchers from the State Museum of Oriental Art that, in the period under review, excavated one sector of the Kara-Tepe complex — the B sector. The article contains a detailed description of the premises excavated in the sector.

The first part of the collection concludes with an article by L. I. Albaum, a noted archeologist from Tashkent, who has recently excavated the suburban Buddhist monastery of Fayaz-Tepe — a monument of the same (Kushan) period situated less than one kilometre from Kara-Tepe. Albaum compares the clear-cut tripartite layout (the temple, the monastery proper, and the refectory and household units) of Fayaz-Tepe with that of Kara-Tepe, and, in this context, proposes a few interesting, albeit insufficiently corrobarated (in my view) notions on the designation of the C sector and some of the premises in the A and B sectors.

Another group of articles is reserved for the presentation and special analysis of the Kara-Tepe inscriptions and coins. Moscow Indologist V. V. Vertogradova (USSR Academy of Sciences Institute of Oriental Studies) has contributed two articles dealing with inscriptions on pottery. One of these articles introduces the Indian Inscriptions on pottery found at Kara-Tepe between 1970 and 1977; as a result of a thorough analysis, the author has discovered the Buddhist name of the Kara-Tepe religious centre, «Khadevakavihara» («the Sovereign's Vihara»); she also answers some important questions pertaining to

* The preceding collections included: (I) *Kara-Tepe: a Buddhist Cave Monastery in Old Termez.* Moscow, 1964; (II) *The Kara-Tepe Buddhist Caves in Old Termez.* Moscow, 1969; (III) *The Kara-Tepe Buddhist Religious Centre in Old Termez.* Moscow, 1972; and (IV) *New Finds at Kara-Tepe in Old Termez.* Moscow, 1975.

the religious ideas current in the Buddhist community in Termez in the Kushan period. The other article deals with the discovery in 1972 of three fragments of a vessel bearing part of an inscription in what is called «unidentified writing», which was recently discovered by the French scholar G. Fussman. Vertogradova re-examines all presently available inscriptions in this intriguing Central Asian writing and gives a summarised table of its twelve signs attested so far (including those found in the Kara-Tepe inscription).

An article by B. I. Vainberg (Khorezm Expedition of the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography) and art critic T. A. Rayevskaya (All-Union Research Institute of Restoration) continues the publication, begun in the previous issues of the Proceedings, of numismatic material from Kara-Tepe and the Termez district as a whole. In addition to the Kushan, post-Kushan and Hephthalite coins from Kara-Tepe, the article reviews coins from a large hoard of Hephthalite silver coins with interesting chased signs.

Archeologist N. S. Sychyova (State Museum of Oriental Art) and Orientalist V. L. Sychyov (USSR Academy of Sciences Institute of the Far East) devote their article to the semantics of the decorative and ornamental motifs found in the Kara-Tepe murals, stone reliefs and pottery.

The collection ends with several articles describing the use of natural-science methods in the study of the Kara-Tepe material and contributed by physicists, chemists and biophysicists from the All-Union Research Institute of Restoration (E. N. Ageyeva, V. Y. Birshtein, Z. M. Zhelninskaya, I. G. Ravich and M. S. Shemakhanskaya), petrographer G. Y. Belozerova (All-Union Research Institute of Oil Prospecting Geology), S. V. Vitt, M. B. Saporovskaya and Y. A. Paskonova (USSR Academy of Sciences Institute of Elemental Organic Compounds). These articles contain interesting data obtained in the examination of stone, pottery and painting samples, prove the possibility of studying archeological metals before cleaning and discuss the methods of analysing the binding medium used in murals. On the whole, these articles show convincingly that the inclusion of a large group of specialists in natural sciences in the expeditions studying Kara-Tepe and other Central Asian archeological monuments has proved most productive.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Figures of the text

1. General layout of excavations in Kara-Tepe in 1977 (plan and drawing by O. A. Tumanova): (a) cave premises; (b) secondary walls; (c) surface structures; (d) mud walls; (e) staircases.
2. Plan and cross-sections of structures in the south-eastern corner of Sector B.
3. Architectural cross-sections of the structure over temple P-II and the court yard of Sector B.
4. Plan of the structure over temple P-II; (a) structure X-4 at various periods.
5. Axonometrical model of the structure over temple P-II with reconstructed elements (by I. P. Lunkova).
6. Water-diverting system in the structure over temple P-II.
7. Cross-section of the filling of the iwan and rooms X-4 and X-3 of the structure over temple P-II.
8. Arrangement of the remnants of burials in premise X-4 (upper layer).
9. Arrangement of the remnants of burials in room X-4 (lower layer).
10. Scene with the Buddha and monks. Mural (drawing).
11. Picture of a Sassanian ruler(?). Graffiti (drawing).
12. Capital of a decorative pilaster. Drawing by I. P. Lunkova.
13. Potsherds with stamped ornaments and fragment of ceramic disk (lid of a reliquary?).
14. Plans of individual cells for monks in Sectors A and B.
15. Buddhist monuments of Kushan-time Termez. Schematic location.
16. Architectural cross-section of the southern part of the courtyard in Sector C, as actually found during excavations and its reconstruction. By O. A. Tumanova.
17. Plans of Fayaz-Tepe and the Buddhist complexes of Kara-Tepe.
18. IR-spectra of specimens of grounds and white paints.
19. IR-spectra of specimens of red pigments.
20. IR-spectra of specimens of yellow and brown pigments.
21. IR-spectra of specimens of blue and green pigments.
22. IR-spectra of specimens of black pigments.
23. IR-spectra of chaulk, wheat glue.
24. IR-spectra of gilding size and chlorophorm extract.
25. IR-spectra of water extract from soil and substances obtained from fragments of murals.
26. Inscription in Kharoshthi on the wall of a vessel from Kara-Tepe.

Plates

1. Room X-1. Entrance staircase and «washstand».
2. Room X-3. Northern part.
3. «Washstand» in room X-1 *(a)* and kubur line *(б)*.
4. Room X-4. Suffa.
5. Sector C. Arch iwans 4, 5 and 6.
6. Room X-4. Remnants of altar: *(a)* early period; *(б)* late period.

7. Sector D. Southern iwan. Base and south-eastern corner of the lower part of the courtyard.
8. Sector D. Eastern niche as found during the excavation of entrance to cave P-V.
9. Sector D: *(а)* niche in the walled-up passage to the cave cell; *(б)* walled-up entrance to cave cell.
10. Sector D. Southern iwan. Central niche.
11. Stone capital of pilaster. Details.
12. Ceramic disk (lid of a reliquary?) and clay bulla(?).
13. Pieces of gypsum (plaster).
14. Two-handed vessels from the burial layer.
15. One-handed jugs and vessels from the burial layer.
16—20. Fragments of vessels with inscriptions in Kharoshthi.
21. Fragments of vessels with inscriptions in Kharoshthi *(а, б, в,* and *д)* and Brahmi *(г)*.
22. Fragment of vessel with inscription in Kharoshthi.
23. Fragment of vessel with unidentified inscription.
24. Vessel fragments with inscriptions in unidentified writing: Kara-Tepe *(а, б, в)* and Khatyn-Rabat *(д)*.
25. Coins from Kara-Tepe (enlarged).
26. Chasing on Hephthalite coins from the hoard (enlarged).
27—30. Bits of corroded metal with details indicating the composition, technique and other features of the wares.
27а. Structure of metal preserved in mirror frame. ×200.
27б. Structure of fully mineralised mirror section. ×200.
27в. Sections of pure copper in the mirror structure. ×200.
27г. Sections of pure copper in the structure of the mineralised part of mirror. ×200.
28а. Microstructure of kyaf. ×200.
28б. Transversal polished section of kyaf wall. ×200.
28в. Microstructure of mineralised kyaf wall; with a portion of pure copper. ×200.
29а. Embroidery imprinted in corroded metal.
29б. Characteristic cracks on hammered mirror.
29в. Signs of destruction in a composite-technique bottle (cast body and hammered bottom).
29г. Polished section on the surface of a metal object covered with corrosion.
30а. Layer structure of kyaf handle (cross-section).
30б. Layer structure and cracks in cross-section of censor wall.

CONTENTS

Editor's Note 5
B. A. Stavisky. Main Results of Studies at Kara-Tepe: 1974—1977 . . 7
A. F. Berdnikov. Excavations in Sector C: 1974—1977 50
L. I. Albaum. On the Interpretation of Kara-Tepe Sectors (in the Context of Excavations at Fayaz-Tepe) 56
B. I. Vainberg, T. A. Rayevskaya. Numismatic Notes 64
N. S. Sychyova, V. L. Sychyov. On the Semantics of Figurative and Ornamental Motifs in Kara-Tepe 72
E. N. Ageyeva, G. Y. Belozerova. Limestones in Kushan-Period Monuments from Termez and its Environs 94
V. Y. Birstein. Identification of the Mineral Components of Grounds and Pigments of Kara-Tepe and Other Central Asian Monuments by Physico-Chemical Methods 97
Z. M. Zhelninskaya, S. V. Vitt, M. B. Saporovskaya, Y. A. Paskonova. New Data on the Binding of Colours in the Kara-Tepe Murals . 115
Z. M. Zhelninskaya. On the Analysis of the Binding Medium in the Murals of Kara-Tepe and Other Archeological Monuments of Central Asia 120
I. G. Ravich, M. S. Shemakhanskaya. On the Possibility of Studying Mineralised Archeological Metal 129
V. V. Vertogradova. Indian Inscriptions on Kara-Tepe Pottery (from the 1970's Excavations) 134
V. V. Vertogradova. Discovery of an Inscription in Unidentified Writing at Kara-Tepe 160
List of Illustrations 168
Plates 170
Abbreviations 194
Summary in English 195
List of Illustrations in English 197

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5
Б. Я. Ставиский. Основные итоги изучения Кара-тепе в 1974—1977 гг. 7
А. Ф. Бердников. Раскопки комплекса В в 1974—1977 гг. 50
Л. И. Альбаум. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе) 56
Б. И. Вайнберг, Т. А. Раевская. Нумизматические заметки . . . 64
Н. С. Сычева, В. Л. Сычев. К проблеме семантики изобразительных и декоративных мотивов на Кара-тепе 72
Э. Н. Агеева, Г. Е. Белозерова. Известняки в памятниках Термеза и его округи кушанского периода 94
В. Я. Бирштейн. Идентификация минеральных компонентов грунтов и пигментов росписей Кара-тепе и других среднеазиатских памятников с помощью физико-химических методов 97
З. М. Желнинская, С. В. Витт, М. Б. Сапоровская, Е. А. Пасконова. Новые данные о связующем краски настенной живописи из Кара-тепе 115
З. М. Желнинская. К вопросу об анализе связующего в стенных росписях, открытых на Кара-тепе и некоторых других археологических памятниках Средней Азии 120
И. Г. Равич, М. С. Шемаханская. О возможности изучения минерализованного археологического металла 129
В. В. Вертоградова. Индийские надписи на керамике из раскопок 70-х годов на Кара-тепе 134
В. В. Вертоградова. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе 160
Список иллюстраций 168
Иллюстрации 170
Список сокращений 194
Summary 195
List of Illustrations 197
Contents 199

БУДДИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАРА-ТЕПЕ
В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Основные итоги работ 1974—1977 гг.

Редактор *И. Г. Михайлова.* Младший редактор *Р. Г. Канторович.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *З. С. Теплякова.* Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14322

Сдано в набор 10.08.81. Подписано к печати 17.02.82. А-04042. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая и офсетная. Усл. п. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,875. Уч.-изд. л. 13,63. Тираж 3000 экз. Изд. № 4683. Зак. № 420. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
75	3 св.	пещеры 4	пещеры 3
101	9 св.	$CACO_3$	$CaCO_3$
120	в заголовке	Передней Азии	Средней Азии

Зак. 420

